

Житие святейшего патриарха Никона иподиакон Иоанн Шушерин

Патриарх Никон. Труды
Научное исследование,
общая редакция В.В. Шмидта
Извещение о рождении и воспитании и о житии Святейшего
Никона, Патриарха Московского и Всея России
написанное клириком его Иоанном Шушериным
(с печатного издания 1817 года, сличенного с тремя
древнейшими списками)

Вместо предисловия

(о печатаемой рукописи)

Известие о житии и деяниях Святейшаго Патриарха Никона, написанное в 1681–1686 годах бывшим сперва клириком Патриарха, а по его кончине крестовым дьяком у Царевен, И.К. Шушериным, долго служило единственным источником сведений о великом Святителе и потому вскоре по написании распространилось по России в довольном числе списков, и наконец было напечатано во всеобщее известие (О.П. Козодавлевым), с одного из таковых списков (Иверскаго монастыря), двукратно (СПб., 1784, 8. и перепеч. там же 1817, 8), под заглавием: «Житие Святейшаго Патриарха Никона, писанное неким бывшим при нем клириком». Издание это, как удостоверились мы тщательным сличением его с несколькими древнейшими списками, хотя и полно по содержанию (без значительных пропусков), но испорчено так называемым подновлением слога, состоявшим в обрусении (местами, особенно в начале) церковно-славянской речи подлинника, местами чрез перестановку (и часто неудачную) слов, а местами через одно изменение их окончаний. Введено не существующее в подлиннике разделение на главы, часто неудачное; а в одном месте главы эти перемешаны между собою в ущерб хронологическому порядку событий. Оба первых издания сделаны на плохой бумаге, неразборчивым шрифтом и испещрены немалым числом опечаток, и при всем том давно уже составляют библиографическую редкость. Настоящее издание приготовлено нами по сличении между собою трех печатных списков с вышеупомянутым сочинением Шушерина, принадлежащих библиотеке Ставропигиального Воскресенскаго монастыря Нового Иерусалима, из коих основной, который будем называть «собственно Воскресенским», судя по характеру письма, написан в конце XVII столетия, современно появлению самага сочинения и, может быть, с первоначальнаго списка; он писан крупною, похожею на полуустав скорописью; кроме «известия о жизни Святейшаго Патриарха Никона» (ныне

перепечатаваемого третьим изданием. – В.Ш.), в конце рукописи присоединено несколько актов, касающихся до истории сего иерарха. Такой состав этого древнейшего из известных нам списков дает право полагать, что и первоначальное сочинение И. Шушерина имело тот же самый состав, изменявшийся в последующих списках чаще убавлением, нежели прибавлением актов, помещенных в первоначальном. Но так как эти акты имеют лишь значение исторических материалов и уже все напечатаны в разных сборниках и периодических изданиях, то в настоящем издании, имея исключительную целью сохранить для потомства сочинение И. Шушерина в его подлинном виде, – мы не касаемся вовсе упомянутых актов и даже опускаем помещенные при печатном издании в русском переводе разрешительная Патриаршая грамоты, как требующая сличения с греческими подлинниками (хранящимися в Синодальной ризнице) по своей темноте. Как замечено выше, печатное издание (по Иверскому списку) уже давно сделалось библиографическою редкостью и хотя с тех пор издано несколько жизнеописаний Святейшаго Патриарха новейшаго сочинения, но ни одно не заменило собою сочинения И. Шушерина, которое требует тщательного переиздания уже и по одному тому, что оно есть единственное современное сказание о Патриархе, написанное хотя и близким к нему лицом, но уже после кончины Святейшаго и притом когда еще были в живых многие из врагов его. Из остальных двух списков один списан в 1827 году с древняго списка Соловецкой библиотеки, а другой со списка бывшего Румянцовскаго музея; а посему мы и будем называть находившиеся в нашем распоряжении списки так: 1-й основной – Воскресенским, 2-й – Соловецким, 3-й – Румянцевским и 4-й печатный – Иверским. Замеченныя разницы, оказавшыяся при сличении ныне печатаемаго основнаго Воскресенскаго списка с печатным Иверским и двумя вышеупомянутыми Соловецким и Румянцевским, обозначены в подстрочных примечаниях под буквами: П.И. (печатный, – Иверский), С. (Соловецкий), Р. (Румянцевский).

В заключение приведем несколько данных для биографии жизнеописателя Патриарха (его клирика) Ивана Корнильевича Шушерина. Сам он в «послесловии» своего сочинения обозначил свое имя, отчество и прозвание (фамилию) в форме загадки, основанной, по тогдашнему обычаю, на численном значении букв славянской азбуки, причем вместо настоящей своей фамилии Шушера употребил псевдоним Рипатов, как это ясно означено в древнейшем из известных нам списков (Воскресенском); сделал же это, как можно догадываться, потому, что настоящая его фамилия, в письменное начертание которой входит двукратно буква ш, не имеющая цифирного значения, не подходит посему под форму цифирной загадки. В том же «послесловии» Шушера выражается о себе, что он был родом новгородец и «воспитан из детска возраста и возмужа при бедре Патриарха и во время Собора (1666 г.) много зла претерпе, во дни изгнания Святейшего Патриарха в заточении сидя в Москве за разными стражи три лета». В другом месте того же сочинения он рассказывает подробно и самое взятие его под стражу.

Дело было так: при въезде Патриарха в Москву поддьяк Шушера ехал верхом впереди патриарших саней с крестом в руках; при въезде в Кремль его остановили у ворот и объявили, что «по царскому указу его велено де взять под стражу»; тогда Шушера, исполняя предварительно полученное от Патриарха приказание, в случае задержания не отдавать никому креста, кроме самого Патриарха, – передал крест в руку Святейшего, взял у него благословение (увы, последнее в сем мире) и беспрекословно отдался в руки стрельцов, которые, взяв его «под обе пазухи, скорее понесли, чем повели» (как выражается Шушера) его, и через краткое время поставили пред царския очи. Здесь последовало несколько значительных вопросов, на которые Шушера или не дал желаемого ответа, или отвечал не так, как ожидали, почему и был отведен под стражу, под которой и пробыл, по его свидетельству, в течение трех лет, а следовательно, до 1670 года. Потом послан в изгнание, ворочен «на свою родину», в Новгород, где, по его словам, пробыл в изгнании (из столицы) всего 10 лет, а следовательно, до 1681

года, в котором по прошению благоверной Царевны и Великой Княжны Татьяны Михайловны к своему племяннику Царю и Великому Князю Феодору Алексеевичу, взят в Москву и сделан крестовым дьяком Царевен, то есть заведывал церковным хозяйством (ризничною казною) собственной Дворцовой (теремной) церкви Царевен. Находясь в этом звании до самой своей кончины (=1693 г.), Иван Корнильевич, как известно (и не по одному его собственному свидетельству), «имея велию веру ко Господу Богу и ко святой обители Воскресенской, велие тщание показа, о наведении великой (соборной) церкви, ходатайством своим пред Царевною Татьяною Михайловною, у которой был в особой милости, паче инех сверстник своих чину того же». И.К. Шушерин скончался, как можно полагать, в 1693 году, ибо в приходо-расходных книгах Воскресенского монастыря за сей год в «...» месяц значится, что сын его Михаил Иванович Шушерин дал по отце своем на поминание «...» рублей. Погребен в своей любимой обители – Воскресенской – близ гроба своего благодетеля Святейшаго Патриарха Никона, под Голгофою же, в трапезе храма св. Архангела Михаила, устроенного, как можно полагать, его же усердием, ибо освящен еще в 1690 году. В монастырской ризнице памятью усердия Ивана Корнильевича Шушерина к Воскресенской обители остается доселе на престольный крест со св. мощами сребро-позлащенный и украшенный драгоценными камнями и жемчугом Корсунского дела (по описи № 2-й) с следующею надписью на шестигранной рукояти: «лета 7189 (1681) году июля в 4 день построил сей крест по обещанию во обитель св. Живоносного Воскресения Христова во Храм св. Голгофы, идеже есть крест Господень, или где настоятель сей обители изволит, Государынь благоверных Царевен Крестовый дьяк Иоанн Корнильев Шушерин за оставление грехов своих и в вечное поминание по себе и по своих родителех».

На вопрос: где и когда было написано Шушериным его сочинение? можно утвердительно отвечать, что если он и начал его в Новгороде, то окончил не прежде как по возвращении (в 1681 году) в Москву, ибо так как сам Шушерин не был на Соборе, то для описания онаго ему надобно было собрать

справки у очевидцев, а сие он мог сделать лишь в Москве, также как и списать копии с тех актов, которые составляют приложение к жизнеописанию Патриарха. Последнее из упоминаемых в сем сочинении событие освящения соборного храма Воскресенской обители относится, как известно, к 1685 году. Итак, «Известие» Шушерина написано между 1681 и 1686 годами.

Некоторые современные писатели, по-видимому, вменяющие себе в особую заслугу уничтожение исторических личностей (см. о сем подробно прекрасное сочинение Н.И. Субботина под заглавием «Дело Патриарха Никона». М., 1862) бездоказательно обзывают сочинение Шушерина «пристрастным», и на этом основании готовы даже исключить его вовсе из числа источников для оценки сего Святителя. Но для нас дороже суд о сем его современников, от которых не дошло до нас ни одного столь «пристрастного» упрека, напротив, распространение сего сочинения по России во многих списках свидетельствует о справедливом внимании к нему русских людей. А три года тюремного заключения и десять годов ссылки, которыми запечатлелась верность Шушерина своему благодетелю, – дают ему неоспоримое право и на признание потомством искренности его убеждений, и если можно не во всем соглашаться с его умозаключениями, то, повторяем, нет ни малейшего подозрения относительно фактической стороны «Известия», что достаточно доказано в вышеупомянутом сочинении профессора Н. Субботина.

Архимандрит Леонид (Кавелин)

Новый Иерусалим 1870 года

Извещение о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и Всея России

В лето от мироздания, 7113 (1605) в месяце мае в пределах Нижняго Новаграда, в веси нарицаемой Велдемановой¹, родился он – Святейший Патриарх от простых, но от благочестивых родителей, отца именем Мины и матери Мариамы, и наречено имя ему Никита; по имени преподобнаго Никиты Переяславскаго чудотворца, егоже Святая Церковь прославляет мая в 24 день.

По рождении же его мати, не многая времена поживше, и Никиту в мале возрасте оставльши, преставися в вечную жизнь.

По преставлении же матери его жена некая, именем Ксения, зряще сиротство и малость возраста Никитина, сжалившись о нем матерски воспитоваше его, а отец Никитин поят себе вторую жену, яже мачеха его зело к оному Никите бысть зла.

Имеяше бо та своя чада с собою приведенная, и егда убо чада своя она питаше, а Никите, разве хлеба, ничтоже даяше, темже он, некогда истаяваем гладом, понудился сам себе в погребу пищу взяти, юже она детям своим даяше; еже узревши мачеха его в погреб идуща, тако его удари между рамен мачеховски, а не матерски, яко от онаго ея ударения в погреб падесе и едва тамо не лишился духа жизни.

И паки некогда в зимнее утреннее время от велия холода, ради согрешения зайде в пещь и усну тамо; она же увидевши его тамо и, от пребывающей в ней к нему злости, восхотевше его сожещи тамо, закладе его в пещи дровами и зажже оные; он же от дыма и горячести огня возбудився, и от страха смерти вельми нача вопити и от тоя ему напрасный смерти избавления просити; и абие услыша вопль его, баба одна его и зажженные дрова из пещи немедленно извлече и его от таковыя напрасныя нужды смерти избави, ибо та к нему бе зело милосерда; овогда же, по обычаю своему, отцу его из дому своего на своя си дела ради исходящу, и тогда, в его дома не быти, мачеха

Никитина многая ему оскорбления творящи и множицею даже до крови немилостивно, не яко чада своя, но яко пасынка, бияше.

И егда от дела сей отец его в дом свой возвращашеся, и видев его от мачехи избиенна, множицею сжалися о нем, Никите, жену свою овогда словами претити, овогда же и ранами наказоваше; обаче не возмог злости жены своея усмирить, но тем оную на вящшую злобу к Никите подвиже, ибо множицею та мужу своему различными образы на Никиту нападение² творяше, и сама день от дне ко оному наивящее зло умножаше, даже ей окаянней помыслити и о лишении жизни сея ему промысли; и умысли его ни убиением, но отравным зелием смерти предати, и по умыслению абие делу оному касается, и стерши мелко мышьяку насыпа в еду на то нарочно устроенную, и яко бы матернюю любов к нему нача являти, и любви исполненная словеса ему глаголати, дабы той оныя яди в сласть себе сотворил удовольствие; он же не ведая того лютаго на него смертнаго злокозненнаго ухищрения, нача оную пищу ясти, (Богу же его хранящу), позна некое необычное от тоя яди в гортани его деяние, – преста ту ясти и нача воду пити, и тако от тоя смертныя отравы Божиим хранением и многим водопитием избавися.

Потом по желанию Никитину, паче же по Божию смотрению, отец его вдаде его в научение грамоте Божественнаго писания, – он же благодатию Божиею и Святаго Духа скоро извыче святых книг прочитанию; и отшед от учителя нача в дому отца своего жити и Писание забывати. Познав же сие абие умысли, взяв нечто из дому отца своего из пенязей, ради научения Божественнаго писания отыти в монастырь, и тако сотворив, иде во обитель Макария Желтоводскаго к некоему старцу богодухновенну, и пришед тамо оному старцу даде от принесенных с собою пенязей на вклад в оную святую обитель, во еже бы ему Игумен и братия благословили в той обители жити и с клирики пребывати и Божественнаго писания навикати.

Старец же принесенныя пенязи приняв и об нем и о принесенных пенязях Игумену и братии объявил, сотворив к

ним об нем моление, да благословят ему в той обители по его желанию жити.

Игумен же и братия принявши пенязи, в монастыре ему быти и с крилошаны жити благословиша; он же желание свое улуча и Богу благодарение воздая, всеусердно нача тщатися, дабы всегда к началу Божественного пения в церковь приходить, и видя своя детская лета, в них же обыкл есть сон крепок быти, нарочно в летнее время, опасаяся церковного начало-пения проспати, нача у благовестного колокола спати; таковое бе того отрока еще во мдадых летех о церковном пении тщание; и тако ему в той обители дни препровождающе и непрестанно о чтении и навыковении Божественного писания прилежащу.

Случися же некогда сверстником его пойти в иную обитель с благословения настоятельскаго прогула ради и его Никиту с собою пояти; идущим же им обретоша на пути жилище некотораго татарина товарищем его знакома, иже аще и татарин бе, обаче странных христиан любезно принимаше и христианским обычаем упокоение им творяше; и той любезно в дом свой прият их и упокои и упроси их у него вечер той и ночь пребыти, уже бо весь день той к вечеру преклонися есть; товарищем же его ведущим, яко той татарин гадательствует, и кому како, богато или убого, жити и в каком чине быти прорицает, начаша его просити, дабы им по единому коемуждо по своему гадательствуя о том поведал: он же того им сотворити не отречеса, но всякому по их желанию разсмотря, своим ухищрением о житии их и чинех поведа им; егда же дойде до отрока Никиты, зря на него и гадательная своя орудия, нача зело удивлятися и гадательныя своя книжку и палицу нача часто обращаться, и вопросы Никиту: какова ты роду? он же глагола ему, яко простолюдин есть; татарин же сие от него слышав рече ему: Никито, почто ты просто так ходиши, блюдиися и ходи опасно, яко ты будеши Государь Великий царству Российскому; еже и сбытсся, якоже о том впереди известится. Отрок же Никита слышав сия от татарина странныя глаголы удивися, и не бысть оным словесам вероятен.

По обнощевании же у татарина в намеренный им путь поидоша, и, совершивше оный путь, паки возвратишася во обитель Макария преподобнаго, и тут якоже и прежде, начаша жити; и потом отрок Никита о церкви Божией и о снискании Божественнаго писания и о научении велие тщание имеяше.

И по неколиком времени уведа о нем отец его, яко он во обители той жительствует, посла по него приятеля своего, прося его о возвращении в дом отцев увещати, и аще он из обители той в дом не восхощет возвратитися, и отец его повеле рещи ему сице: яко отец твой Мина зело от великия ему скорби изнемогает и близ уже есть смерти, такожде и баба твоя от древности недугуя в скоре имать конец жизни сея восприяти.

Посланный же отроку елико можаше о возвращении в дом отцев глаголаше; обаче же никакo его возмог на оное склонити, потом глагола ему: веси-ли, о Никито, яко отец твой и баба, ов от великия скорби, ова же от древности близ уже смерти пребывают, и аще не ускориши, то в сей жизни оных уже не узриши. Сия же Никита слышав предреченное, к родителю и к бабе любви ради прослезися и, желая оных в жизни сей узрети, абие из обители преподобнаго отца Макария в дом отца возвратися, и пришед обрете их во здравии сущих; но аще и хитростию отец ему повеле о своей и бабиной скорби и смерти известити, обаче по Никитине в дом возвращении, не в великом времени и разстоянии, отец его и баба при нем болезнь и смерть приемше, и христиански на оный вечный путь уготовавшеся, поидоша в некончаему жизнь.

Никита же, отцу своему и бабе подобающее телесем их погребение сотворив и должное повиновение исполнив, хотяше паки оставя дом итти в монастырь, обаче от сродник многих советом и прошением на волю их к сочетанию браком (Богу тако хотящу) преклонся; сочетався же законному браку и прежив неколико время, желая церковною службою наслаждаться, пойде от дому своего на изыскание жития своего при церкви Божией, и еже желаше, то немедленно и получи, обрете бо в некоем селе церковь Божию без клирика, в немже Иереи и поселяне с любовию прияша его и несколько тут ему с супругою своею прежившу к той церкви и во священники посвися.

По малом же времени из того села преселися жити в царствующий град Москву, и тамо некая лета пожив, зря суету мира сего и непостоянство, и желая ко спасению обрести путь удобный, нача супругу свою на оный свой благий совет увещевати. Богу же ему в том увещевании благодатию Своею помогшу, супруга его восхоте Богу паче, нежели миру работати и избра себе на богоугодное житие в царствующем граде Москве Алексеевский девичий монастырь.

Он же Богу во оном за вспоможение сотворив благодарение, супруге же своей устроя келию и дав за нее в той монастырь подобающий вклад и ей на одежду и на пропитание, а сам умысли итти на остров Анзерский, иже стоит на океяне море близ острова Соловецкаго. Всех же лет Никита с супругою своею до своего с нею распряжения поживе 10 лет, и име с нею три чада, яже во младых летех изомроша; и по оному своему умышлению абие поиде в той вышереченный остров, и дошед тамо пострижеса во иноческий образ и наречено ему монашеское имя Никон, и пребысть под началом у некоего старца богодухновенна именем Елиазара, иже тому Анзерскому острову начальник.

Обычай же бе в та времена на том острове у отцев таков: яко келия от келии отстояще по два поприща, таково же удаление и от церкви имеюще, и во всякой келии по единому брату живяше; бысть же на том острове точно дванадесят братьев, правило же их бе сице: яко в вечер субботний вся братия к церкви собирахуся, и собравшеса начинаху пети вечернюю службу и повечерие и не расходящеса и утреннее пение пояху, и вся 20-ть кафизм псалтири совершаху; по десяти же кафизмех Евангелие Воскресное толковое прочитоваху; псалтирь же егда читаху и во оное время братия вся сидяще, и тако на пении божественном всю ночь препровождаше и дня дождавшеса нерасходно и священную Литургию совершаху, и по Литургии друг другу целование дающе и о святой молитве просивше, кийждо во свою келию возвращашеса, и даже до недели друг друга не видяху; питание их бе вящшая часть от Государския милостыни всякому брату на каждое лето по три четверти малых во отдаточную меру муки даваху, к тому от

ловцов подаянием милостыни на острове том обретающимся овощием; Никон же живя тамо, по благословению отца своего начальнаго старца Елиазара, вдаде себе великому посту и воздержанию, бе бо правило его зело велико, яко на кийждо дненощствие при церковном правиле и при кафизмах и канонех целой псалтирь прочитая, по тысяче поклонов творяше, сна же зело мало употребляше.

Ненавидяй же добра диавол, видящи Никона неленностно Господеву работающа, нача нань велию брань воздвизати в келии и егда хотящу ему некогда мало от труда почити, тогда абие нечистии дуси приходяще к нему в келию его давяху, и иныя пакости и страшилища многообразными своими мечты даяху, и от труда ему почити не даяху; зря же на себе таковую бесовскую брань к правилу своему приложи еще в от обуревания злых духов молитвы читати, и по вся дни воду святити и оною святою водою всю свою келию кропити; и тако от оных, благому житию злых наветников, без пакости от труда своего упокоение принимаше.

Супруга же его живущи не пострижена во Алексеевском монастыре, за вражим ей научением забывши свое обещание о пострижении, паки восхоте в мирския суеты вдатися и второму браку совокупитися, о чем Никон, по писанию к нему из царствующаго града Москвы от сродник его, известие восприимши, зело оскорбися и велиим душа его смятением; моли и всемогущаго Бога и Владыку о ея спасении и да дарует ей от таковаго ея неблагога начинания обращение и сподобит ю монашеский образ восприяти; и о увете супруги своея писа к сродником своим, иже по оному его к ним писанию ону о ея предварившем обещании увещаваху.

Не презревый же раба своего Никона милосердый Бог молитвы, даде силу их увещанию, и сотвори ю предваривший обет восприяти и произвести той в действо; оставльши о возвращении в мир в сердце своем, – абие в том монастыре прияша монашеский образ; еже сие Никон уведа, зело велие Богу благодарение воздаяше, яко не презре его к Нему прошению, и Оному яко раб Его верный во Анзерском ските в монастыре Соловецком в службе Иерейской трудися.

Некогда же восхотев ийти в царствующий град Москву, боголюбезный старец Елиазар ради собрания милостыни на строение каменные в том острове церкви, поемлет же с собою и его, иеромонаха Никона.

Пришедшим же им в царствующий град Москву, яко тамо от многих благородных и благочестивых, ради добродетельнаго жития знаемая, на созидание церкви в подаянии били челом благочестивому Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу всеа России и благоверным бояром и благочестивым разных чинов людям, от них же приобретше на оное церковное строение с пять сот рублев. Паки возвратишася во Анзер и пришедше, тамо сохраниша оныя деньги в церковную ризницу: и тако тамо оныя деньги лежаху до двух или до трех лет. Иеромонах же Никон, опасаяся разбойников, да не како уведавше они о тех сохраненных деньгах, пришедше не точию они возмут, но и их смерти предадут, нача он начальному старцу Елиазару о оных деньгах совет предлагати, дабы на оные деньги благоволил церковь созидати или в Соловецкий монастырь на сохранение отдать, дабы в оных деньгах им от разбойников какого бы зла не пострадати; егоже сей совет старцу неключим явися. И того ради в ненавидении у старца нача он быти, о чесом скорбе Никон; некогда же виде Никон в сновидении стоящ сосуд некий исполнен некоторых семян, тому же сосуду некоему человеку предстоящу, Никону глагола: яко твоих трудов мера исполнена есть; ов же Никон, некако хотя яко бы обратится, разсыпа всю ту меру оных семян, и паки нача оныя просыпанныя семена в ту же меру, из коей разсыпаны собирати, и собра паки, но не исполнися тако та мера полна якоже и прежде; и по оном сновидении видя отеческий на него гнев не умаляющийся, но день от дне вящше возрастающий, егоже он никоим образом возможе успокоити, даде старцу сему гневу место: от онаго острова в малом кораблеце с неким христианином поплыша морем к берегу земли; плывущим же им морем и абие море взволновашеся, яко едва они не потопоша, и оным волнением намереннаго пути лишившеся, приплыша к некоему острову нарицаемому Кию, на нем же он Богу благодарение за избавление от морского потопления воздав,

постави крест деревянный и обещаюся тамо на оном месте, идеже крест водрузи, аще Бог восхощет и подаст ему свою святую помощь, устроити монастырь Крестный, иже ныне по его желанию и тщанием, государскою и его келейною казною зело благолепно и удивлению достойно устроен. На острове же Анзерском, иеромонах Никон поживе три лета, а на острове, нарицаемом Кий пребыша дондеже улучат в намеренный им путь время благополучное, и то улучивше поплыша прямо ко Онежскому устью, бе бо той остров отстоящ от Онежскаго устья 10 поприщ, а приплывши ко оному устью крестьянину даде наем, сам же пеш поиде близ реки Онеги.

Идущу же ему тем путем оскуде у него пища, и десять дней в гладе быв, прииде против некия веси и нача за рекою живущих о перевозе его к ним молити, и некто же от живущих тамо богатых восхоте онаго в гладе сущаго иеромонаха перевезти, точно едина убогая вдовица услышавши глас его умилися и повеле сыну своему его из-за реки перевезти к ним на их страну; егда же той по повелению матери своея иеромонаха Никона перевезе, он же ничто же имея за перевоз дати, поклонися и рече: сам Господь за вашу ко мне показанную любовь да воздаст, и поиде в ту весь, надеяся яко обрящет тамо человека, яже бы его яко странна принял обнощевати и удовлетворити пищею, но не у единого, аще и богати суще, таковыя милости обретши, паки ко оной вдове, кая милость к нему показавши, возвратися. Она же видевше его, яко ни от единого возмогше милость улучшить и пищею удовольствоватися, аще и сама в конечней хлебной скудости пребывает, бе бо во оно время в той стране глад, обаче с любовью в дом свой прияла и пищею своею наплатала; он же видевши таковое к нему показанное милосердие, ублажив оную вдовицу глагола ей: аще Господь восхощет и жив буду, всячески потщуся сию твою мне показанную милость заплатити, еже и сбытся. Яко по устроении на острове Кий Крестнаго монастыря благочестивейший Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всея великия и малыя и белыя России самодержец ко оному монастырю то село, в нем же та вдова живяше, и со оными тамо селы вдаде ко оному Крестному

монастырю; ей же, вдове, и с детьми за оную показанную милость от него, Святейшаго Патриарха, от всяких податей вечное ослабление или освобождение дадеся³.

По обнощевании же у вдовицы иеромонах Никон прииде в Кожеозерскую пустынь и тоя пустыни игумена и братию прося о принятии его; они же безвкладно в той монастырь не принимаху, ему же не имеюще что вkladу им дати, отда им и последния от своих трудов две книги: полуустав и каноник; они же взявше те книги, с собою в той пустыни жити его прияша; в ней же живя он литургисаше, и по малом времени сжалившись о уединенном пустынном житии, моли настоятеля тоя пустыни и братию да отпустят его с их благословением на некий особый остров, во еже бы ему тамо устроая себе келию и прежде приятое правило удобно было совершати.

Игумен же и братия, зряще на моление его, преклонившеся и из той пустыни с благословением отпусти его; он же намереннаго своего острова дошед, и на нем келию своим руками себе устроив, нача жити чином Анзерския пустыни. Остров же той на том озере, на нем же и Кожеозерская пустынь; живущи же тамо по молитве поделие имяше рыбное ловление, бе бо то озеро зело рыбно, от людей же мирских жительство удалилося поприщ в сорок. Ему же тамо живущу, Кожеозерския пустыни игумен от жизни сея во оную вечную жизнь преселися. И по преставлении онаго, тоя пустыни братия вся видяще иеромонаха Никона от Бога одаренный ему разум и добродетельное его житие, молиша его прилежно, да сотворит ради любви Христовы к ним милость, оставивши то свое уединенное житие, да будет им игумен. Он же по многом своем отрицании не мог многаго их прилежнаго братии прошения презрети и с того своего острова изшед⁴, поиде в великий Новгород и поставлен бысть в ту Кожеозерскую пустынь во игумена преосвященным Аффонием, митрополитом Новгородским и Великолуцким; и паки из великаго Нова-града возвратися в Кожеозерскую пустынь, в ней же живя труды к трудам прилагаше, почасту на братию рыбу ловяше и сам оную пред них в трапезу представляше.

По претечении же жития его во оной обители трех лет, случившимся монастырским нуждам, их же ради поиде он в царствующий град Москву, во дни благочестно царствующаго благовернаго и Христолюбиваго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексия Михайловича всея великия и малыя и белыя России самодержца; живущу же ему в царствующем граде Москве и нужды монастырския исполняющу, позван бысть от Великаго самодержца и поставлен Святейшим Иосифом Патриархом Московским и всея России во архимандрита в Спасов монастырь на Новое. В нем же пребывая и труды к трудам прилагая, весьма тщася врученное ему словесное Христово стадо и монастырския дела добре правити, для чего от Великаго самодержца зело возлюбися, и желая его Богодухновенною беседою наслаждаться, повеле ему, архимандриту, во вся пятки приезжати к себе, Великому Государю, сверх к заутрени. Он же по повелению царскому во вся пятки к нему, Великому Государю, ко утрени приезжая, многих обидимых вдов и сирот прошением своим от насильствующих им избавляше.

Видя же благочестивый Царь его о правде тщание, повеле ему обиженных челобитныя к себе, Великому Государю, приносить, бе бо сам благочестивый Царь о праведнем суде тщашеся; и чесом от царствующаго града жителей Никон познася: мнози к нему, овии во обитель Спасову притекати и милостиваго его заступления просити начаша; овии в пятке, грядуща его вверх в дороге, ожидающе и челобитныя ему подавающе. Он же готов всем обиженным и скорбным, а наипаче вдовам и сиротам беззаступным помощь подавати, все те челобитныя Великому Государю вручаше и о них прилежное моление творяше.

Великий же Государь всегда по утреннем пении, не исходя из церкви, все те челобитныя выслушав, милостивый свой царский указ на всех при себе подписывать веляше, и архимандриту сам вручаше. И тако той благодетель в оной Спасовой обители поживе три лета.

По прошествии же тех трех лет, ради добродетельнаго его и в мире славнаго жития, по благоволению Великаго Государя

Святейший Иосиф Патриарх Московский и всея России, со всем освященным собором поставиша его в великий Нов-град в митрополиты на место митрополита Аффония, бе бо той Аффоний муж свят, обаче престарел и безпамятством объят бысть, и сам о сем от престола освобождения Самодержца и Святейшаго прошаше; егда же Преосвященному Никону митрополиту в Нов-град пришедшу, и вскоре прежде бывшего Преосвященного Аффония, митрополита, в Спасском Хутынском монастыре живуща, посещающу, нача у него благословение просити; он же рече: ты мя благослови, и тако на мног час прению о благословении бывшу; Аффоний Никону рече: благослови мя Патриарше! Никоне же: ни, отче святой, аз грешный митрополит, а не Патриарх; Аффоний же рече: будеши Патриарх, но благослови мя; и тако от Никона прият благословение, таже и сам его благослови.

Преосвященному же митрополиту Никону правящу престол Новгородския митрополии, не точию не изменися своего благаго нрава, но и паче тщашеся о всяком деле на славу Божию благоустроение, и о праведнем суде, сам бо пред собою велия дела и распри у соперников праведно разсуждая, с милостию велиею примирение им твориша, и милостыню велию даваше, а наипаче егда благоволил Господь Бог при нем ту страну голодом хлебным посетити: ибо в то время особно во своем дому отлучи велию палату, глаголемую погребную и в ней заповеда приходящих бедных и нищих питати в день, елико их когда приидут; и на всяк день приходяще питахуся овогда по сту, овогда по двести, овогда же по триста человек, и вящше питахуся; питатель же бедных и нищих бе муж свят именем Василий, прозванный босый, зимою бо и летом всегда бос хождаше, а при рождении его и святом крещении дано ему имя бе Вавила; имяше же муж той обычай сицев: яко егда по повелению преосвященного Никона митрополита всех нищих за трапезу сести устроить, и тогда у всякаго дозирует на выи креста, и аще у кого не обрящет, и оному свой да дарует; и всем завещавает, во еже бы присно крест Христов, честное знамение спасения нашего, на выи своей носита, и на него очесы и мыслию зряще, Христову к нам превеликую и совершенную

любовь памятовати и Ему нас ради страдавшему всем сердцем и мыслию присно работати.

По всякую же неделю из казны Преосвященного митрополита, по его завещанию, творяше он денежную милостыню: старым по две деньги, средовечным по единой деньге; малым же младенцем по полуденьге; а в каждое утро приходящим даяше по округу хлеба тяжелостию две литры; сия милостыня по его завещанию домовая бяше; своя же келейная казны всегда в чин свой на раздаяние милостыни влагаше по рублю и по два и бедным даяше по гривне и полтине и вящше, зря по потребе.

Еще же той Преосвященный митрополит в великом Нове-граде устрои вновь на убогих сирот четыре богадельни и у Великого Государя испроси на те богадельни повсягодное тем нищим пропитание, а сам во оный и во оныя старыя богадельни и в темницы с милостынею ходяше; в темницах же сидящих вины рассматривавше, бе бо ему сие вручено от Великого Государя, и смотря по винам и покаянию из темниц свобождаше, а наипаче немощных от могущих неправедне держимых от уз изымаше, и освобождение им давал и весьма промышляше о правдотворении, и над самыми того града владеющими, по указу Великого Государя, он надзирающе и их увещеваше, дабы обид, налогов и разорения никому им не творити; о чем слыша Великий Государь зело радовался, яко во дни его Государския державы благоволил Бог из духовнаго чина даровати такового всякому благожелательнаго человека, темже и почасту к нему в великий Нов-град своя царская, всякою удивительною мудростию и любовию исполненная, писания присылал, и присно он, благочестивейший Царь, желал Преосвященного митрополита в царствующем граде имети и с ним, его благою и сладкою беседою наслаждаться, но того за нуждою ему, Преосвященному митрополиту, врученнаго словеснаго стада соделати не хотяше; обаче по вся зимы из великого Нова-града в царствующий град его призывал и немалое время повелевал ему за своим государским указом в Москве жителствовати. Бе бо Преосвященный митрополит зело от

Божественнаго писания сказатель и богодохновенною беседою украшен и глас его благоприятен и слушающим увеселителен, а непокоряющимся Богу и Святей Церкви страшен и, кратко рещи, в та времена не точно ему в том равнаго архиерея не было, но и подобнаго не обреталось. Обычай же он, Преосвященный митрополит, имеяше почасти святую Литургию совершати, а наипаче же во дни недельныя и праздничныя и народа слову Божию учить, его же для сладостнаго поучения мнози от дальних приходов в соборную церковь к Литургии приходяще, поучения его преславнаго с желанием и сердечною любовью, и сладостнаго пения слышаху, он бо первее повелев в соборней церкви греческое и киевское пение пети, об украшении церковном и церковнослужителям о благочинном одеянии и довольном пропитании и во еже бы им от людей почитаемым быти зело он прилежанию велее творяше тако, якоже ин никто же⁵.

Сию же благочестивейший Великий Государь зря к таковому о хвале Божией и Его святых заповедей исполнению и тщанию удивляясь, день от дня наивящшую любовь к нему простираше и все прошение его исполняше.

Потом же благочестивейший Великий Государь и благочестия велий ревнитель, зря в церквах не по древнему Святыя Соборныя Церкви уставу единогогласное пение и наречие⁶ совершаемое, но купно в разныя гласы мнози человецы в церквах ов то, а ин оно без всякаго внимания читаху, и о поспешении прочтения един пред единым тщание имеху, а глаголемых силу презираху, и о таковом нестроении зело сжалився, с советом и благословением отца своего духовнаго соборныя церкви Благовещения Пресвятыя Богородицы, что у него, Великаго Государя, на сенях, с протопопом Стефаном Вонифантиевым, нача он, Великий Государь, о единогогласном наречном пении⁷ в церквах промышление творити.

Ему же в том богоспасаемом деле велий поборник и помощник бысть Преосвященный Никон митрополит, а Святейший Иосиф Патриарх Московский за обыкновенность

тому доброму делу прекословие творяше, и никакоже хотя оное древнее неблагочине на благочине пременити.

Тем же благочестивейший Царь, егда Преосвященный митрополит в Москве живяше, тогда ему у себя вверху и в прочих церквах в них же празднество творяшеся, ради своего Государскаго тамо пребывания, всегда ему, Преосвященному митрополиту, священнодействие совершати повелеваше.

Живущу же ему в великом Нове-граде при боярине и воеводе Князе Феодоре Андреевиче Хилкове, бысть велие народное в великом Нов-граде и во Пскове возмущение. В великом Нов-граде случися сие: некто от посадских людей нарицаемый прозванием Волк, наветом диавольским ради своего малаго злаго приобретения, ходя по немецким дворам, глаголя по-немецки торговым немцам: что ми хотите дати, и аз вам повем тайное над вами новгородцев нынешнее умышление? Егда же они его злое желание златыми ефимками удовольствоваша, и тогда им он поведает: слышите ли в народе на боярина Бориса Иоанновича Морозова нареkanie и измены причитание (во оно бо время велие в народе бяше на него возмущение), и того ради вас, яко друзей его и лазутчиков всех вскоре хошут внезапно смерти предати и имения ваша разграбити; тем же аще кто хошет душу свою спасти от напрасныя смерти, елико можете, скорее от зде исходите! Они же таковая словеса от него слышавше и ради народного возмущения правде быти вменивше, абие на своих и на нанятых конях с товарами своими из великаго Нова-града в землю свою поидоша.

Предреченный же Волк немилостивый, не удовольствуясь еще тою своею лжею, занеже от немцев, яко за истинну мзду восприял есть, еще злейшая умысли: тече бо в земскую избу и тамо и в рядах поведает всяких чинов людям, яко друзи изменника боярина Бориса Морозова немцы бяху на Москве ради прелатательства и от него с казною отпущены в их землю, а ныне они зде, в великом Нове-граде, и едут в свою землю.

Тем же подобает нам ныне, радея Великому Государю и всему Московскому царствию, тщание явити и тех немцев ныне

переимав, казну ону у них взяти, и их яко прелагателей и изменников судити.

Слышав же народ от него, злаго человека, таковая злая ложная и к возмущению удобная словеса, абие возмутительным чином на гнание тех немцев устремися и на пути их поймавше, начаху оных, яко обычай есть возмущенному народу творити, разнообразными орудии немилостивно, яко истинных изменников и прелагателей, бити и имение их грабити; но от смертнаго побиения немцы избавлены быша советом новгородцов лучших, богатых людей, иже хотяще немцев от таковыя смерти избавити, глаголаше народу: яко аще побиеете оных, кто боярана Бориса Морозова может измену изъявити, темже подобает оных за крепкою стражею, в темницах имети, и тако народ послушав их, оных немцев в темницу за стражу посадиша, сами же на грабеж гостей и богатых людей домов и их имения уклонишася.

Боярин же и воевода Князь Феодор Андреевич Хилков зря таковое народное возмущение, хотя оный мятеж усмирить, посла к ним дьяков и голов стрелецких, уговаривать их, народное возмущение их же не точию послушаше, но и самих оных смерти предати хотяще, потом и на убийство воеводское вознеистовися; вси убо купно с стрельцами и казаками пойдоша в каменный город к воеводскому двору глаголюще: яко они вси друзья боярина Бориса Морозова, купно с ним и изменники, усоветоваху за рубеж хлеб, мясо и рыбу на продажу возити, а нам в том творити скудость, ея же ради zde у нас дороговизна чинится.

Уведав же о сем воевода из дому своего по градской стене убежа в дом к Преосвященному Никону митрополиту, иже прием его любезно, повеле ему во внутренних своих келиях скрытиса, и дворовым своим людям заповеда дома Софийскаго врата запереть.

Егда же возмущенный народ к воеводскому двору со многим нелепым кричанием и велиим свирепством прииде, и весть приемше, что воевода убежа в дом к Преосвященному митрополиту, абие возопиша гласы: идем тамо и изменника убием, и вси к Софийскому дому устремишася, овии с

дреколием, инии же с камением; а во оно время их народным повелением присно в два набата бяху, во един с градския великия башни, в другой же у соборныя церкви Николая Чудотворца на Ярославовом дворище, яже близ земския и таможенныя изб, идеже бе их собрание. И прошедше к митрополичью дому начаша домовых со свирепством и биением испытovati о воеводе, в которой он келии скрыт есть, от них же мнози аще и ударения прияху; обаче не ведети его, рекоша, темже хотяще воеводу тамо обрести у Софийскаго дому, начаша велиим бревном врата разбивати.

Преосвященный же Никон митрополит слыша таковое их врат свирепое разбиение, хотя воеводу от напрасныя смерти взбавити и душу свою за него положить, скрыв воеводу в тайное место немедленно вручаяся Богу, к оному возмущенному и яростию велиею дышащему народу изыде, нача оныя увещевати от Божественнаго писания.

Слышав же народ непоборительная им, но противная и от тоя их ярости возвещающая словеса глаголемая, напрасно страшным гласом возпиша: сей есть самый заступник, изменничей и ухранитель, и абие яко зверие на него устремишася, начаша его немилостивно бити, овии дреколием, овии же камением; ему же точно глаголющу: Господи, не постави им греха сего, не ведают бо что творят; не хотящу же Богу его тогда смерти предати, вложи тамо некоим человеком об нем в сердца умиление, иже зряще его по земли влачима и немилостивно смерти предаваема, обступивше его, народу не даша его до смерти убить, обаче мнози мнеша, яко до смерти его убиша, тем же страхом объаты быша, начаша един по единому от онаго собрания отступати и вскоре вси разыдошася.

Преосвященнаго же митрополита дворовыя люди от земли подъемше, приведоша в его палаты; он же нимало бояся смертнаго убиения точно тщася оное народное колебание успокоити и неповинныя души спасти от смерти, забыв жестокое ему биение, и абие повеле у соборныя церкви в большой колокол, яко обычай есть, к молебному собранию блавестити, и ко всем архимандритом и игуменам в монастыри посла

вестники, да к нему немедленно приидут, бе бо еще дня того час третий, сам же во оное время исповедася.

Егда же вси собращася в соборную церковь Софии Премудрости Божией, сам с ними с честными кресты и со иконы поиде в соборную церковь Знамения Пресвятыя Богородицы, яже стоит на стране торговой; идяше же путем тем с великою нуждою, харкая все кровию, и пришед тамо едва соверши сам Божественную литургию, в ней же причастися пречистых и животворящих Таин, и они же прием Божественное ко усмирению народа укрепление; а от скорби оныя изнеможения ляже в сани своя и повеле себя везти непокровенно к земской и таможенным избам, идеже оный возмущенный народ есть собранный.

И егда же он тамо привезен бысть, нимало их страшася, нача им глаголати: слышите ли, я вам правду необинуяся глаголах, ныне же наипаче, ибо уже готова душа моя грешная к смерти, безсмертнаго бо источника Христа моего и Бога тело и кровь сподобися прияти; тем же, хотя ваши души, яко грешный пастырь от возмущающих волков вас спасти, нарочно к вам приидох и аще во мне зрите кую вину или неправду к Царю, или к Российскому царствию, то оно мне изъяви, убийте мя; сия же словеса слышавше от него, злочестиваго сонмища злейшия и свирепейшия возмутители, страхом и стыдом объята, начаша един по единому разходиться: и тако вскоре вси в дома своя поидоша.

Преосвященный же митрополит видя в том деле подаваемую ему Божию помощь, повеле себя везти в соборную церковь Премудрости Божией, и во оной народне всех начальных бунтовщиков по именам предав проклятию, сам в дом свой прииде; они же хотяще то злое свое дело укрепить, яко бо то они соделали к Великому Государю и ко всему Московскому государству радением, умыслиша, написав о том ото всего великаго Нова-града за многими тысящами рук, челобитную послати к Великому Государю к Москве и всяких чинов лицам к белым столбцам повелеваху руки прикладывати; аще же кто не восхощет, тем претяху смертным убиением, и того ради плаха и секира бе пред очесы уготовлена, а наипаче нужду

всему сотвориша чину священному, и избраша себе особаго воеводу Преосвященного митрополита дворецкого Ивана Жеглова, иже тогда за некую его вину посажен бе во узилище, и бе цепь на выи его. Они же взявше его и сотворивши в земской воеводою и других к нему начальных людей предаша; окрест же великаго Нова-града по всем к Москве дорогам поставиша стражи, дабы от Преосвященного митрополита и от воеводы к Москве к Великому Государю с письмами не пропустити, а сами видевше свою беду, начаша промышляти от Великаго Государя отступить и поддаться Польскому или Шведскому Королям.

Преосвященный же митрополит, воеводу храня в своих келиях, о всем том известие написав и с могущими то писание тайными месты пронести, к Москве посла немедленно; посланный же к Москве пришед и то писание Великому Государю подаде.

Великий же Государь, абие написав против того Преосвященному митрополиту грамоту, с тем же человеком посла, а в грамоте своей государственной писа к нему в начале сице: «Новому страстотерпцу и исповеднику и мученику Преосвященному Никону митрополиту» и иная многая похвальная и благодарственная ему словеса приписа, а вторую грамоту свою царскую посла с тем же в земскую избу ко всему народу, дабы они познавши свою таковую вину, аще не хотят вси смерти предани быти, у Преосвященного митрополита милости и отпущения в своем пред ним многом согрешении прощения просили и вящих возмутителей выдали бе головою; и аще Преосвященный митрополит прощения их сподобит, то и его, Великаго Государя, к ним в том милость и той их вине отдавание им будет, и аще тако не сотворят, то вскоре имут смерти предатися; но прежде нежели сии государственныя грамоты в Нов-град приидоша, вскоре по проклятии, из них лучшие люди начаша в соборную церковь приходити и у Преосвященного митрополита о прощении и о разрешении милости просити; а егда же от Великаго Государя пранесенныя им грамоты прочтошася, и тогда на всех от мала и до велика их нападе велий страх и ужас смерти, точию их сие едино веселило, еже Великий Государь все сие дело вручи Преосвященному

митрополиту, и аще у него милость и прощение обрящут, то и Великаго Государя к ним милость по его об них заступлению будет: и того ради вси к Преосвященному митрополиту, яко к милостивому отцу, пришедше со слезами милости и прощения прошаху и все на волю его, Преосвященного митрополита, полагаху, дабы точию об них упросил милости у Великаго Государя; он же поучив их от Божественнаго писания довольно, яко быти тому поучение часа на три и вящше и заповедавая еже к тому тако им не творити⁸, и видя их истинное слезное покаяние, сам их в своем пред ним согрешении простил и от клятвы разрешил⁹, и у Великаго Государя обещал им в той вине милость испросити, а вящих бунтовщиков и возмутителей народа поймав, повелел в вящее узилище посадити; они же абие поведенное им исполниша, больше нежели с триста человек заключиша.

И по увещанию Преосвященного митрополита милостию Государскою обнадежившися в тишину преложишася (и уже к тому и нам Преосвященного митрополита домочадцам, свободное во град хождение сотворися, прежде бо того, не точию велико возрастшим, но и мне сие писание списавшу, тогда еще малу сущу, от единовозрастных градских людей, небезбедно бе во град хождение: нарицаху бо нас изменников сообщниками хотяху бити).

В то же время, прежде нежели в великом Нов-граде возмущение народное сотворися, во граде Пскове зело паче народ смятется: Архиепископа в тюрьму посадиша, воеводу и многих нарочитых людей смерти предаша и царская письмена изменничьима назваша, и того ради по указу Великаго Государя пойде на них с воинством боярин и воевода князь Иоанн Никитич Хованский, и пришед в великий Нов-град, по рассмотрению Преосвященного митрополита, ибо тако ему от Великаго Государя повелено все во оном деле рассмотрение положить на Преосвященного митрополита благоразсудие, возмутителям народным учинить наказание, вящее же первого возмутителя прозванием Волка предати смертному посечению, а иных Иоанна Жеглова с его клеветы человек с десять, учиня им наказания бить кнутом, послать их в ссылку в Сибирь на

вечное житие, а достальных оных малым наказанием наказав, а иных и без наказания всех свободи и оттоле в великом Нове-граде совершенное бысть утишение.

По совершении же сего дела боярин и воевода князь Иоанн Никитич прииде ко граду Пскову, они же не мирницы, но ратницы ему явишася, град Псков запроша и неприятельское противление показаша и от обоих сторон многая христианская кровь пролияся.

Слышав убо о сем Великий Государь, по совету со Святейшим Иосифом Патриархом и со всем освященным собором, посла к ним со своими и Святейшаго Патриарха грамотами, ради их вещевания Архиереев, Архимандритов и Игуменов, их же Псковичи приемше и царская и патриаршая писания прочетше, не вскоре обаче по их увещанию в совершенное смирение приидоша.

И оттоле благочестивейший Царь к Преосвященному митрополиту нача свою наипаче велию милость являти, и часто кратко к нему писания его царскою рукою писанная, похвальная присылати, яко он великий Нов-град до кровопролития своим пастырским промышлением, аще и сам пострада, не допусти.

И тако самодержцева душа и Преосвященного митрополита любовь сопряжеся, яко Самодержец присно желая онаго в Москве быти и онаго сладоточною беседою и зрением увеселятися, но того за нуждою паствы Преосвященному митрополиту сотворити было невозможно, обаче по царскому указу повсягодно к Москве приезжати многа месяцы живяше.

Некогда же случися едущу ему в пути к Москве видети у большой Московской дороги место не славно и маложительственно, именуемое Валдай, близ же его и озеро, именуемое Валдайское, величеством в длину и в ширину поприщ на десять, имеющее на себе несколько островов, глубиною довольно и рыбами изобильно, к нему же суть и иная озера, и зело то место и озеро ему возлюбися, и возжела на оном озере на вящем острове устроить монастырь; еже и сбыстся, якоже о сем впереди изъясится.

Егда же Преосвященный митрополит по скончании того пути прииде к Москве, тогда благочестивый Царь по совету со

Святейшим Иосифом Патриархом, и со всем освященным собором послаше его в Соловецкий монастырь на взятие оттуда к Москве мощей святого и блаженного Филиппа, митрополита Московского и всея России, а с ним послаша боярина и дьяка и честных дворян, инии же и сами по обещанию своему в той монасгерь ради моления с ним поидоша; прошедшим же им той путь до моря окиана немедленно и оным морем шествующим, нападоша на них сильные ветры, и сотвориша на мори тамо велие и страшное волнение, яко ни единой ладии остатися у них в целости, но вси разбишася, а ладия в ней же дьяк с прочими быша без вести погибоша, прочих же разбиенных ладий людие от потопления благодатию Божиею вси спасени быша.

По оном же разбиении и великом страховании Преосвященный митрополит немедленно во иныя суды седше, пути вдахуся, и благополучно Соловецкаго монастыря достигше, мощи Святителя Христова Филиппа митрополита взявше, немедленно вспять море преидоша. Грядущу же ему со оными святыми мощами к царствующему граду Москве, всюду путем в градех и селех благовернии людие оным мощам достодолжное почитание воздающе, с честными кресты и со святыми иконами сретение творяху; от них же с верою приходящим благодатию Божиею многая от различных недугов страждущим исцеления подавахуся. Еще же им к царствующему граду не пришедшим, Святейший Патриарх Иосиф от сея жизни отыде в вечную жизнь.

Егда же близ к царствующему граду приидоша, и тогда благочестивый Царь со всем освященным собором с честными кресты и со священными иконы благолепственным устроением поидоша, с ними же и Преосвященный митрополит Варлаам Ростовский и Ярославский, аще ему благочестивый Царь ради его конечныя престарелости в зело от того путешествия возбраняше; он же желая видети святыя мощи, на стретение честных мощей поиде. Грядущим же им и мало нечто, якобы вержением камня, до Святительских мощей подошед Преосвященный митрополит Варлаам, сяде в кресла и абие от жизни сея отыде.

По его же преставлении дошедшим мощам великаго Святителя Филиппа благочестивый Царь со всем освященным собором и со всем своим царским сигклитом и со безчисленным множеством народа, от великия радости воздаша Богу благодарение, яко благоволил угодника Своего мощи ему зрети, с сердечным веселием целовав оныя святыя мощи, и от Преосвященнаго Никона митрополита прием благословение, поидоша в царствующий град Москву, и в оный вшедше, поставиша оныя святыя мощи в соборней апостольской церкви Успения Пресвятыя Богородицы среди церкви, в тако ту три дни пребыша и три нощи, ибо во вся те три дни и нощи присно народ реущеся на прикосновение и целование оных мощей.

И в пренесение мощей к царствующему граду и в соборной церкви от оных мощей святых благодатиею Божиею многая исцеления в скорбех сущим даровашеся, наипаче же величайшее число беснующихся, читаху над оными святыми мощами запрещательныя на злыя духи молитвы и руце возлагающу Преосвященному митрополиту Никону, исцеление улучиша.

И по пренесении мощей Святительских благочестивый Государь к Преосвященному митрополиту Никону, за таковой его великий труд, наипаче прежняго крайнюю свою царскую милость и любовь нача являти, и во знамя за тот труд благодарения, благоволи ему пожаловати множество драгих священных и внешних одежд, и в дом Премудрости Божия несколько сел и деревень вечно, и крилос его весь одари.

Зря же благочестивый Царь, яко в та времена никтоже ему в разуме и во утверждении благочестия бе равен, посоветовавшись со всем освященным собором, аще Преосвященному митрополиту Никону и весьма нехотящу и всячески отрицающуся, и разнообразными винами отбывающу, понудиша его престол Патриаршеский прияти и поставлен бысть в лето 7160-е (1652) месяца июля в 25 день.

Приемшу же ему Патриаршеский престол, по предбывшему своему обещанию, нача у Великаго Государя милости просити о Валдайском себе селе и озере, во еже бы ему тамо устроить обитель во имя Пресвятыя Богородицы глаголемыя Иверския;

он же немедленно вся та, еже возжела, ему пожалова и своею царскою грамотою за златою печатью вечно утвердити повеле.

Святейший же Патриарх абие на оно место, ради устроения обители, посла строителя старца нарочита, и с ним своего Патриаршаго дома сына боярского и с прочими людьми к тому устроению потребными; с ними же на то устроение посла злата и сребра и всяких утварей церковных и книг довольное число; они же до означенного им места не косно дошедше, прилежно начаша дело творити: единые лес секуще, друзии келии, инии же ограду обители строити, таже и церковь заложиша и совершиша.

Не по мнозем же убо времени слышав тоя святыя обители устроение, Святейший Патриарх ради онаго места созидания и сам прииде, и принесе с собою в сребряне позлащенне ковчезе части мощей четырех Московских Святителей и чудотворцов Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, а прежде своего в ту обитель пришествия Преосвященному Макарию, митрополиту Новгородскому и Великолуцкому, повеле во оную обитель принести мощи святого праведнаго Иакова Боровицкаго.

Бывшу же ему, Святейшему Патриарху, во одной обители, приидоша возвестити окрестнии того места жители, яко пришедшу ему во ону обитель с мощами четырех Святителей, видеша в нощи над одною обителию четыре столпа огненные стоящия, инии же зреша точию един над церковию.

И малое некое время во одной новопостроенной обители прежив и потребная вся устроив, в царствующий град возвратися, и немедленно посла во святую Афонскую гору, ради написания иконы с чудотворнаго образа Пресвятыя Богородицы Иверския и принесения в новопостроенную его обитель. Списанной же убо той сущей и несенной в царствующий град Москву и оттоле в Иверскую новоустроенную обитель, в пути благоволи оную чудес источник Света мира Христос Бог, чудотворениями прославити, яже чудеса писана суть в книзе о Иверском монастыре нареченной «Рай мысленный»¹⁰.

Правящу же Святейшему Патриарху Никону престол Российския Церкви, и от всяких насилований ону храняше,

церковных причетников ни в каких делех во иныя ни в какия приказы, разве своего, похищати и их судити не даяше. К благим же и послушным смирение и любовь отеческую свою являше, к непослушным же и злым в их наказание разумную ярость являше; тем же от всех велиею честью был чтом, наипаче же от самага Самодержца весьма бе, яко отец любезный почитаем; без его бо совета ничто же хоте творити, но все за его благословением желаше делати, темже и на брань с Польским и Литовским Королем, яже тогда за православную веру христианскую, и за иныя некия трудности случися, ни без его архиерейскаго совета и благословения поиде; дом же свой Царский, супругу свою благоверную и благочестивую Государыню Царицу и Великую Княгиню Марию Ильиничну и сестер своих, и чад, и самый царствующий град Москву заповеда вместо себе ведати и благоразумием хранити, и во всем управляти ему, Святейшему Патриарху.

И во оном царском походе благоволи Бог многия грады литовския ему, Великому Государю, покорити, и по победе благочестивый Царь в царствующий град возвратися и Богу за победу воздаде благодарение.

В то же лето благочестивому Царю родися сын Царевич Алексей Алексиевич, ему же от святыя купели, за умолением Великаго Государя, бысть восприемник Святейший Патриарх, а потом ради к нему велия царския любви и иныя Великаго Государя чады от святыя купели он же, Святейший Патриарх, восприимаше. По претечении же зимы паки Великий Государь весь свой Царский дом и самый град Москву вручи Святейшему Патриарху и сам паки поиде на Польскаго Короля.

И во оно лето, грех ради наших, в царствующем граде Москве случися смертоносная язва, от ея же для сохранения ради Царскаго дома со благоверною и благочестивою Государынею Царицею и Великою Княгинею Мариею Ильиничною и со благородным Царевичем и со благоверными Царевнами, поиде Святейший Патриарх в Троицкий Сергиев монастырь, и оттоле в монастырь Макария Колязинскаго, из него же приидоша во град Вязьму; в пути же оном весьма о хранении Царскаго дома усердное свое тщание творяше, сам

всего досматриваше и пустынными места дороги вновь устрояше, и заставы крепкия ставляше, и огни велия на отгнание смертоноснаго воздуха повелеваше возжигати, и вся творяше, яже подобает на охранение от мороваго поветрия.

Благоверная же Царица, видящи его таковое об них отеческое промышление зело любяше и почиташе, яко отца рождшаго, такожде и сестры Государския и чада велию к нему любовь имеяху, и за Божию ему вспомагающею в том помощь, твердым его хранением, ни един кто с ними от путешествующих смертоносною язвою умре, но вси в целости и здравии путешествие препроводиша; а в царствующем граде безчисленное множество изомроша, и кратко рещи, вси изомроша¹¹.

Живущу же Святейшему Патриарху с Царским домом во граде Вязьме, прииде к ним с победою благочестивый Царь и видя свой Царский дом во всякой целости и слыша о опасном и усердном хранении Святейшаго Патриарха, вельми возрадовася; и тако за победу Польскаго Короля и за взятие многих городов, и наипаче за сохранение его Царскаго дома, велие Богу благодарение воздавше, и к Святейшему Патриарху зело паче прежняго за его таковую показанную любовь, любовию своею царскою воздавати нача, и яко ангела Божия и дому его хранителя, и от всех человек со удивлением нача почитати; усмотревше же от мороваго поветрия время не опасное из Вязьмы пойдоша во град Москву, в он же благополучно пришедше¹².

Пришед же Святейший Патриарх, слыша от многих человек на славянския книги укорищенная словеса, яко с греческими не согласуются, хотя укоришну ону отъяти, советова с Великим Государем и со освященным собором, еже бы все книги церковныя исправить со старых греческих и российских харатейных книг, и во всех словесах, чинах и уставах с греками согласиться, а о нужных вещех послати ко Святейшему Вселенскому Патриарху и прочим и во святыя горы Афонскую и Синайскую.

Благочестивый же Царь похвалиша Патриаршее благорачительство, повеле о том Собор собрати и всех

российских Архиепиеов и Архимандритов и Игуменов и Протопопов в царствующий град призвав, общим согласием утвердити.

Сшедшимся же всем, и то дело благоключимо быти разсмотревше, постановиша книжная погрешения с греческих древних харатейных и с русских исправить, а в чинех благопотребных по древнему уставу согласити, и о нужных и о неведомых вещах к Святейшим Патриархом и во Афонскую и Синайскую горы послати, и то свое согласное о исправлении книг постановление благочестивый Царь и Святейший Патриарх и прочия Архиепиеи и весь освященный Собор рукама своима во лучшее утверждение того дела преписаха.

И по совершении онаго Собора немедленно Святейший Патриарх, ради того исправления, повеле отсюду из древних книгохранилищ древния греческия и славянския харатейныя книги собрати, и искусным и благоговейным мужам, имущим от Бога дар честное от недостойнаго изводити и могущим с еллино-греческаго языка на славянский прелогати, те книги разсматривати, и погрешения от неискусных переводчиков и от переписующих исправляти, и вся выписывати; а ради того лучшаго дела утверждения из всего выписывати и о оном исправлении и о нужных неведомых вещах благочестивый Царь и Святейший Патриарх послаха ко Вселенскому и прочим православным Патриархом письма с греком Мануилом.

Прияв же письма, Вселенский Патриарх Паисий сотворивше собор и с главизнами на нем содеянными о всех писанных к ним благочестивому Царю и Христоролюбивому Патриарху ответ давшие и деяние соборное прислаха, в лето 7163-е (1658), во всем повелевающе последовати древних великих православных Восточных Церкви учителей писаниям, сущим ветхих книг греческих и славянских.

А к Святейшему Патриарху в грамоте своей восписано сие: «Преблаженнейший и Святейший Патриарше высочайшия Москвы и всея земли Российския Кирие, Кирие, еже есть: Господине, Господине Никоне, во Святем Дусе возлюбленный брате и сослужебниче нашего смирения, о нем же писаете к нам, даем ответ о всех, Преблаженнейше брате, да исправятся

якоже лепо, понеже Бог просветися во времена ваша, да очистятся вся неудобная и да исправятся, о Нем же радуюся, жив Господь Бог, и имам ти писана в душе моей, за достоинство и разум, его же дарова тебе Бог, и воистину похвалихом преблаженство твое, еже не престаеши испытovati и искати в душеполезных и спасительных вещех церковных, яко истинен пастырь и верный строитель Божий, пекийся устроить и питати духовное свое стадо чистою и нелестною, и твердою пищею, и во всем тщишися содержати последствию всякое священное деяние по чину Великия Церкви, да не едино разнство имама, яко чада истинныя единыя и тояжде Матери Восточныя Апостольския Соборныя Великия Церкви Христовы, и да не едину вину обретают скверная еретическая уста глаголати нас о некоем разнстве, но да стоим во истинном согласии, яко столпы твердии и непоступнии, и прочая».

И тако, благочестивый Царь и Христоролюбивый Патриарх от Вселенскаго Паисия Патриарха о всех писанных ответ приемше, и соборное оное деяние прочетше, и сим к большему благих желанию воздвигшеся, и сущия в России ветхия греческия же и славянския книги на исправление привести; не довольно быти мняще, изволиша Великий Государь и Святейший Патриарх, по согласии, послати с милостынею старца Арсения Суханова во Афонскую гору и во иныя святыя старожительныя места, да и оттуда, своея ради богатая милости, старописанныя книги притяжут, и ради исправления да пришлют к Москве; и сему сбывшуся, и принесоша из святыя Афонския горы книг зело много древних на греческом языке писанных числом пять сот.

Еще же Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский Патриархи, и Митрополиты, и Архиепископы, Патриарх Сербский и Ахридонский¹³ и иныя многия от православных стран, из царствующаго града прошением не менее двою сот книг различных древних святых в царствующий град Москву прислаша.

И тако благочестивая сия и богомудрая двоица Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всея великия и малыя и белыя России самодержец и Великий Господин Святейший Никон Патриарх Московский и всея России

оныя священныя книги совокупивше все во едино и довольно лежащая в них рассмотревше и Божиим вседержительным манием соединивше их, и любовью движими, целости ради непорочных догмат.

Но еще к вящему утверждению о том же паки в царствующем граде Москве в Патриархии Собор сотвориша и быша на том Соборе священном: Никон, Божиею милостию Господин Святейший Патриарх Московский, Макарий Патриарх Антиохийский, Гавриил Патриарх Сербский, с Митрополиты и со Архиепископы и Епископы, со Архимандриты и Игумены и со всем освященным собором.

И тако от Святейшаго Вселенскаго Паисия Патриарха присланное соборное деяние пред себя пренесше, с усердием прочтоша, и судивша его право от Духа Святаго составление быти, и вся древняя старописанныя греческия и славянския книги рассмотревше, и обретоша древняя греческия письменныя с ветхими славянскими книгами во всем согласующеся, а в новых греческих печатных, и в новых же московских печатных книгах с греческими же и славянскими древними многия несогласия и погрешения; судивша книги согласити и исправить во всем с древними греческими рукописными и славянскими священными книгами, да вси православныя христиане, неведения и сопротив благочестия погрешения, и еже оттуду находящия казни убегнут, хотящие же во истинном же разумении быти, в незадорном с греческими древними письменными книгами, и в них лежащими законы в согласном мудровании, да поживут zde в многолетнем благополучии, в будущем же веце в безконечней радости и наслаждении. Аминь.

Посем же в предыдущее лето благочестивый Великий Государь Царь с воинством своим поиде на Свейскаго Короля и там многия его грады поплени и оных победы.

Святейший же Патриарх Никон, вспомянув свое обещание, во время волнения морскаго, егда принесенну ему бывшу ко острову Кию, и на оном острове обещася монастырь Крестный устроить, посла тамо онаго дела во устройство искуснаго монаха и с ним сына боярскаго и повеле им монастырь там Крестный строити и именовати его гречески Ставрос, российски же Крест.

Сам же Святейший Патриарх в той монастырь Крестный в царствующем граде Москве повеле соделати крест из древа кипариснаго в высоту и в ширину во всем подобен мерою Кресту Христову, и украси той честный крест серебром и златом и драгоценным камением и жемчугом и положи в нем мощей до трех сот.

Такожде и святые иконы со всяким благолепным и чудным художеством и украшением написав при том честном кресте, отпусти купно в той Крестный монастырь, с подобающею честию и благолепным соборным провождением; провождаше бо он сам той честный крест со всем освященным собором из соборных церкви за Сретенския ворота до места нарицаемаго Филиппов крест, и оттоле пришед в соборную апостольскую церковь и сотворив молебное пение.

В той же день Великому Государю поручи Господь Бог взяти немецкий град Динабург, иже наречен бысть Царевича Димитрия; зане в той день, в он же Царевичу Димитрию празднуется, той град взят бысть.

Потом же вскоре в Российском царствии, за грехи наши Божиим праведным попусцием, паки бысть смертоносная язва и моровое поветрие.

Святейший же Патриарх Никон паки яко отец чадолюбивый и верный Государского дому хранитель, со всем Царским домом немедля из царствующаго града Москвы поиде во град Тверь, а из Твери в Вязьму и тамо пребысть даже до пришествия из Лифляндския земли Великаго Государя.

Егда же Великий Государь в Вязьму град благополучно с победою прииде, и обрете дом свой Царский весь в добром здравии, велие воздаде Богу за сохранение благодарение, и Святейшему Патриарху, за его о доме его великотщательное попечение и прилежное блюдение, царское свое велие воздаде воздаяние и любовь его отеческую своею к нему царскою любовью усугуби.

Между же оными любовь тако велика бысть, яко едва когда и на малое время в Российском царстве между Царей и Святейших Патриархов баше, оною же не точно все Российское

царствие радовашеся, но и многия окрестныя Царствия слышавше, удивляхуся.

И во оно время Святейший Никон Патриарх купи себе в Иверской монастырь село Воскресенское, от царствующаго града чотыредесят пять поприщ, у некоего Романа Бобарыкина, в строение во Иверский монастырь, и нача многажды шествовати тамо, соглядати села того, и абие прииде ему мысль, еже бы построити во оном месте монастырь, пришествия ради своего, дабы ему приходити в монастырь, а не в село.

И тако, со благоволением Великаго Государя начат строити Воскресенской монастырь, лес секуще и церковь строяще и келии.

Егда же приспе время быти освящению церкви¹⁴, тогда Святейший Патриарх призва на освящение храма того самаго Великаго Государя, и тако благочестивый Государь Царь быв в Воскресенском монастыре, возлюбил место оно, и отъехав мало написа писание Святейшему Патриарху Никону своею рукою сице: «яко благоволи Господь Бог исперва место сие предуготовати на создание монастыря; понеже прекрасно, подобно Иерусалиму».

Святейший же Патриарх Никон получив писание оно с радостию и полагает е в среброкованном ковчежце под святым Престолом, и повеле по царскому писанию званием именоватися Воскресенской монастырь Новаго Иерусалима.

По сем посла в Палестину, во святой град Иерусалим, Живоначальныя Троицы Сергиева монастыря келаря старца Арсения Суханова, дабы ему восприяти (подобие) с Иерусалимския великия церкви Святаго Воскресения, юже церковь созда во Иерусалиме исперва благоверная и Христолубивая святая Царица Елена мати святаго Царя Константина; той же келарь вскоре во Иерусалим шествие сотвори и повеленное исполни.

Святейший же Никон Патриарх повеле в Воскресенском монастыре, со онаго подобия Иерусалимския церкви, святую церковь созидати велику зело и пространну, яковыя церкви во всей России и во окрестных государствах в настоящем времени

нигде не обретається, ибо и она Іерусалимская святая церковь от озлобления турков во многих местех разорена бысть, и иными неправославными верами по своим их обычаям исперепорчена; и тако блаженный строяше ону церковь.

Не по мнозе же времени, позавидев общій супостат великия любви между благочестивым Царем со Святейшим Никоном Патриархом, нача быти между ими безсоветие и распря чрез неких злых человек, иже от супостата на то устроенных; и егда случася праздничныя дни и бываху Великаго Государя выходы в соборную церковь и на исхождение с литиями, тогда благочестивый Царь, подушаем злыми ближними своими бояры, в те обыклыя исхождения не исхождаше.

Святейший же Патриарх множицею его ожидаше благовестъ продолжая; благочестивый же Царь присылаше к нему и повелеваше не ждати себя; и тако бысть между ими распря и безсоветие.

Святейший же Патриарх восхоте дати место гневу; оставляет свой Пастырский престол и жезл Архиерейский в соборней апостольстей Пресвятыя Богородицы церкви в день торжественный, в онъже празднуют положение ризы Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, еже есть хитон, месяца июля в 10 день; благочестивому же Царю посылает рукописание свое, еже бы ему подаровал где келию на сожитие себе.

Благочестивый же Царь уздав о сем, присылает к нему ближняго своего боярина Князя Алексія Никитича Трубецкаго в соборную церковь, ибо народи видевшие сие необычное дело, мног плачь и рыдание сотвориша и не испущаху его из соборныя церкви.

Ближний же боярин, увидев Святейшаго Патриарха в черном клобуке и просту пѣтерицу в руке имуща, глагола ему царевым словом: повеле есть Великий Государь тебе возвестити, почто де ты просишися в келию, есть де у тебя келии твоего строения на Патриаршем дворе; он же отвѣща ему: не мои те суть келии, но кому Государь благоволит, тому и

жити в них; мене же дабы пожаловал Великий Государь, отпустил в кий любо монастырь.

Боярин же паки иде ко Царю, и тамо мало быв, паки вторицею прииде ко Святейшему Патриарху тояжде глаголя ему, еще же и сие прорече: Великий Государь повеле у тебя, Святейшаго Патриарха, спросити: нет ли у тебя какой ссоры на Великаго Государя, или каких наносных речей, изволь возвестити; он же глагола ему: ни ссоры, ни наносных речей мне никаких на Великаго Государя и ни на кого несть, а оставляю престол свой, ведая своя к Богу многая согрешения; многих бо ради грехов моих zde в царствующем граде многия моры и войны быша и вся злая, того ради оставляю аз престол свой и первенство свое; и тако паки вторицею боярин той отыде ко Царю.

Благочестивыя же людие церковная врата крепко держажу, дабым не испустити его из церкви; вельми же о сем плакаху, яко лишахуся такова великаго пастыря и учителя; и тако держажу его в церкви чающе пришествия царскаго.

Святейший же Патриарх сядяше на нижней степени своего места, еже есть посреде церкви к западным церковным дверям, и часто возставая хотя же из церкви изыти; народи же не даяху ему исходити плачуще; он же виде слезы их и сам прослезися.

Паки же прииде в третье оный боярин со иными гляголя: Великий Государь указал тебе сказать, где ты изволишь, тамо себе монастырь и келии избери, и тако Святейший Патриарх поклонися пред боярином, глаголя: челом бую Великому Государю на его государской милости; и тако изыде из соборныя церкви.

Обрете же вне соборныя церкви извозника с колесницею, бе бо на то уготован, и хотяше на колесницу сести, бе бо во оно время грязь на Ивановской площади; народи же видевше сие растерзающе телегу и супон разрезаша и коня распрягоша.

Святейший же Патриарх видя, яко не даяху ему на колесницу сести, иде по Ивановской площади по грязи пеше; привезоша же ему тогда и карету; он же не взыде в ню, народи же мнози последующе ему и абие во вратех града Кремля Спасителейых реченных, те врата затвориша не испущающе

его; он же сяде во единой печуре и тут мнози плакахуся его, что оставляет их, яко пастырь овец, и абие приидоша сановницы царстии ко вратам и тогда врата отверзоша.

Святейший же Патриарх востав, иде паки пеш Красною площадию и Ильинским крестцем, даже до Воскресенскаго своего подвория; народа же множество возследоваша ему уговаривающе его и плачуще; он же пришед на Воскресенское свое подворие и вниде в свои келии, яже суть на подвории, и благословив всех и мир подаде отпусти во свояси; сам же Святейший Никон Патриарх пребыв ту на Воскресенском подвории три дни и три нощи, и испросив в Новодевическом монастыре две коляски прутием плетеныя киевския, и положив на едину коляску вещи своя, на другую же сяде сам и путешествоваше в монастырь свой Воскресенской.

Благочестивый же Царь уздав о сем, яко путешествует в монастырь в простой коляске, посылает за ним того же боярина своего Князя Алексия Трубецкаго с каретою его патриаршескою, еже бы ему, Святейшему Патриарху, в той карете путешествовати; боярин же вскоре изыде во след его и не возможе уже достигнути, прииде же в Воскресенской монастырь и глаголя ему указ Царскаго Величества, дабы ему прияти карету; он же не прият; боярин взяв ту карету паки с собою и привезе ю в монастырское село, глаголемое Чернево и оставиша ту, стояше же та карета в селе Черневе многое время.

Святейший же Никон Патриарх прият на ся вериги железныя, и вдадеша молитвам, и посту, и воздержанию, и нача у церковнаго онаго великаго строения сам собою безпрестанно надзирати, и плинфы носить на руках своих и на раменах, такожде и братия того Воскресенскаго монастыря с ним же труждающиеся плинфы носяще всегда в работныя дни.

Таже Святейший Патриарх начат окрест монастыря пруды копати и рыбы сажати и мельницы устраивати и всякия овощныя сады насаждати, такожде с братиею и лес секуще, поля к сеянию расширяюще, из болота же рвы копающе, сему кошение устрающе и сено гребуще, везде же всякия труды труждаяся, сам собою во всем образ показуя, и сам везде на трудах

прежде всех обретаяся, последи же трудов исходя; и тако пребываше труды к трудам прилагая.

Благочестивый же Царь слышав его многия труды и терпение многажды с милостынею к нему присылаше, по тысяче и по две тысячи рублей, такожде и на пищу братии трапезныя потребы присылаше, еще же царскою своею милостию призре его и вдаде ему на пропитание три великия обители строения его: Пресвятая Богородицы Иверской, и Крестной, и Воскресенской монастыри, дабы ему ведати их со всем, и питатися тех монастырей от земледельцов всякими доходы и угодии и оную великую церковь Божию строити царских же своих доходов и оброков с тех монастырей и с вотчин тех имати ни в какия поборы не повеле, бе бо тогда за теми монастырями вящше 6000 земледельцов.

К сим же по вся лета присылаше ему Благочестивый Царь за соляныя Камския варницы по две тысячи рублей, и теми государския милости сребреницами и своими новостроенными монастыри строяше церковь Божию, наипаче же своими трудами всегда всем во всем образ себя полагая.

[По мале же времени пришествия своего в монастырь Воскресенский, яко лето едино или годищное время прежив, присылает к нему благочестивый Царь ближнего своего человека, возвещая ему нашествие иноплеменник крымских татар, яко уже приходят близ Российскаго царствия, а тебе де отцу нашему и богомольцу от такова нашествия в сем новом и пустом месте, в монастыре Воскресенском, спастися и усидеть невозможно, понеже тогда еще монастырь Воскресенской сначала имея ограду малу и не крепку, и чтоб изволил по совету благочестиваго Государя Царя итти, для таковаго нахождения иноплеменник, в Макариев Колязин монастырь, понеже той монастырь давной и устроен каменным ограждением крепко.

Святейший же Патриарх глагола присланному: возвести благочестивому Царю о сем, яко аз в Колязин монастырь не иду, лучше мне быть в Зачатейском монастыре, в Китае городе в углу, нежели в Колязине монастыре; а есть, рече, у меня и без Колязина монастыря, за помощию великаго Бога и его царскою милостию, свои монастыри крепкия Иверской и Крестной, и я,

доложася с Великим Государем, пойду в свой монастырь, и ныне де возвести Великому Государю, яко иду к Москве о всяких нуждах своих доложитися с Великим Государем; посланный же рече: про которой де Святейший Патриарх монастырь Зачатейской изволит говорить, яко лучше Колязина монастыря? Святейший же Патриарх рече: тот, что на Варварском крестце под горою у Зачатия; бе бо тогда в том месте под горою большая тюрьма; он же, посланный, глаголя, яко тамо токмо большая тюрьма, а не монастырь; Святейший же Патриарх глаголя: тот и Зачатейский монастырь; и абие присланный со благословением и с сими словесы поиде в путь свой.

Святейший же Патриарх не закоснев дома и сам пути касается, и поиде в царствующий град Москву; на Москве же тогда готовляхуся ко осаде и строяху град деревяной по земляному валу.

Святейший же Патриарх не мало закоснев, того же дня прииде и ста на Иверском своем подвории, и посла весть о том к Великому Государю, яко прииде Никон неких ради нуждных потреб, и желает видети его царския очи, мир и благословение подав отыти, амо же Богом и его царским изволением управлен будет от нашествия иноплеменник.

Царь же благочестивый того вечера не советовав с бояры и не изволи быть к себе Святейшему Патриарху; во утрий же день советоваше с бояры, яко еще послати думнаго дьяка Алмаза Иванова и вопросити Святейшаго Патриарха: каких ради нуждных потреб прииде и чтоб ему, думному, о сем возвестил, а думной донесет Великому Государю и всей палате; и абие посланный вся изрече Святейшему Патриарху.

Слышав же сия, Святейший Патриарх глаголя ему: яко аз тебе глаголати о нуждных своих потребах не буду, и благословение посылати чрез тебя не хочу, то есть благословение совершенное, еже с воображением креста и с возложением руки; и абие посланный думной с тем словом отыде, и в той день паки не изволившу быти Святейшему Патриарху у Великаго Государя.

В третий же день паки посылает Великий Государь того же человека глаголя: яко Великий Государь благоволит быти тебе вверх к себе в вечер сей; Святейший же Патриарх от дне своего выезда из Воскресенского монастыря, яко третий день ничто же вкусив, понеже снедных вещей не имея ничего при себе.

Народи же московския видевшие своего пастыря пришедша возрадовашася; в те же дни известие прияша, яко крымския татары отыдоша во свояси; и егда прииде вечер, тогда паки прииде той же прежде реченный посланный глаголя, и время возвещая итти вверх ко благочестивому Царю.

Святейший же Патриарх поиде и прииде по обычаю в верхние палаты; благочестивый же Царь сrete его на переднем крыльце, и тако вшедшим им в палату, Святейший Патриарх сотворив молитву: «Владыко многомилостиве...» и прочая по ряду; еще же присовокупи о Царе и о Царице прошение и о всем доме и о воинстве, и абие по молитве сeдоша мало и глаголаше друг ко другу мирная словеса, и друг друга вопрошаху о здравии и о душеспасительном пребывании; и мало посидевше, тут бо бе и бояре; благочестивый же Царь и Святейший Патриарх поидоша ко благочестивой Царице и к чадом их, и тамо умедлиша, яко четыре часа ноци; и отпусти его благочестивый Царь во свояси в монастырь Воскресенской, и поизволи ему благочестивый Царь ехать по прошению его во Иверской и в Крестной монастыри; и егда приуготовится на путь, зва его во утренний день на обед свой царской в дом, он же отречeся, яко утром рано имам отыти в путь свой.

Благочестивый же Царь присла к нему за обед и напутное шествие сребренных денег 2000 рублей, и повеле ему имать из Саввина монастыря по 20-ти человек стрельцов и сотников ради всякаго бережения от злых человек в монастыре и в путешествии, и абие Святейший Патриарх отыде от царствующаго града Москвы и прииде во свое строение в монастырь Воскресенской.

В то же время прииде к нему от царствующаго града Москвы в Воскресенской монастырь черной диакон Феодосий, еже бе жил и служил у Крутицкаго митрополита Питирима; глаголя Святейшему Патриарху на своего митрополита многа

зла, называя его мучителем и блудником и иная многая возвещая, и моля Святейшаго Патриарха, да повелит ему быти в монастыре Воскресенском.

Святейший же Патриарх благоволи ему быти в братстве; егда же хотяше итти по намерению своему во свое строение во Иверской и в Крестной монастыри, тогда той же чернец Феодосий моля Святейшаго Патриарха неотступно, чтобы и ему повелел быть с ним в путешествии в те вышеписанныя монастыри.

Святейший же Патриарх, не ведая его лукаваго коварства, повеле ему итти и пребывати в крестовой своей службе, ясти и пити с келейными его старцы, и быша во Иверском монастыре и в пустыне Галилейской время не мало, и поидоша в Крестный монастырь, и тамо поживе мало не годищное время и построиша вновь соборную церковь велику каменну во имя Воздвижения Честнаго Креста Господня и ископаша кладезь великий из камени дикаго, и на том кладезе построиша церковь, каменную ж во имя происхождения Честнаго Креста Господня, бе бо той кладезь вельми угоден и на всякия монастырския потребы воды довольно; построен же бе той кладезь молитвами и трудами самаго Святейшаго Патриарха Никона, понеже в том Крестном монастыре прежде сего такого кладезя не имелось, в зимнее бо время и летнее скудость воды бе велика; в зиме бо от мраза измерзаша, в летнее же время от жара изсыхоша, ибо бе мал зело и не глубок.

Святейший же Патриарх о сем не мало соболезноваше, и моля Бога да проявит ему Бог где ископати кладезь, и абие Богом наставляемый избра сие место и бысть кладезь изряден; и иная строения многая строяше и о церковном строении прилежа и труждаяся сам с братиею, и прочими трудники, пришедшими с ним, и с тамошними земледельцы.

Сия же до зде, паки глаголем о преждереченном диаконе Феодосие: живяше же той диакон при Святейшем Патриархе, нача приступати и в близость и клеветы творити; Святейший же Патриарх, не разумея его коварства, ни мало о сем внимаше.

На острове же том построена бе влазня¹⁵ ради мирских всяких людей; в той же влазне служилые люди узреша диакона

того с неким человеком, сотворяюща нечто, и вопросиша их; диакон же молча иде в монастырь; они же емше клеветы его яве вопросиша прилежно о творении их дела; он же поведа: той диакон строил некий портежный состав; служилые же люди возвестиша о сем Святейшему Патриарху.

Святейший же Патриарх повеле приказному своему дворянину Василью Поскочину того диакона распросити и человека того; диакон же той поведа ему все подробно писанием, яже творяше во влазне трутизное зелие, поведа ему: яко послаша мя, рече, с Москвы Крутицкой Питирим митрополит и Павел Чудовской архимандрит повелеша мне извести Святейшаго Патриарха и за то де посулиша мне Великоновгородскую митрополию и я де по воле их творя: перво бо давал я в питье Святейшему Патриарху и поднесь питье в скляничной кружке хрустальной, и он де увидел, что мутно стало в сосуде питье, и того де ради и вылил, глаголя, что де гораздо мутно, и велел свежего налить при себе, а тем де он тоя трутизны избыл, а келейным де малым старцом в питье давал же, чтобы до меня были добры, и они де малые старцы то питье не рассмотря и не знаячи пили.

А ныне де я строил то по научению тех вышеписанных людей Святейшему Патриарху смертную трутизну и имал де я у него тайно власы из головы и из браны и из постели и из следов и из стелек и мыло, которым он мылился и то де ныне строил и хотел де его портить, а человек той не ведал совершенно про то дело ни про что, только де он способствовал мне.

Сия же слышав Святейший Патриарх от приказнаго человека и видеv писанныя речи за его дьяконовою рукою, удивися силе Великаго Бога, яко сохрани его от такыя смертныя трутизны и возда славу Христу Богу, яко избави его Господь Бог от того злоковарственнаго умышления, и напаметова, како излия из хрустальныя кружки питье мутное подносимое оным диаконом.

И абие повеле писание и те распросныя речи и их обоих сковав послати к Москве к благочестивому Царю; и егда сие писание дойде в руки благочестивому Царю, тогда повеле паки распросити большим бояром Князю Алексию Трубецкому и

иным пред собою, да уведать истинну о сем; и егда начаша его вопрошати, он же всего того отречесе, яко не знает и в мысли его того не бывало; и о сем возвестиша Царю, и повеле его градскому суду предати и тамо вопросити, идеже спрашивают с пристрастием и прочих злодеев.

Он же, Феодосий, ту истину поведи якоже бысть в монастыре Крестном и что о нем писано, и то он с повинностию исповеда по ряду, что он строил такую трутизну и хотел смертно отравить Святейшаго Патриарха.

Не по мале же времени Святейший Патриарх устроив вся потребная в монастыре Крестном паки возвратися в монастырь Воскресенской.

Известно же учинилося Царю благочестивому, что Святейший Патриарх со окияна моря в Воскресенской монастырь прииде, присылает своего ближняго человека Иродиона Матвеевича Стрешнева и поведает Святейшему о преждереченном диаконе Феодосие, что из Крестнаго монастыря к Москве прислан, и яко истину поведи и вину во всем он принес Великому Государю против твоего Святейшества писания, яже писал о нем Великому Государю из Крестнаго монастыря, и ныне о нем что укажет твое Святительство: смертною ли казнию казнити, чтобы иным впредь тако творити было неповадно, или в дальнюю ссылку его сослати, или свободну быти ему диакону поволишь?

Святейший же Патриарх Никон от присланнаго сия слышав, бил челом на милости государской, что испытати истинну и уведа в конец дело и рече: воля Великаго Государя о сем деле да будет, аз бо чист есмь от того диакона и злаго его коварства, иже он на мя умысли злою трутизною смерти предати научением злых человек; но понеже сохрани мя десница Вышняго Бога от их злаго коварства, аз бо диакону тому не истец, токмо явно учинил Великому Государю злобу на мя Крутицкого митрополита и Павла архимандрита Чудовскаго с клеветы, а о диаконе том, что Великий Государь укажет по своей воли; и с сим присланнаго отпусти к Москве.

Некогда же по зависти диавола оклевета Великому Государю стольник Роман Бабарыкин Святейшаго Патриарха,

глаголя, яко бы Святейший Патриарх, проклиная Великаго Государя на молебне, глаголя псалмы не приличныя: Боже хвалы моя не премолчи, в нем же написано тако: «да будет двор его пуст, и жена его вдова и чада его сироты», и иныя псалмы приличныя сему.

Великий же Государь о сем на ярость подвижеся, посылает абие по всех Архiereев Московскаго государства и по свой царский сигклит и возвещает умильно Архiereям на Святейшаго Патриарха со слезами, яко рече, тако мя кленяше.

Российстии же Архiereи и Палестинския и его царский сигклит советуют Великому Государю, взяв Святейшаго Патриарха вскоре, и сослати его в дальнюю и жестокую ссылку; един же Архiereй или два глаголаше благочестивому Царю, дабы Великий Государь, изволил о том деле его, Святейшаго Патриарха, самаго допросити, аще ли же запрется, ин из служителей его и рабов допросити подлинно, и потом уже осуждение дати.

Великий же Государь благоволи сему тако быти, и посылает в Воскресенской монастырь от освященнаго собора Газскаго митрополита Паисия да Астраханскаго архиепископа Иосифа, с ними же Архимандритов и Игуменов, от царскаго же сигклита: боярина Князя Никиту Ивановича Одоевскаго, и окольничаго Иродиона Матвеевича Стрешнева, и думнаго логофета Алмаза Иванова, полковника Василия Философова и с ними пятьдесят человек стрельцов, и иных дворян и детей боярских множество.

Пришедшим же им в монастырь Святаго Воскресения и вшедше в келии патриарховы, начаша его вопрошати: како он пел есть молебен, и како проклинал, и кия псалмы читал; он же отвеща им: неложно глаголю, яко молебен пел есмь и тии псалмы читаны суть, токмо не к лицу Великаго Государя; а каковый аз молебен тогда певал, и каковыя псалмы читал; аз и ныне готов таковый же молебен пети при вас, псалмы же сии глаголах аз, моляся Господеви Богу на супостата своего Романа Бабарыкина; понеже бо тогда у него, Святейшаго Патриарха, по его, Романову, челобитью землю взяв отдали к селу Бобыреву, иже напоследи благочестивый Государь Царь и Великий Князь Феодор Алексиевич всея великия и малыя и белыя России

самодержец пожаловал присовокупил и все село то в Воскресенской монастырь.

Послании же глаголаша: молебна мы слушати без указу царского не идем; повелено же нам взяти в распрос архимандрита и братию и детей боярских и слуг и служебников, иже суть в то время у молебна были; он же глагола им, якоже что хотите, то и творите; они же по единому приводяще вопрошаху их, како молебствоваше и что пояху; отвещавающим же им, тии глаголаху, яко на молебне на ектениях за Великаго Государя Бога молил, а псалмы к каковому лицу читал, того не именовал. И тако распросив Архимандрита и братию отпустиша; из монастыря же до указу Царского Величества исходити не повелеша; мирских же всех распросив за стражу московским стрельцам отдаша.

На утрие же возвестиша Святейшему Патриарху, яко печь новых кирпичей поспела есть и изнести потребно; он же по прежнему обычаю повеле в колокол на работу звонити.

Прислании же уведаша от тут живущих, яко хочет Святейший Патриарх итти на труды, с братиею кирпичи из печи изнести, послании же прислаша глаголюще: дабы до указу Великаго Государя из монастыря Святейшему Патриарху никуда не исходити, и поставиша вокруг монастыря московских стрельцов, да никто же из лишних в монастырь внидет, и из монастыря Патриарха и братии не испущати; и тако пребысть Воскресенской монастырь за стражею с месяцем един времени.

Архиереи же и боярин с прочими вскоре отыдоша к Москве, токмо полковника со стрельцами оставиша.

Святейший же Патриарх Никон, наипаче во время оно сугубыя молитвы Господеви возсылалаше, ибо егда сошед с Москвы и пришед в Воскресенской монастырь, таковой обычай имея: по вся бо дни по Литургии молебен певаше Пресвятей Богородице греческим речением и согласиём, а во облежании стражей и еще к тому приложи стихиры Пресвятей Богородице киевским согласиём российским речением: «всем предстательствующи Благая», и пояше всегда моляся со слезами; и тако по едином месяце прииде Великаго Государя повеление к полковнику оному Василию Философову

повелевающе ему и со стрельцами отыти к Москве; монастырь же по прежнему оставити свободен и колодников свободити; и тако преста вражда та благодатию Божиею.

Святейший же Патриарх труды множайшия о церкви Божией полагаше, пребываху же в том Воскресенском монастыре повелением Великаго Государя оберегатели Святейшаго Патриарха здравия: един сотник и 20 человек стрельцов из Звенигорода Саввина монастыря.

По прошествии же того единого смущения паки многия смущения и оклеветания Великому Государю на Святейшаго Патриарха бываху, ибо во оно время пребываху у Святейшаго Патриарха в Воскресенском монастыре многия иноземцы: греки и поляки, черкасы и белорусцы, и новокрещенныя немцы и жидаы в монашеском чину и белецком; приезжаху же мнози изо многих стран и земель иноземцы хотяще видети лице его и зрети такового великаго строения, он же всех с радостию приимаше.

Великому же Государю навадиша, яко со иноземцы глаголет Патриарх на Великаго Государя многия неприличныя глаголы жалуясь, яко бы Великий Государь владеет и Царством и Архиерейством и о том убо паки от воливаго Государя с выговором приезжали; и иныя смуты частыя бываху.

Благочестивый же Царь аще и таковая на Патриарха ему клеветаху, но зело милостив бе к нему, егда бо родится благочестивому Царю сын или дочь, тогда с милостынею к нему присылалаше, такожде и со овощами всякими, дорогими сахараы и иными узорочии; Святейший же Патриарх на трапезе все с братиею разделяше, такожде и егда царскаго дому кто имянинник бываше, тогда благочестивый Царь от всех с пирогами имянинными присылалаше; он же и тии пироги с братиею разделяше.

По малех убо летех паки учинися вражда у Святейшаго Патриарха с Великим Государем таковым образом: боярин некто царска сигклита, именем Никита Андреевич зовомый Зюзин, бе муж благочестив и богобоязлив; сей видево безпрестанныя же вражды и смущения у Великаго Государя со Святейшим Патриархом, ведяше же и первую великую любовь между ними,

восхоте паки привести их в любовь, но не возможе, уже бо тако то Богу Святому изволившу; восхоте и написа писание ко Святейшему Патриарху, яко бы благочестивый Царь присылал есть к нему, Никите, ближних своих людей Артемона Матвеева и Афанасия Нащокина и повелел есть глаголати ему, дабы той Никита написав послание от своего си лица ко Святейшему Патриарху таковое: во еже бы Святейший Патриарх на нарекованное число пришельствова в царствующий град Москву в день недельный ко утрени, у врат же града вопрошающим, да поведает о себе нарицающеся Саввина монастыря власти; пришедши же бы в соборную великую церковь и возшед стоял бы на Патриаршестем месте и восприял бы свой Архиерейский жезл, его же пошед с Москвы оставил на месте том; и тогда благочестивый Царь присылати будет сперва бояр своих со оглаголанием, а потом паки второе пришлет бояр своих и властей; тогда бы Святейший Патриарх спросил ключей своих келейных, и аз де ему в третье и келейныя ключи пошлю, и тогда бы он шел в келии свои; к нему же по мале часе и сам аз пришел бы и о всем с ним возглаголал; аще же ни тебе, Никите, к нему отписати, то иному несть кому, понеже иных убо бояр Святейший Патриарх не тако любит, а тебе де жалует.

Он же, Никита, якобы сия вся слышав от них, восписует и с Новгородским священником Сысоем Андреевым к Святейшему Патриарху посылает.

Святейший Никон Патриарх, прият сие писание и прочет, повеле списати, а подлинное его Никитиной руки писание к нему ж со священником оным воспослати, понеже той Никита в том писании своем написа, дабы писание руки его к нему паки прислати.

Святейший же Патриарх и свое писание с писанием его к нему посылает, сие глаголющее, яко невозможно, рече, сему тако быти, во еже мне тако к Москве пришествие сотворити.

Седмицу же едину преждав, паки тойже боярин призывает к себе Патриархова иподиакона Никиту именем Никитина, глаголя ему: яко повелел есть Великий Государь тебе ко Святейшему Никону Патриарху послати, ведая любовь его к тебе такожде и твою ко оному, призвав к себе и отца своего духовнаго

иеромонаха Александра, иже прежде бывый Андреан протопоп, глаголя, на сие тебе свидетель и отец мой духовный; и посылает с ним писание подобно первому, еще же в писании том приложи; второе, рече, уже Великий Государь оных же ближних людей своих присылал есть к нему, Никите, с ними же бяхше прислано письмо его царския руки; написано же тако бе, о чем глаголя будут тебе, Никите, глаголати ближния наши люди, а тебе бы то верно имети, того бо ради и писание к тебе нашей руки послася, и ты убо, о Святейший, поверь нам и пришествие сотвори.

Святейший же Патриарх и сие писание приим, паки повеле списати вернейшим своим, иподиакона же того паки с писанием бездельна отосла, глаголя, яко невозможно сему тако быти; такожде же и писание его паки отосла, понеже то и боярин писаше к нему, дабы писание его возвращати.

По триех убо днех, паки того ж иподиакона Никиту той же боярин посылает с писанием подобно первым, еще же и сие прилагает: аще, рече, ныне ты, Святейший Патриарх, не изволиши быти, глаголет Великий Государь, и не умириши Церкви Божия и с нами мира не положиши, то и во веки Церкви Божией быти во вражде и у нас нелюбве; аще же будеши ныне, то сотворим во всем волю твою, якоже Господеви угодно и тебе.

Святейший же Патриарх сие третье писание от иподиакона приим, глаголя ему: аще и аз престола своего не желаю, но и паче Церкви Божией всякого умирения и царскаго милосердия желаю, и вдаюся воли Божией и царскому его изволению; токмо о сем едином попечение имею, дабы сие дело не коварством было; Никита же иподиакон глаголя ему, яко при отце своем духовном, Никита Зюзин посылалше его государским повелением.

Святейший же Патриарх третьяго онаго писания по его прошению не отпусти, рек к нему: да скажеш боярину, яко сам аз иду и писание твое привезу, и абие начат пути касатися, и пойде к Москве в субботу вечера по повечерии за едину седмицу до праздника Христова Рождества; пришедши же к царствующему граду Москве и во вратех града, глаголемых

Смоленских, сказахся, яко Саввинския власти приидоша; тогда стражи отверзоша им врата и во град пустиша его и сущих с ним; вшедшим же им во град и пришедшим в соборную великую церковь Пресвятыя Богородицы во время утренняго пения в стихологии первыя кафизмы, и по обычаю Архиерейскаго входа, сущим с ним повеле пети: «Достойно есть», сам же Святейший Никон Патриарх поклоняхся святым иконам и целоваше я.

По отпетии же «Достойно» и по ектении паки начаша стихологисати псалтирь по обычаю; тогда Святейший Патриарх шед и ста на Патриаршестем месте своем и взял в руки свой жезл чудотворца Петра митрополита, его же бяше оставил по отшествии своем, и поиде к нему к благословению Преосвященный Иона митрополит Ростовской и Ярославской, бе бо той митрополит тогда хранителем Святейшаго Патриаршескаго Российскаго престола, посем и протопоп большого собора, и прочия священники по обычаю, и вси прилучившиися тамо народи.

По сем же Святейший Патриарх призвав онаго митрополита Ростовскаго, да архимандрита Воскресенскаго, посылает их к Великому Государю вверх, и повеле возвестити о себе, яко рече, мир и благословение принесе Великому Государю и всему его царскому дому, и всему царствующему граду; они же убо послушавше его идоша и возвестиша благочестивому Царю по его повелению.

Благочестивый же Царь посылает по властей и по благородных своих бояр наскоро, и которые приключилися советуют с ними Великий Государь о пришествии Святейшаго Патриарха; они же отвечахаше рекоша, дабы вопросити его, чесо ради пришел есть, и за каковым делом.

Тогда благочестивый Царь посылает ко Святейшему Никону Патриарху бояр своих Князя Никиту Одоевскаго с прочими дабы вопросили его; они же пришедши в церковь вопрошаху его; отвечах же Святейший Патриарх Никон, глаголя им, яко мир и благословение Великому Государю и дому его царскому и всей своей пастве принесе; они же слышавше сия, паки возвратишася к Великому Государю.

Благочестивый же Царь услышав таковая словеса паки советует, что ему отвечать; Архиереи же и царский его сигклит советуют, дабы отослати его в Воскресенской монастырь, не видев лица царского.

Тогда благочестивый Царь благоволи сему совету их быти; поидоша же к нему паки Архиереи и бояры глаголюще, и повелевающе ему возвратитися в Воскресенской монастырь; отвечав же Никон Патриарх глаголя им: хочу видети лице царское и благословити дом его; они же укориша его, яко не правильно в нощи пришедши, и реша ему, яко царского лица тебе видети в нощи невозможно, понеже у Великаго Государя ко Вселенским Святейшим Патриархом о пришествии их к Москве писано есть, и послано, и ожидает пришествия их вскоре, и за тем убо видети лица царского до Вселенских Патриархов невозможно.

Тогда Святейший Патриарх глаголя им: да возвестят еще Великому Государю, яко требую его видети ради нуждных великих дел; они же его отсылаху до Вселенских Патриархов; вся же сия содеяшася во время утренняго пения; едва же послушавше его поидоша и в третье к Великому Государю и сказаша словеса его; Великий же Государь повелел паки итти ему в Воскресенской монастырь; сие же бе уже по утрени в той же соборней церкви.

Святейший же Никон Патриарх слышав таковое повеление, поиде ко святым иконам знаменоватися и изыде из соборней церкви; взял же с собою жезл Петра митрополита и сяде в свои сани; за ним же Великий Государь присла боярина своего Князя Димитрия Долгорукова и с ним полковника и стрельцов.

Никон же восседая в сани, оттрясе прах от ног своих, глаголя Господня словеса: «идеже аще не приемлют вас, исходяще из града того, и прах прилепший к ногам вашим оттрясите во свидетельство на Ня; сего ради и прах прилепший к ногам нашим оттрясаем вам». Полковник же некий глаголя ему: мы убо прах сей подметим. Тогда Святейший Патриарх глаголя ему: разметет убо вас сия метла являющаяся на небеси; бе бо в то время являшеся на небеси хвостовая звезда, якоже метла, еже есть комета.

И посем пойдоша на Каменной мост и в Никитские ворота до света за малый час; провождаху же его те же предупомянутые полковник и боярин, и егда изыдоша из врат земляного города, тогда боярин повеле стати для Великаго Государя дела. Святейший же Патриарх став ожидаше реченнаго им; оный же боярин глаголя титло царево и по титле рече: велел есть у тебя, Святейшаго Патриарха, благочестивый Царь благословения и прощения просити.

Святейший же Патриарх отвечава рече ему: Бог его простит, аще не от него смута сия; боярин же вопроси его глаголя: какая смута поведь ми? Он же глаголя о пришествии своем: аще, рече, повинен Великий Государь в сем моем приезде, и без его воли сие было, и его Бог простит: возвести тако Великому Государю. Боярин же возвратися во град, Святейший же путешествоваше в село свое Чернево. Егда же боярин оный прииде к Великому Государю и возвести ему вся сия, и яко жезл Петра митрополита Никон с собою взя, жезла же того еще ему сущу в церкви прошаху у него ключари, он же не даде им глаголя: яко аз поставих, аз и взях, что вам дела до сего.

Великий же Государь паки советует со Архиереи и сигклитом своим, во еже послати во след его и аще той жезл, сиречь посох, несет иподиакон, и у него отъяти. Аще же у самага в санях или в руках, то убо просити честию; вопросити же его и о сем, еже он рекл есть боярину Долгорукову за земляным городом, прощаючи Великаго Государя, и какую он смуту сказал; а донележе не скажет и жезла не отдаст, никакоже от него неисходным быти.

Посланныи же быша с тем царским повелением Павел митрополит Сарской и Подонской и Архимандрит Иоаким Чудовской, от сигклита же окольничей Иродион Стрешнев, думный дьяк Алмаз Иванов, с ними же и полковник и стрельцы. Достигше же Святейшаго Патриарха в селе Черневе, и сказаше ему царское повеление, дабы он возвестил Великому Государю, какая есть смута и отдал бы посох Петра митрополита; он же не даде им посоха и про смуту не возвести. Тии же стояше быша в селе Черневе, яко двоеденствие, и неотступни бяше днем и

нощию; двор же окрест стрегуще полковник и множество стрельцов.

Святейший же Патриарх Никон, не терпя такового озлобления, посылает той посох и писание боярина Никиты Зюзина с Воскресенским архимандритом Герасимом; за оным же пойдоша и тии присланные власти и от сигклита и полковник и стрельцы; сам же Святейший Патриарх отыде в Воскресенской монастырь.

Они же пришедше к Москве возвестиша Великому Государю о прибытии архимандрита Воскресенского со оным посохом и с письмами; бе бо повелено от Святейшаго Патриарха оному архимандриту отдати посох и письма самому Великому Государю в руке.

Благочестивый же Царь прият у архимандрита того своима рукама посох и письма, и посла посох той с Павлом митрополитом Сарским паки в соборную церковь на Патриаршее место, письма же оныя сам нача прочитати, бяху бо два писания переписана, а третье его, Никитины руки Зюзина, бе бо вельми худо письмо, понеже он, Никита, в мале умеяше писати. Тогда благочестивый Царь виде в писании, яко Артемон и Афанасий Нащокин во свидетельство написаны, вопрошаше их; они же отвещеваше глаголаху, яко того не знаем, не ведаем; послаша же по того Никиту Зюзина в то время, и по Никиту иподиакона, и по иерея Сысою; и егда убо поведоша Никиту Зюзина в распрос жестокаго питания, жена же его Мария именем, точию услышала сие слово, возопи и рече: ох! и абие умре. Никиту же иподиакона и иерея Сысою распрося, вдаша за стражу. Они же отвещеваху рекуще, яко мы писание ношахом, а еже что в них писано не ведахом; иподиакон же глаголаше, яко мене по твоему царскому повелению, при отце своем духовном посылаше.

Егда же Никиту Зюзина у пытки спрашиваху о сем, он же отвеща глаголя: яко вся сия аз сотворих от своего изволения, хотел бо видети Церковь Божию во умирении, такожде же и Великаго Государя со Святейшим Патриархом в совете. На Афанасия же Нащокина и на Артемия писах напрасно того ради, дабы мне Святейший Патриарх в том писании поверил.

Видев же благочестивый Царь, яко он истину поведя, не повеле его мучити, повеле же его вдати за стражу в дом некоего ближняго человека; предупомянутый же иподиакон Никита сидев за стражею несколько дней, и Богу дух свой предаде; того же Никиту Зюзина царский сигклит присоветоваше казнити смертию, благочестивый же Царь от смерти его избави, послав его в заточение во град нарицаемый Казань, и повеле его написати со дворяны служащими града того; Сыся же иерея послаше в изгнание в монастырь Соловецкой; Никиту же иподиакона, по его обещанию, привезоша погребсти ко Святейшему Патриарху Никону в монастырь Воскресенской.

Тогда Святейший Патриарх сrete его яко мученика вне монастыря со кресты, и внесе в монастырь, и отпев уставленная над ним, погребе его своима рукама под лествицею, иже на святую Голгофу¹⁶; и тако то смущение конец прият.

Святейший же Патриарх паки пребывая в Воскресенском монастыре, созидаше святую оную великую церковь; обычай же имеяше в Господския и великия праздники сам литургисати, и поставляти в свои монастыри во Иверской, и Крестной, и в Воскресенской архимандритов, и тех же монастырей в села священников, диаконов, иподиаконов, и чтецов, и певцов.

В царствующем же граде Москве не бе тогда Патриарха осмь лет и пять месяцев, владеху же Патриаршею епархией по царскому повелению митрополиты Ростовския, наипаче же вящшии Питирим Сарской, он же и проклятию Святейшаго Патриарха подпаде.

Еще же обычай имея Святейший Никон Патриарх в Воскресенском монастыре пребывая, и во все свои монастыри повелевая, дабы странных пришельцов в тех его монастырях кормили и поили всегда довольно, не токмо самих, но и скоты их, аще кто восхощет даже и до трех дней пребыти, по тому же повелевая кормити; егда же кто желанием восхощет в тех его монастырях монашество прияти, и таковыя убо повелевая безвкладно приимати и платие казенное давати, и вкладных никому из монастыря не повеле давати¹⁷, и вкладов отнюдь ни от кого не приимати глаголя: яко вкладчика монастыри

разоряют, аще же кто любо на помин сродников своих или в церковь Божию на строение даяше, то приимати без вкладных повелеваше, и о здравии на ектениях, и за проскомидиею за живых, и о упокоении за умерших Бога молити повелеваше же и в синодики вписовати.

Еще же обычай имеяше таковой, яко в Господския праздники, и Богородичныя, и святых великих, и в Воскресныя, и в субботныя дни, и во дни царских ангелов всегда с братиею в трапезе ядяше, и каковыя убо яди сам потребляше, таковыя повелеваше и всем братьям уготовляти; странных же пришельцов с собою в трапезе питаше, и по обеде убо всем оным странным пришельцом нозе омываше, елико их случашеся; бяху убо во оная времена многия брани с разными государствами, ратные же люди от путешествия уклоняхуся упокоения ради во обитель его; он же всех приимаше, и насыщаше, и ноги их омываше, елико их не приключишася, яко бе по сту, по двести, и по триста во един день.

Пища же его бяхе вседневная: капуста вареная с хебом сушеным мелко раздробленным, а от огородных зелий огурцы и уха малых рыб токмо в разрешенныя дни, в среды же и пятки, и в понедельник никакоже вкушаше рыб во все лето, разве Господских праздников и Богородичных.

Одежда же его бяхе от кож овчих и рясу от влас агнчих пепеловиднаго сукна ношаше, мантия же всегда чернаго сукна манатейнаго точию со источниками, ея же надеваше токмо егда в церковь хождаше; на строение же всякое и в работу точию камилавкою и куколем покровен, без мантии хождаше, подпоясан поясом усменным широким, яко в четверть аршина бе широта того пояса и вящше.

Во дни же Господския и в праздники ко службе Божией одежды мягкия ношаше и жезл архиерейской; по вся же дни посох великий от простых самородных древ имеяше; часто же убо днем и нощию рыбы ловяше, и от трудов своих братию питаше. По вся же посты во отходную свою пустыню отхождаше¹⁸, и тамо жесточайшее житие живяше, вящшия молитвы, и поклоны, и пост прилагаше, сна же всегда вельми мало требоваше, яко в нощеदनствие точию три часа.

Бяху же убо во оная времена и раскольницы церковнии умножахуся, от некоего ересеначальника чернеца глаголемаго Капитона, и вельми на Святейшаго Никона многая злохуления глаголаху за исправления книг Божественного писания, и нарицаху его, хуляще, антихристом и иными укорительныма глаголы, яже и писано невозможно предати.

Тогда благочестивый Царь, ревнуя о Святей Церкви, повсюду капитонов оных раскольников всячески изыскаваше, и пустынная их еретическая жилища разоряше, самих же оных непокаряющихся Святей Божией Церкви смертными ранами и заточенми смиряше.

По неколицем же времени, по прошению Великаго Государя, приидоша в царствующий град Москву Вселенстии Патриархи: Паисий Папа и Патриарх Александрийский, и Макарий Патриарх Антиохийский; и тогда убо два некия человека новокрещеныя, бяху же прежде жидовския веры, Святейшему Никону Патриарху служаще; часто же един из тех новокрещеных отхождаше во град Москву к некоторому жидовину же породю именем Даниилу, новокрещену же сущу, и доктору царския аптеки; некто же благочестивый муж поведи Святейшему Патриарху, яко той служащий ему жидовин, приходя к Москве и со оным Даниилом жидовствуют и по своей вере в доме его службы совершают, такожде и инныя, иже в Московском государстве жидовския веры новокрещеныя все собираются ко оному Даниилу и жидовствуют; к тому ж еще оный новокрещеный оному Даниилу клеветает на Святейшаго Патриарха многия нелепые глаголы, а той же Даниил Великому Государю возвещает поведанная ему.

Слышав же сия Святейший Патриарх повеле того жида о тех словесех распросити и раны на него наложить; он же потаив, не повинися, и того ради посажден бысть в темницу; клевет же его новокрещеный по совету его тайно бежа к Москве и, пришед к царскому двору, возопи и вельми воскрича: за мною де есть государское слово, тогда взяша его вверх пред Великаго Государя; он же поведаше глаголя, яко есть в Воскресенском монастыре у Святейшаго Патриарха человек засажен в темницу, уприсивый мене, дабы мне возвестити тебе,

Великому Государю, дабы ты, Великий Государь, повелел его из темницы взять перед себя, Великаго Государя, и он тебе вся подробно изречет, еже о житии и пребывании Святейшаго Патриарха.

И абие Великий Государь посылает в Воскресенской монастырь Чудова монастыря архимандрита Иоакима и с ним полковника и стрельцов, и повелех взять того жидовина из темницы; архимандрит же Иоаким пришед в Воскресенской монастырь, постави у оныя тюрьмы стражу; сам же поиде в келию ко Святейшему Патриарху и глаголя ему указ Великаго Государя, яко повелел есть Великий Государь взять того темничника; Святейший Патриарх повеле его отдати.

Архимандрит же Иоаким поем его и представи пред Великим Государем; той же темничник изглагола Великому Государю много всякаго зла на Святейшаго Патриарха, глаголаше бо, яко и жены у них в блуд себе отнял есть, и их самих до смерти убивает и иная нелепая.

Слышав же сия Великий Государь рече ему тако: сего никому не поведай и ни с кем не глаголи о Господине своем, аще ли же услышу от кого, тебя о сем кому поведаяща, то повелю у тебя из гортани язык вырезать; и абие повеле их обоих отдати за стражу Чудова монастыря на конюшенном дворе; повеле же и жен их и детей привезти из Воскресенскаго монастыря и тамо же повеле жити им с мужи своими.

По мале же времени тии злочестивии жидове вси исчезоша с женами и с детьми, без вести погибоша.

Во оное же время по Святейшаго Патриарха Никона посылают от освященнаго Собора Арсения архиепископа Псковскаго и Богоявленскаго архимандрита из Заветошнаго ряду, Спасскаго архимандрита из Ярославля Сергия, и иных Игуменов, и от войска полковника со стрельцами.

Пришедшим же им ко Святейшему Патриарху, глаголаху титуло Государево и посем титула Святейших Вселенских Патриархов, и всего освященнаго Собора повеление, дабы Святейший Патриарх шел к Москве вскоре на Собор, и дал бы ответ Святейшим Вселенским Патриархом и всему

освященному Собору, чего ради оставил свой престол и вселился есть в Воскресенской монастырь.

Святейший же Патриарх Никон глагола им: откуда прияли суть таковое безчиние Святейшии Вселенстии Патриарси и собор ваш, яко не по правилом святых Апостол и святых Отец по мене бывша крайняго Архиерея посылают Архимандритов и Игуменов? В правилех бо святых Апостол и святых Отец написано: аще который Архиепископ или Епископ оставив свой престол и прейдет жительствовати во иную епархию, тогда по мнозе времени ожидая его, посылати по него два или три Архиерея и звати его дважды и трижды на Собор, и аще пребудет во упрямстве и не идет, то судити его заочно; вы же ныне Архимандриты и Игумены по нас пришли есте, по каковым правилом? Сергей же Ярославской архимандрит вельми из всех выступая и безсудствуя, аки бы накупился, глаголаше: даждь нам ответ идешь ли, или не идешь? мы бо тебе не по правилом глаголем, но по Государскому указу.

Святейший же Патриарх рече ему: шествовати аз не отめщуся, словес же твоих слушати не хочу. Он же глагола ему: и ты убо нас тем безчестуеши. Отвещав же Святейший Патриарх Никон глаголя ему: есть убо с вами Архиерей и аз с ним имам глаголати, с вами же чернецами и глаголати не хочу, понеже бо вы неправильне приидосте. Архиепископ же глагола: рцы убо нам, что возвестити Великому Государю, будеши ли ты на Соборе, или не изволиши? Отвещав же Святейший Никон Патриарх, рече ему: на Соборе аз буду, точию вmale поуправлюся; они же шедше на гостинной двор, посылают к Москве наскоро гонца и пишут, яко бы их обезчестил; к Москве же, глаголет, на Собор хочет итти, а не идет.

Святейший же Патриарх пев вечернее славословие с повечерием и повелевает архимандриту и всему освященному чину да уготовятся вси к Литургии сослужити ему; пришедшу же ему в свои келии повелевает глаголати правило свое келейное, и к службе; имеяше бо обычай по вся вечера в келии своей правило повечернее и три канона, Иисусу, Богородице и Ангелу Хранителю.

По правиле же повелевает взять с собою книг к Москве: правила святых Апостол и святых Отец, Псалтирь со возследованием и Книгу на 30 вопросов боярина Симеона Лукьяновича Стрешнева и на ответы Газскаго митрополита Паисия о разорении Патриаршеских дел, инаго же ничтоже не повеле взять, токмо один крест, его же бы пред ним нести.

Времени же малу пришедшу, повеле благовестити ко утрени; по утрени же призва Святейший Патриарх отца своего духовнаго и исповедався совестию своею в чистом покаянии, начат сам со всем причтом своим елей святити и освятився священным елеем, сам себе и весь причет и братию посветив; паки прииде в келию свою и начат глаголати часы и молитвы святаго причащения.

Архиепископ же и Архимандриты возвешение дают ему, еже бы им быти к нему государскаго ради дела; он же возбрани им придти, глаголя: яко аз ныне готовлюся к Небесному Царю.

И абие повелевает благовестити к Литургии; егда же прииде в церковь со свещеносцы и с пением, и облачився по обычаю во архиерейская, начат Литургию; тогда и Архиепископ с прочими прииде в церковь Святых Голгофы.

Святейший же Патриарх, призвав к себе иподиакона монаха Германа, иже последи бысть того Воскресенскаго монастыря архимандритом, и повеле ему сказати Сергию архимандриту Спасскому, дабы он из церкви изшел, понеже бо той Сергей тогда прение чинил со многими о новоисправных книгах и о греческом пении. Иподиакон же поведа ему Патриаршее слово; они же между собою посоветовав, и вси изыдоша из церкви и стаха на крыльце Святых Голгофы.

Святейший же Патриарх повеле певцем своим пети Литургию всю греческими глаголы, согласиен киевским; и тако сподобися причастия Святых Христовых Таин; по Литургии же, прежде отпуста, поучаше братию от Божественнаго писания много о терпении, во еже бы им напасти и беды претерпевати с радостию Христа ради, чтяше же в беседах Апостольских; по чтении же и по отпущении святых Литургии, паки иде в келию своя, мир и благословение подав.

На крыльце же стоявше прислании нелепо кричаху, глаголюще: чесо ради ты держиши нас, ни откажеш, ни же прикажеш; наипаче же Сергей архимандрит крепко наступая невежеством. Святейший же Никон Патриарх глагола ему: аз убо твоих словес не внимаю и не слушаю; и тако внидоша в келии. Посем же Святейший Патриарх глаголя Архиепископу в келии своей: чесо ради ты утра сего присылал ко мне и хотел возвестити государский указ; он же отвечае рече ему: яко сей есть государский указ, дабы ты изволил придти к Москве на Собор и дал ответ о себе, чесо ради оставил еси престол свой, аще ли же не пойдеш, и тогда мы пойдем и возвестим Великому Государю.

Святейший же Никон Патриарх глаголя ему: слава Богу о всем, готов есмь и иду; и повеле впрящи сани свои, и абие изыде вон из келии, бе бо уже к вечеру день той преклонися, понеже во оно время пост бе Рождества Христова против первого числа месяца декемврия; и тако братия вся провожаху его со слезами от монастыря даже до креста, еже есть противу монастыря, на месте нарицаемем гора Елеонская. У креста же Святейший Патриарх, сотворив молитву, повеле диакону прочести ектению и, сотворше прошение за благочестиваго Царя, и за всю братию, и за вся христианы и мир, благословение и прощение братии подав, поиде в путь свой.

Братия же и вси православнии жители и трудники тоя обители, приемше благословение и прощение неутешно плачущеся и не надеющеся паки видети отца своего.

Шествующу же Святейшему Патриарху путем, пред ним же идяше полковник некий по реклу Остафьев со стрельцами, по нем же последи Архиепископ со властью; и тако пришедше близ села Чернева, яко бы поприща за два или полтора недошедше до онаго села.

И абие срете его из Владимира Рождественскаго монастыря архимандрит Филарет, глаголя стояти и абие сташа, он же глаголя титлы Великаго Государя и Святейших Вселенских Патриархов и от всего освященнаго Собора и после титл глаголя: послали к тебе тех преждедеченных Архиереа и Архимандритов и Игуменов, и ты убо их обезчестил и к Москве

не едеши. Он же глагола ему: лжеши, яко бы аз обезчестил посланных и к Москве не еду, и аз их не безчестил, точно вы мя безчестите, яко не по правилу святых Отец по Архиепископа крайняго суща Архимандрита приезжаете. Архимандрит же Филарет отвеща ему: мы слушаем повеления Царскаго и Вселенских Святейших Патриархов, и всего освященнаго Собора, ты же что противишися?

Святейший же Патриарх глагола: несть кому на вас жаловаться, токмо Богу и засвидетельствовати небу и земли, и рече: слыша небо и внуши земле; и паки поидоша в путь свой, и приидоша в село Чернево, по новопрозованию Святейшаго Патриарха нарицаешся тогда село то Назарет.

И абие прииде паки в то село архимандрит Новоспасскаго монастыря Иосиф и паки повелевая стати, и абие ста; он же вопросив огня, занеже у него написано быше еже глаголати и титулы Святейших Вселенских Патриархов на память не умеаше изрещи, тогда принесоша огня, он же нача по писанию глаголати теже прежде реченныя речи якоже Владимирской архимандрит; еще же и сие приложи: и после ж де тех присланных паки послаша к тебе из Владимира Рождественскаго монастыря архимандрита Филарета и ты и того обезчестил же и к Москве не идеш, и тебе бы убо быти к Москве декабря в третьем числе; пришествие же твое да будет не с большими людьми за три или за четыре часа до света, или вечера часа в три или в четыре.

Отвещав же Святейший Патриарх глаголя ему: ох, лжи и неправды исполненныя, давно ли отыде от нас Владимирской архимандрит, да и ныне с нами, и чем обезчещен, и како аз не еду? горе вашей лжи и неправде, и чесо ради повелеваете быти мне в нощи и с малыми людьми, или убо такожде хотите удавити, якоже и Филиппа митрополита единого удавили? Архимандрит же рече: аз убо невольный человек, мне что написаша и вдаша, то аз и глаголю; посем же доидоша до села Тушина, в селе же Тушине полковник удержал и глагола: како нам шествовати, когда указ был Великаго Государя, еже в третьем числе декабря быти, и мы убо пошлем к Москве гонца, сами же и с кони опочием.

Святейший же Патриарх глагола ему: творите, якоже хотите; и абие повеле дом некий уготовати, дабы никаго в том доме не обреталоя, и егда уготоваша некую избу, и пришед нача пети вечерню и повечерие и правило, и мало тут опоча.

Паки прииде указ Великаго Государя, дабы ехати к Москве не мешкав, и часа за три или за четыре до утра быти бы на Москве; и тако пути казахуся и приидоша к Москве за четыре часа до света и везоша на Ваганково, посем в Смоленския ворота, таже на Каменной мост; во вратех же Каменнаго мосту многия фонари быша поставлены; осматриваху же, кто суть и колико бяше приезжих с ними.

Приидоша же ко Архангельскому подворию, иже бе в Кремле у врат Николаевских, и абие врата от нас затвориша; мне же глаголющу крестоносец поддьяк, чесо ради затвориша врата? Глаголаше ми полковник: есть дело Великаго Государя; и абие прибегоша два стрельца и рекоша полковнику: той есть. Он же глагола ми: сниди с коня и отдаждь крест, а сам пойд, есть до тебя Государское дело.

Аз же слышав от Святейшаго Патриарха еще на пути: егда кто тя поимет и нудить станет, и ты тогда крест отдаждь в руке мне; я же сшед с коня и отдав крест самому Святейшему Патриарху в руке; мене же взяша два стрельца под обе пазухи и понесоша аки на воздусе, не успевах бо ногами и до земли доткнутися, и абие приведоша мя в караульню, что у Каменнаго мосту, а оттуда вверх представиша Великому Государю единому вверх; тогда Великий Государь начат мя вопрошати о неведомых вещех; мне же отрицающуся и ничто же ведати ему глаголющу. Великий же Государь глагола ми: глаголи ты ныне мне, аще же ныне мне не учнеши глаголати, а не мне скажеш же, то будет ти сидети дондеже Бог изволит; аще ли же речеши ми, то и свобода тебе того ж часу будет; я же не обвинуся глаголах, яко не ведаю ничтоже, Богу Святому укрепляющу мя, и дерзновение подающу; и абие посажен бех у тайных дел и сидев единонадесят дней; напоследок же отдан бысть полковником за крепкую стражу и сидел три лета и вящше, посем же послан бысть в великой Нов-град в ссылку и тамо пребых десять лет.

Святейший же Патриарх поставлен на Архангельском подвории и вельми печашеся, яко и последних людей его разно держат за стражею, и никому приити к ним или слово изрещи не дающе; понеже и прежде того крестоносца поддиака многия взяты быша из Воскресенскаго монастыря и посадиша я за стражи. Пришедше же со Святейшим Никоном Патриархом во уготованный ему двор в той же нощи, уже близ к свету, бе бо той двор во граде Кремле у Николаевских ворот во угле града, иже именуется Лыков двор, во храминах же уготованы возженные многия свечи; егда же вся сущи со Святейшим Никоном Патриархом собрашася во дворе, тогда приставиша ко вратам и окрест двора крепкия и великия стражи, яко отнюдь не токмо кому во двор оный внити, или из двора изыти, но ни же кому мимо итти невозможно.

Святейший же Патриарх с прочими своими пев утреннее пение; егда же день бысть, тогда Николаевския врата утвердивше крепко, да никто путем оным шествовати будет мимо двора, и не точию се, но и мост великий, иже у оных ворот, весь разобраша.

Во времени же певше часы и прочая, по отпетии же часов повеле эконому своему Феодосию представить трапезу себе и прочим с ним, той же, отвещав ему, рече, яко вся потребная на пищу к Москве за ними же из монастыря Воскресенскаго привезена, но отвезена суть на Воскресенское подворье, понеже на двор сей в нощи не пустиша, такожде и ныне за повелением царским, потому ж отнюдь никого ни ко двору не припускают; и показа ему обретающуюся у него, эконома, в санях токмо едину четвертину хлеба.

Святейший же Патриарх повеле и ту раздробити себе и прочим, глаголя: яко да не будем жидовствующе чрез каноны постящеся, в субботу; бе же всех душ со блаженным Никоном Патриархом монахов и мирских, яко до тридесяти или вящше, и тако день той препроводивше.

Во утрий же, си есть в неделю, декемвриа во 2-й день, в первый час дня, приидоша от Царскаго Величества и от Вселенских Патриархов и от всего освященнаго Собора посланнии: Арсений архиепископ Псковской, Александр епископ

Вятской и Суздальской, архимандрит Павел Ярославской, архимандрит Сергей и инии мнозии от священнаго чина. Вшедшим же им по обычаю, и по молитве седшим и мало беседовавшим; посем восташа, и начаша глаголати Святейшему Патриарху, что его Царское Величество и Святейшия Вселенския Патриархи и весь освященный Собор призывают тя на Собор.

Святейший же Никон Патриарх слышав сия рече: яко аз готов есмь, и абие востав, хотяше исходити, повеле же пред собою нести крест Господень некоему монаху анагносту именем Марку; видевшу посланнии звателіе, что на Собор хочет итти со святым крестом, удержаша его и рекоша ему, яко тако недостойт ти на Собор сей итти со крестом, понеже сей Собор не инославный, но есть православный.

Святейший же Патриарх о Святем и Животворящем Кресте, и о силе, и о победе его многая изрече от Божественных писаний; они же о сем ни мало ослабевающе и глаголюще ему, да идет без креста.

Святейший же Патриарх такожде крепляшеся и без честнаго креста итти не хотяше; посем посланнии послаша вестников на Собор к благочестивому Царю и прочим о сем возвестити, яко Патриарх Никон идет на Собор со крестом, а без креста итти не хочет; и оттуда паки к посланным присланы быша инии вестницы, повелевающе им о сем ему неослабно глаголати, дабы шел без креста; и тако в том словопрении мало из внутренней келии выступивше в переднюю и тамо посланнии такожде стужаху ему неизменно, яко да оставит крест и шествует просто: и тако сотворше в сенях и на крыльце верхнем, конечное же на нижнем крыльце остановивше его и стужаху ему со многою зельностию. Святейший же Никон о сем немало ослабевая бяше, но вся ответствоваше от Божественнаго писания, елико Дух Святый подаваше ему глаголати.

Скороходцы же с Собору к ним, и от них на Собор непрестанно прескачуще и о всем возвещающе, и тако промедлиша многое время; видевшу же, яко не можаху его сим

одоleti, приидоша паки вестницы от Собора, оставивше ему итти и со крестом.

Святейший же Никон Патриарх седе в сани своя, на них же из обители прииде, и иде на Собор предъидущу же пред ним честному кресту Господню. От онаго же двора, идеже бе Святейший Никон, даже и до церкви святого Благовещения, иже вверху и во всем Кремле граде, тако много народу собравшуся, яко с трудом многим точию путь един даяху ему народ.

Егда же прииде Святейший Патриарх против соборных церкви, бяхе же во оное время пение святыя Литургии и южныя церковныя двери отверсты, и восхоте во святую церковь итти, и тогда оныя затвориша от него. Он же виде сие сотвори поклонение ко святой церкви и паки сяде во оныя сани, и тако приидоша близ церкви святого Благовещения, и тамо стояху сани Вселенских Патриархов украшены всяким украшением и по два коня впряжены величайшия и обвешены собольми; Святейшаго же Патриарха бяху худейшия сани и малейшия ключата, и поставиша их близ тех же коней и саней.

И тако Святейший Патриарх Никон поиде мимо церкви святого Благовещения папертию, и тамо такожде в церкви пояху святую Литургию; егда же дошедшу ему до дверей церковных, и двери церковныя по тому же от него затвориша, якоже и в соборней церкви, и тако мимо иде вверх ко дверем столовой, идеже бяхе Собор оный собран бысть.

Егда же ему идущу ко оной храмине, двери тоя бяху отверсты; егда же близ бывшу, тогда и те двери от него затвориша, и тут у оных дверей мал часец постоявше, бе бо тогда на Соборе советование о сем, да егда Святейший Патриарх внидет на Собор, то дабы никому противу его не вставати, но всем сидети; и егда отвориша двери, поиде Святейший Патриарх, предъидущу же пред ним честному кресту Господню, благочестивый же Царь и вся сущии тут видевшие сие, яко святой Крест предъидет пред ним, тогда и нехотяще, но восташа; благочестивый же Царь аще и востав, но обаче у высочайшаго престола своего стоя на высочайших ступенях, близ же его ошуйю страну два места быша устроены всяким устроением и украшением, идеже стояху Вселенстии Патриарси,

пред ними же стояше стол, покрытый золототканым ковром, на нем же стояше ковчежец сребрян и позлащен и книги некоторыя лежаху.

Вшедшу же Святейшему Патриарху Никону, и близ бывшу царева престола и Вселенских Патриархов и онаго покровеннаго стола, сущаго пред ними, нача глаголати молитву: «Владыко многомилостиве» и прочая по обычаю. Егда же сие соверши, тогда держимый в руках своих жезл отдаде своему анагносту монаху Серафиму, сам же подошед близ Царскаго престола и сотвори ему поклонение трикратно, якоже обычай; Царь же стоя на висоцем своем престоле, противу ему точию мало главу преклоняя; посем Святейший Патриарх поклонися по обычаю и Святейшим Вселенским Патриархом, таже обратися аможе Архиереи стояху, поклонися и им обычно, потом такожде сотвори и на другую страну, идеже стояше царской сигклит и царев духовник.

Егда же сие соверши, паки взя свой посох в руце, животворящий же крест предпутешествовавый пред ним нося и монах постави его во угле одесную страну царскаго престола; тогда благочестивый Царь стоя на висоцем своем престоле и ступенях, показуя рукою своею одесную себя и устнама мало движа, повелевая ему на лавку сести, Святейший же Патриарх отвещав рече: где повелиши Царю да сяду? Благочестивый же Царь паки на тоже место показуя и повелевая сести; бяше бо место оно праздно ко углу, и ничтоже ко Архиерейскому сидению по обычаю не приуготовлено, ни возглавия, ни подножия.

Видев же сие Святейший Никон Патриарх и обозревся создади себя, глаголя Царю велегласно: благочестивый Царю, не ведах аз твоего намерения сего, места с собою на чем сидети не принесох, а которое здесь наше место и есть, и то занято; но глаголи, еще рече, чесо ради призвал еси нас в собранное тобою zde соборище? Монах же оный, иже носяй святой крест, виде яко Святейший Патриарх не сяде, взят паки поставленный святой крест из угла, и ста прямо пред лицом Царскаго Величества, и пред столом иже пред Вселенскими Патриархи.

Слышав же сия Царь от Патриарха Никона и виде, яко не сяде, тогда сниде со ступеней престола своего и став по конец стола сущаго пред Вселенскими Патриархи, рече сице: Святейшия Вселенстии Православныя Патриархи, судите мя с сим человеком, иже прежде бысть нам истинный пастырь, пасяше бо нас и люди Божия в правду, якоже Моисей предводительствова люди израилевы; подобно же сим и иныя ублажительная глаголы изрече благочестивый Царь; посем же не вемы, что бысть ему, яко остави свою паству и град сей, и отыде во свой ему созданный Воскресенской монастырь и тамо пребывает; пребывая же тамо, не вем чесо ради неких от Архиереов и от царскаго нашего сигклита многих предаша клятве, и о сем всем, ваше Пастырство, како разсудите, понеже того ради и призвав ваше правосудие до zde.

Святейший же Патриарх Никон вопрошен бысть от Вселенских Патриархов чрез толмача некоего именем Дионисия архимандрита, противу словес благочестиваго Царя.

Никон же со всяким дерзновением изрече вся подробно, како и чесо ради отыде от царствующаго града Москвы и чесо ради повинных предаша клятве.

Паки же рече благочестивый Царь: он же, Патриарх Никон, писал в Царь-град ко Святейшему Вселенскому Патриарху Дионисию грамоту свою, обличая и оглашая нас всякими делы и словесы.

Святейший же Патриарх рече: яко писах, того ради, понеже Святейший Вселенский Патриарх Дионисий брат ми есть вящий и есть православный, и аще не от сих нам о всех вещех разрешение приимати, то от кого? И толико бысть словес Царскаго Величества и Вселенских Патриархов и Святешаго Никона Патриарха до zde.

Посем же ласкателие и угодницы, паче же рещи, на Святешаго Никона Патриарха клеветницы: Павел митрополит Сарской, Иларион митрополит Рязанской, Мефодий епископ Мстиславской, начаша всякия своя ложныя клеветы испущати со всяким дерзновением, и нелепыми гласы зияти, ов сие, ин иное, и вси вкупе разная кричаша, знатно убо, яко на сие и попущено быша, и по мнозем их смятении Вселенстии

Патриарси рекоша Святейшему Никону Патриарху, яко да идеши паки восвояси, во утрие же да приидеши и оную грамоту, юже ты писал еси ко Вселенскому Патриарху Дионисию, пред всеми заутра прочтем.

И тако Святейший Никон отыде на свой уготованный ему двор и певше часы по обычаю, вси же тут сущии с ним гладни быша, третий же убо день пребываху без еды; видев же сие Святейший Патриарх сжалися глаголя, да не гладною смертию скончаются, посла некоего от своих си нарочитых, иже окрест двора стражаху, к начальнейшему их сотнику глаголя, яко да идет ко благочестивому Царю о возвестит, что сам Святейший Патриарх и прочия с ним от глада истаявают, и да повелит Царское Величество дати свободу приходитьи на двор и исходитьи и потребная приносить; сотник же сия слышав и за страхом не смея итти и о сем возвестити.

Святейший же Патриарх видя сие, зело оскорбися и печален бысть, не толико о себе, елико о прочих, изыде сам на высшую храмину, и возгласи сущим окрест двора его стрегущим сотником и прочим, стражаху бо окрест яко до тысящи воинов, яко да возвестят о сем благочестивому Царю, что Патриарх Никон и прочия с ним от глада скончаваются.

Тогда некий сотник сия слышав ово умилися, ово устыдися, пойде вверх и возвести о сем начальнейшему их полковнику, той же шед возвести ближним бояром, и тако вниде в слухи о сем и самому благочестивому Царю; он же сие слышав, абие повеле отпустить с дворца своего брашна и пития на возах.

С посланным же оным приидоша ко Святейшему Патриарху с дворцов кормоваго и сытнаго подъячия два человека, и о сем возвещено бысть Святейшему Патриарху, что сии приидоша; он же повеле их представить пред себя. Они же вшедше и сотвориша поклонение и по сих ничтоже рекуще токмо вручаху Святейшему Патриарху Никону два некая писания, сиречь росписи, ово убо пищам, ово же питию присланным с ними.

Святейший Никон Патриарх сего не прият, но вопросы их глаголя: откуда и с чем приидоша? они же ничто же ино вещающе, токмо вручаху ему присланная оная писания,

приложиша же рекуще, яко послаша их к нему начальницы их, сиречь ключники.

Святейший же Патриарх сие видев и слышав рече им: возвратитесь и с присланным к пославшим вы, и рцыте: яко Никон сего не требует; писано бо есть, яко лучше есть зелие ясти с любовию, нежели телец упитанный со враждою; аз бо сего у Царя никогда же требовах и не требую, но токмо о сем просих его, яко да повелит дати нам свободу, еже бы во двор входить и из двора исходити было невозбранно, многая же и ина от Божественных писаний изрече им: и тако их отпусти с присланным со всем вспять; они же возвратишася к пославшим их и вся сия возвестиша; тии же слышавше сие возвестивше о сем Царского Величества дворецкому, он же самому благочестивому Царю.

Царь же сия слышав вельми оскорбися, паче же наивящше на гнев подвижеся, и абие иде ко Вселенским Патриархом и вся сия сбывшаяся возвести им, якобы жалуясь им. Посем уже к вечеру изыде повеление от Царя, и дана бысть свобода еже ко Святейшему Патриарху на двор приходить и исходити своим единым невозбранно, от прочих же ни единому смеюще внити кому; и тако послаша на Воскресенское подворие и оттоле вся потребная яди и пития взявше, и сотворше вечерню, и ядше насытишася, благодаряще Бога, яко еще не попусти им голодом скончаться; по времени же певше вечернее славословие и утреню по обычаю.

Во утрий же день, 3 декемвриа, то есть, в понедельник, прежнии звателie Арсений архиепископ и прочии приидоша паки, зовуще Святейшаго Патриарха на Собор; он же поиде по прежде обычному своему шествию, предыдущу пред ним честному кресту Господню, и тако прииде во царская, сотвори яко же и прежде по вхождении и в молитвословии и в поклонении.

По малех же неколицех словесех начаша читати грамоту, юже Святейший Патриарх писал есть ко Вселенскому Патриарху Дионисию; прочитаху же оную грамоту не всю порядно, но еже угодно им, что назнаменовавше прежде и читаху; прииде же слово написанное в той грамоте, яко мнозии, рече, от

благоверного Царя за Святейшаго Никона Патриарха в разныя места заточени бяху, ов там, ин инамо; из них же Афанасий митрополит Иконийской и Каппадокийской, иже прислан бысть в царствующий град Москву ко благочестивому Царю от Вселенскаго Константинопольскаго Патриарха с писанием поборствующим о Святейшем Патриархе Никоне, той убо заточен бысть за то в Симонове монастыре.

Егда же сие слово Царь услыша, восхити и рече ко Святейшему Никону Патриарху: знаеши ли ты убо сего Афанасия? он же рече, яко не знаю; тогда Царь возгласи из среды Афанасия, идеже он стояше с прочими Архиереи. Прииде же Афанасий близ Царя; тогда Царь показуя на Афанасия, рече ко Святейшему Патриарху Никону, яко сей есть Афанасий.

Видев же сего Никон Патриарх рече: благословен сей человек Богом и нами; и тако отступи Афанасий и ста на месте своем, и паки начаша читати грамоту; промежду же сими они оглагольницы: Павел, Иларион и Мефодий, яко зверие дивии обскачуще блаженнаго Никона, рыкающе и вопиюще нелепыми гласы, и безчинно всячески кричаху лающе; прочии же от Архиереов и от прочих освященнаго чина никтоже ничто не глаголюще, но вси стояху на своих местех по степеням своим, такожде и царской сигклит, бояре и вси чиновницы, на другой стране стояху по чину, ничто же вещающе.

Видев же сие Царь, яко кроме оных триех мужей никтоже ему не помоществует, тогда возопи гласом велиим с яростию сице рече: бояре, бояре, что вы молчите и ничесо не вещаете, и мене выдаете, или аз вам ненадобен?

Слышавше же сие слово вси ужасошася страхом велиим и аки на некую тризницу, или брань уготовляхуся, и из мест своих, на них же бяху стояще, мало выступающе, и яко нечто хотяху вещати, но ни от кого же не бысть ни единого слова, токмо един из них выступив боярин Князь Юрий Долгорукой; той убо угождая Царю, некая малая словеса поборствующая по Царе испусти, Святейшаго же Никона Патриарха всячески уничижи.

Видев же сие Царь, яко от всех во всем мало себе помощи обрете, вельми прискорбен бысть; рече же ему Святейший Патриарх Никон: о Царю! сих всех предстоящих тебе и

собранных на сию сонмицу, девять лет вразумлял еси и учил, и на день сий уготовлял, яко да на нас возглаголют; но се что бысть: не токмо, что глаголати умеяху, но ниже уст отверсти можаху, не вскую ли поучахуся тщетным; но аз ти, Царю, совет даю, аще повелиши сим на нас вергнути камение, то сие они вскоре сотворят, а еже оглаголати нас, аще и еще девять лет имаши учить, и тогда едва обрящеши что.

Сие же слышав Царь вельми гневом подвижесе и от ярости преклонися лицом своим на престол свой царский на мног час, и посем воста. Бе же тогда на том Соборе муж честен, именем Лазарь прозванием Баранович епископ Черниговской, сей муж благ и кроток, в научениях же философии зело изыщен; стоящу ему с прочими Архiereи на своем месте по степени, сего возгласи Царь и рече: Лазаре, что ты молчиши, и ничесо не глаголеши, и почто ты меня выдаеши в сем деле, аз бо на тя в сем деле надеяхся!

Лазарь же епископ из среды Архiereов поступив мало и благоговейно руце свои к персем приложив и главу умиленно приклонив, рече: о благочестивый Царю, како имам противу рожна прати, и како имам правду оглагольствовати, или противитися; и сия изрек, паки стал на место свое.

Царь же вельми яряшесе, не обретая себе ни откуду помощи; сего же епископа Лазаря Царь прежде пришествия Святейшаго Патриарха на Собор пригласи особо и рече: о епископе, аще ты Патриарха Никона и не знаеши и не видал, но яко слышал еси, яко человек он яр есть и нестерпим, молю же тя о сем, егда он будет призван на Собор, потщися во всем спомоществовати нам; Лазарь же отвещав рече: о Царю, аще убо какая неправда Патриарха Никона в словесех или в делех обрестися может, не имам молчати; того ради и возгласи его ныне и сия рече ему, но от него не бысть ему никакия же помощи.

Малу же часу минувшу, в размышление Царь прииде, и став у престола своего и положи руку свою на устех своих, молча на мног час, таже по сем прииде близ ко Святейшему Патриарху Никону, и прием держимую у него лествицу пребирая, рече ему тихими глаголы, яко никому же слышати, токмо близ сущим его

монахом сице: о Святейший Патриарше, что яко сотворил еси вещь сию, полагая ми зазор великий и безчествующа мя. Никон же рече: како? Царь же рече: внегда ты поехал еси из обители своя сего, тогда ты первее постився и исповедовася и елеосвящением святився, такожде и святую Литургию служил, аки бы к смерти готовяся и сие ми бысть великий зазор.

Святейший же Патриарх рече: истинно се, о Царю, яко все сотвори, ожидая от тебе на ся не токмо скорбных и томительных наведений, но и самую смерть.

Царь же клятвами утверждаяся рече: о, Святче Божий, не токмо мне мнимое тобою се глаголемое сотворити, но и мыслити не можно, за многая твоя и неисчетная к дому моему и к Царице и к чадам моим благодеяния во время смертоносных язв¹⁹, и внегда сущу ми во отшествии на брани в Смоленске и во иных сопротивных градах, тогда ты елико потщився и потрудишся еси, якоже кокош со птенцы, с ними преходя от места на иное место, ища благорастворенного воздуха от безгодных смерти; всемилостивый же Бог молитв ради твоих и толиких дел трудов дом мой весь сохрани, яко зеницу ока, и за сия ли твоя бывшая благодеяния воздати ми злая, ни, не буди ми сего ни же помыслити, и некими клятвами страшными себе заклят.

Святейший же Патриарх удерживая его рукою, тихо рече: благочестивый Царю, не возлагай на себя таковых клятв, веру же ми ими, яко имаши навести на мя вся злая, и беды и скорби от тебя готовятся нам зело люты. Прирек же к сему много от Божественных писаний, и посем рече ему: и се како послати по него, чрез правило, Архимандриты коварствоваху на него во обители и в путешествии, и како лжесоставными их речи быша явны и обличены во лжесловесии. Рече же Царь паки к Святейшему Патриарху: но и се ми от тебя бысть великий зазор, яко писах еси ты ко Вселенскому Патриарху Дионисию, всячески укоряя нас.

Святейший же Никон Патриарх рече ему: не аз, о Царю! зазор вам таковыя нанесох, но ты сам вящше, вся сии на себя нанесл еси, аз убо писах к брату своему Господину Дионисию духовне и тайне, ты же вси твоя деяния обличил еси, не токмо

твоея державы сущим всем, но и от конец земли собранным тобою, многим сия вси явил еси: сего ради твое на тя обличение вящше бысть, нежели от мене, единому токмо, ему же и достоин сие ведати возвешенное.

Паки же рече Царь ко Святейшему Патриарху глаголы мирны, во еже бы им средостение вражды разрушити; он же рече: добро и блаженно, Царю, дело избрал еси, аще совершиши его, но ведый буди, яко не имать от тебе се совершиться, зане гнев ярости твоея начатый на нас хочет конец прияти. Сия же глаголы друг ко другу тако изрекше, разыдошася паки.

Грамоту же ону читаху, в словесех же тех, их же сами к себе глаголаху, рече Святейший Патриарх к благочестивому Царю: и се убо, о Царю, кая твоя правда, егда ми ныне шествующе в царствующий сей град, и по нашему ведению предыде пред нами иподиакон Иоанн, нарицаемый Шушерин, несый святой и животворящий крест Господень, и яко той Иоанн воспитан есть при ногу нашу; и егда нам приближившимся ко уготованному от тебе нам двору, тогда повелением твоим той Иоанн ят бысть от воин немилостивно, токмо един крест святой, едва успехом от воинских рук восхитити; оный же Иоанн жив ли или повелением твоим умучен, того не вемы.

Царь же ино отвещав не ведати, токмо, изрече, яко детина оный с крестом ехал есть назади, а не напреди, и иныя же вины, кроме сего, но изрече; слышав же сие стояй тамо со крестом монах Марко, рече к себе единому, яко сие дело, о благочестивый Царю, солгано есть.

Царь же услышав сие ярим лицом на онаго монаха воззре, и со гневом рече сие: чернче, кто есть тебя спрашивая, и кто ти повеле вещати? Оный же монах от онаго страшнаго царева ответа зело ужасеся, понеже млад быше, и мняше, яко абие имать восхищен быти от среде Собора; посем же оному монаху стоящу с честным крестом посуплену сущу, ово от страха царскаго, ово размышляюще вся сия содевающаяся.

И абие архидиакон Вселенских Патриархов именем Анастасий, стояй при креслах Вселенских Патриархов, той став пред Царем и пред Вселенскими Патриархи прямо, сотвори

трикратное поклонение святым иконам, посем Царю и Вселенским Патриархом; таже приходит ко оному монаху Марку держащему святой крест. Он же восклонися видя архидиакона отъемлюща из рук его святой крест, возопи гласом ко Святейшему Патриарху сице: Святейший Патриарше! оружие наше отъемлют от нас, бе бо ему в той час обратившуся на страну к царскому сигклиту и глаголение творящу. Он же обратися и виде, яко святой крест отъемлют, рече: воля Господня да будет, аще творят, но аще и ризу последнюю поволят отъяти, или ино что и вящше сотворити, не имамы о сем извета, но вся сия с радостию терпим, терпяще во имя Господне. Многа же и ина от Божественнаго писания прилично сему изрече; и тако блаженный Никон повеле крест отдати. Архидиакон же взял крест, став с ним посреде двою жезлов Вселенских Патриархов, держимых ошуию страну мест их; егда же оную грамоту писанную от Святейшаго Патриарха Никона ко Вселенскому Патриарху Дионисию на Соборе прочтоша, тогда рекоша блаженному Никону, яко да идет паки на уготованный ему двор, и тако Святейший Патриарх Никон из полаты тоя дзыде, повелением же Царскаго Величества проводиша его даже до онаго двора со свещами, бе бо уже нощи час третий прииде.

Сущу же ему в дому рече пребывающим с ним глаголя: чадца моя, слышасте ли в мимошедших оных часех на оном Соборе царевы оныя глаголы, иже изрече с клятвою, яко ни единого нам зла сотворити, се узрети имате, что хочет от него нам содеятися, уготовляются бо от него на нас великия скорби и нестерпимыя туги; и тако Святейшему Никону пребывающу на том дворе, от онаго дне даже до 12 числа декемврия.

Грамоту же оную посланную от Святейшаго Никона ко Вселенскому Патриарху Дионисию, еже читаху на Соборе, писал ю есть греческим писмены обитаый некто во обители святаго Воскресения от греческих стран грек, именем Димитрий. Той убо Димитрий прииде тогда от обители Воскресения со блаженным Никоном в царствующий град Москву, и пребываше на оном дворе и хождаше, аможе хотяше всюду с двора без всякаго страха.

Некогда же отшедшу ему от двора, присла благочестивый Царь ко Святейшему Патриарху с наречием некоего дьяка глаголя, яко да онаго грека Димитрия предаст им в руке по повелению Цареву. Святейший Патриарх отвеща, яко человек сей до зде с нами из обители прииде, но ныне он не обретается зде; они же рекоша: аще где обрящам его, то убо по повелению Царскаго Величества да возмем; Патриарх же рече: аще бы были подручны нам, волю бо нашу творили есте, ныне же что хотите творите, и тако отыдоша. Димитрию же оному греку не ведущу случится хотяща то, и ходящу ему во граде на некоем месте, в тех же часех абие воины восхищен бысть, и веден ими близ царева дому в некоторые полаты, яже нарицахуся Набережные; и тамо бывшу ему, на некоем месте страха ради царева, взял нож, ударив себе и тако испусти дух.

В те же дни Царское Величество и Вселенския Патриархи и вси Архиереи советующе и сочиняюще всяко, о еже како бы им учинити Святейшему Никону Патриарху извержение, и камо его отослати в заточение.

Декемврия же во 12 день заутро рано паки приидоша ко Святейшему Патриарху оныя же звателие, зовуще его паки на Собор. Собор же оный уготован быше уже не в царских полатах, но во обители святого Алексия митрополита Московскаго, яже именуется Чудов; тоя обители на вратах в церкви Пресвятыя Богородицы Благовещения; близ же тоя церкви в притворе обитаху и Вселенстии Патриархи; в той убо церкви собращася.

Оныя же Вселенстии Патриархи и вси Архиереи и от священнаго чина Архимандриты и Игумены сущии вси во священныя одежды облачени быша, Архиереи же убо во амофорех, прочии же по чину, Афанасий же митрополит Иконийский, о нем же предпомянухом, той омофора на ся не возложи, но просто стоя смотряше на содеваемоеся дело их.

Бысть же некто от Архиереев Российских Вологоцкой архиепископ Симон, иже имеяше многую любовь ко блаженному Никону, сей не восхоте на оный последний Собор приити и не иде; тогда послаша по него, яко да приидет, как и прочии; он же притворися, что скорбен и возлеже на одре, положи бо себе во ум, яко да не сообщник будет неправедному изгнанию

блаженного Никона. Пославши же приидоша и возвестиша глаголюще, яко той Симон болезнует и лежит на одре; они же рекоша: аще убо и не может приити, то да принесут его; и абие послаша по него, и привезше его к церкви оной в санях; в церковь же внесоша на ковре и положиша его в церкви во едином углу; той же пребываше лежа, смотряше вся содевающаяся от них и печалуя и слезя о лишении такового пастыря.

Егда же о изгнании блаженного Никона по свитку извержения его Царь и Вселенстии Патриархи и Архиеереи и вси сущии Собора того руками своима свидетельство подписываху, сей же Симон не восхоте сего сотворити, ведая неповинность Святейшаго Никона Патриарха; обаче же принужден баше и нуждею и отрещися того никакоже можаше, сотвори сице: взял убо написанный той свиток уже многих Архиеерев имеющ руки подписания, и написа на нем подписание таковое: аще убо истина, буди тако; аще ли же несть истины, ни аз утверждаю; в среди же сего своего подписания четвероконечный крест начертав. Сие же видевше сонмонахальницы, и вси зело на него негодующе яко не по хотении их сотворша сие; обаче же в те дни ничтоже содеявше ему, последи же за сие великую беду претерпе.

Позвану убо бывшу, якоже рекохом, Святейшему Никону Патриарху на Собор, и вшедшу ему во оную церковь, сотвори по обычаю святым иконам поклонение и прочим по обыкновению, став посреде церкви; бе же там тогда и царева сигклита бояре: Князь Никита Одоевской, Князь Григорий Черкасской, Князь Юрий Долгоруков и инии мнози чиновницы; тогда начата читати гречески сложенное от них извержение на блаженного Никона. Егда же прочтоша греческим языком, абие начат тоже извержение читати славянским языком Иларион архиепископ Рязанской; слышав же то их несправедное извержение Святейший Никон, яко быша вины его написаны вся ложь и клевета, возбрани некую речь, яко рече несправедне писано. Той же Иларион слышав от него се, начат лаяти его и испущая всякия злоковарственныя своя словеса, нарицаю его убийцею, блудником и хищником, и иными всякими безчестными

словесы. Слышав же Святейший Никон поношение и укоризну от него, глаголаше ему: чадо! благодать во устну твою, и иная многая от Божественнаго писания изрече ему, бе бо сей Иларион рукоположен Святейшим Никоном Патриархом.

Егда же прочтено бысть извержение оно, тогда Вселенстии Патриархи снидоша со своих мест, и приидоша пред Царския двери суще во омофорех, и прочетше некия молитвы краткия, посем обращшеся приступиша ко Святейшему Никону, показующе рукою своею и глаголюще чрез толмача повелевающе ему сняти с себя клобук; бысть же на главе Святейшаго Никона Патриарха клобук черный, на нем же изображен баше Честный и Животворящий Крест, драгоценным жемчугом.

Вопроси же Святейший Патриарх: чесо ради повелевают ему сняти клобук? они же рекоша, понеже Собор сей осуди тя и дела твоя обличиша тя, сего ради и не подобает ти нарицатися Патриархом, зане ты сам собою и гордостию своею оставил еси паству твою самовольне с клятвою. Никон же отвещав рече: аще и Собор сей осуди нас неправедне, аще и дела наша не бывшая обличиша нас, или паству свою оставих, но сего не оставляю²⁰, еже бы ми самому сняти с себя клобук, понеже клятвами себе утвердих в восприятии священно-монашескаго образа, яко сохранить ми сей, даже до исхода души моя; а еже вы хотите, то творите, видех бо вас, яко вы зде пришельцы есте, приидосте бо из далечайших стран и от конец земли; не яко ино что благо содеяти, или мир сотворити, но яко пребывающе в турецком порабощении и скитающиеся по всей земли; яко сущии просителие, да не токмо что себе потребная обрящете, но и да обладавшему вами дань воздадите. Приложи же Святейший Патриарх Никон и сие: вопрошаю вас и о сем: откуда вы сия законы, или каноны взяли есте, яко тако дерзновенно творите? аще бо был бы и повинен я и осуждению достоин, чесо ради сие тайно творите? якоже татие приведосте бо меня в сию церковицу в монастыре сущу, в ней же не обретается Царское Величество и весь его царской сигклит, такожде и всенародное множество Российския земли; или аз по благодати Святаго Духа паству свою, или пастырский жезл в

сей церквице восприял, но веру ми имите, яко сия церковица создася уже прежде сего от нашего смирения.

Мы же избранием Пресвятаго Духа, желанием же и тщанием и прилежным слезным прошением и молением благочестивейшаго Государя Царя и Великаго Князя Алексия Михайловича всея великия и малыя и белыя России самодержца, и его страшных и нестерпимых клятв, засвидетельствованных самим Богом, восприяхом Патриаршество во святей соборней и апостольстей церкви пред всенародным множеством, ни желанием, ни тщанием, ни снисканием коего любо образа, и аще ныне желание вам бысть, еже неправедне нас осудити и извреши, да идем во святую Божию церковь, в нейже восприяхом пастырский жезл, и аще обрящуся достоин вашего намерения, то буди вема якоже годе, и еже хотите, то тамо и творите.

Слышавще же сия Вселенстии Патриархи рекоша: аще тамо, аще zde, все едино, советом благочестиваго Царя и всех Архиепиеов собранных дело совершается; а еже Царское Величество zde не обретається, то бысть по воле его.

И абие Вселенстии Патриархи сняша со блаженнаго Никона прежде помянутый клобук с жемчужным крестом, таже сняша с него и панагию, обретшуюся на нем сребряну суцу и позлащену, имеющую и камение дражайшее. Тогда блаженный Никон рече: се яко пришельцы и невольницы, сия себе разделите в потребу и отраду о всех скорбных бывающих вам на некое время обрящете.

Они же слышавше сия, взяша обоя клобук и панагию, и вручиша стоящему тут при Святейшем Патриархе Никоне монаху Марку; на блаженнаго же Никона положиша простой клобук иной, снемше с некоего тут стоящаго монаха гречанина, мантии же архиерейская и посоха у блаженнаго Никона не взяша тут, страха рада всенароднаго.

Посем же рекоша блаженному Никону велегласно, яко кому да не имать нарицатися Патриархом, и во своем созданном монастыре Воскресения Христова да не обитает, но да идет на место покаяния, в монастырь приуготовленный ему

сущь, именуемый Ферапонтов в Белозерских пределах; и тако его отпустиша, он же изыде.

Егда же хотяше сести в сани свои, воздохнув рече к себе: о Никоне! се тебе бысть сего ради, не говори правды, не теряй дружбы; аще бы уготовлял трапезы драгоценныя, и с ними вечерял, не бы тебе сия приключишася; и тако сяде и поиде паки во двор; послаша же его с Собору проводить во двор, и быти у него в приставех на дворе преждепомянутым архимандритом Павлу и Сергию, от них же убо Павел бяше муж смирен и кроток, Сергей же муж бяше горд, якоже древний фарисей²¹ и велеречив. Егда же блаженному Никону едущу с Собора путем и глаголющу некая словеса со своими ему сущими, окрест его идущими, Павел же и Сергей последоваша тамо же создади.

Егда же Святейший Патриарх что глаголаше, тогда оный Сергей создади вопияше: молчи, молчи, Никоне! ругаяся бо ему сия глаголя, и уже се бысть ни единожды, ни дважды, но и многажды. Единою же паки нечто изрече Святейший Патриарх своим, той же ругаяся ему рече: молчи Никоне! Сие же слышав блаженный Никон, повеле эконому своему обретающемуся создади, рещи ему сице: аще имаши область, то иди и загради уста во еже не глаголати. Эконом же Феодосий обращся к Сергию рече: Святейший Патриарх указал тебе сказати: аще имаши власть, то иди и загради ему уста, да не глаголет; ею же слышав Сергей возопи на эконома зверски сице глаголя: что убо ты чернец чернеца нарицаешь Патриархом, се уже несть Патриарх, но един от простых монах.

Егда же сие слово оный Сергей изрыгне, тогда от последующаго народа возопи некто велиим гласом, глаголя: како дерзаеши сице звати неправедно, понеже убо то именована Патриаршеское свыше ему дано бысть, а не от тебя гордаго.

Слышав же Сергей возгласи последующим тут воином, да имут изрекшаго сие; тии же отвещаша, яко уже восхищен бысть и поведен; бяше бо последствующе блаженному Никону множество воинов, боящиеся народного возмущения; видеж же

эконом Феодосий возвести о сем блаженному Никону, яко тако рече и тако бысть.

Святейший же Патриарх рече: блажени изгнани правды ради, яко тех есть Царство Небесное; и тако пришедшим во двор, блаженный Никон сяде почитати святыя книги, во утешение всех приключившихся сих, любяще бо и читаше паче всех книг «Толкование святого Иоанна Златоуста на Послание Павла апостола».

Вскочив же к нему во внутреннюю келию нагло оный Сергей, и сяде противу ему дерзновенно, сняв с себя и камилавку, являя свое безстудство, и нача глаголати блаженному Никону некия глаголы, якобы во утешение, но все ругаяся ему и посмехаяся.

Святейший же Патриарх рече: Сергие, кто ти повеле семо безстудно внити и стужати нам? он же рече: яко Царское Величество и Святейшия Вселенстии Патриархи и весь освященный Собор; он же рече: аще и тако есть сие, но обаче престани лая нас, яко на сие попущенный пес; он же наипаче простираше своя досадительная словеса с гордостью.

Блаженный же Никон Патриарх прочее даде себя молчанию, токмо едино сие изрече ему пророчески: Сергие, Сергие! вижду, яко угождаеши Царю и прочим желая и требуя восхитити мой престол, истинну ти реку, яко еже аще имаши, помале безчестне и сего лишен будеши, еже убо вскоре, по проречению блаженнаго Никона, и сбытся; помале бо извержен бысть безчестно из сея архимандритии, и живяше во граде Ярославле в Толгском монастыре в простых чернецах.

Егда же прииде вечернее славословие и приснословляху вся, яко и во обители, на ектениях же поминаху Святейшаго Патриарха Никона, по обычаю; сие слышав оный гордый Сергей, паки воскрича, запрещаю сего не глаголати, и рече: что сие творите, яко проста монаха Патриархом именуете. Иерей же и прочии вси сие его прещение ни во что же вменяху.

Наставши же нощи, той убо Сергей взял свечи возженные, пойде во внутренния келии, идеже пребываше Святейший Патриарх, тако ж и в сени тыя, и на крыльца, везде осматривая и глаголя: чтобы убо еще Никон не ушел; тоя же нощи вне уду

Кремля в Китае городе, на Земском дворе, идеже обиташе Святейший Патриарх, а определения имеюще токмо стену едину, ту творяху повелением царским, подобно и во иныя мало не во вся нощи, великия разныя пытки, чрез всю ночь, якобы ругающиеся ему.

В тыя же дни, такожде и в ночь, творяху неким великия пытки; принесся же слово, аки бы мучат онаго Иоанна Шушерина, но сие инако бысть; егда бо сего Иоанна восхитиша и ведоша его пред Царя и отдаша его за стражу.

Афанасия же митрополита по неких временех сослаша во изгнание в монастырь преподобнаго Макария на желтых водах, суща на Волге, тамо бо и живот свой сконча во изгнании; не токмо же сии едины тако пострадавшие, но инии мнози соболезнующии блаженному Никону, муками и узами и темничным заточением удручена быша; но сие ныне оставим за множеством.

По утреннем же славословии зело рано прииде от Царя окольничей Иродион Стрешнев, принес же от Царя денег серебряных и от одежд различных собольих, и лисьих, и иных немало, глаголя: яко Царское Величество повелех ти сие вруčiti, понеже шествуеши в путь далекий. Он же сие слышав и принесенное виде, рече: возвратите сие вся к пославшему вы, Никон бо сего не требует; многа же изрече блаженный Никон от Божественных писаний приличная к сему словеса. Он же Иродион со всяким усердием моля его то прияти, дабы, рече, Царское Величество паче на гнев не подвигнути, бе бо той Иродион муж правдивый, в словесех зело искусен; он же нимало о сем радяше и присланнаго не принимаше.

Посем той Иродион со всяким благоговением и тихостию приступи ко блаженному Никону и рече: благочестивый Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всея великия и малыя и белыя России самодержец повеле ми у тебя себе и Царице и всему своему дому испросити благословение. Он же сие слышав рече: аще бы убо благоверный Царь желал от нас благословения, не бы убо нам такая немилости явил; но сие мощно разумети, яко не восхоте благословения, еже и удалится от него, и ина много изрече от Божественных писаний, подобне

сему. Много же о сем той Иродион моли и проси Святейшаго Никона, но ничтоже успе; сотвори же поклонение, возвратися к Царскому Величеству и поведи ему вся бывшая, яко блаженный Никон присланнаго ничего не прият, и благословения не даде. Зело ж печален бысть Царь клятвы ради и неблагослония; но свое намерение о нем вскоре повеле исполнити.

По отшествии убо онаго Иродиона, абие прииде от Царя солдатских полков начальник Аггей Шепелев, и рече блаженному Никону, яко Царское Величество повелевает тебе итти на уготованное тебе место, еже есть в Ферапонтов монастырь, без всякаго закоснения; нам же по его, Царскаго Величества, указу велено тебе до онаго места проводить со всяким хранением. Он же отвеща рече: яко готов есмь, и что ти повелено и еже хочещи твори. Вопросы же его Аггей, яко имать ли мски, на чем ему итти? Святейший же Патриарх отвеща, яко не имам, тогда отыде той Аггей от блаженнаго Никона.

Посем же приидоша от Вселенских Патриархов и от всего Собора нецыи ко блаженному Никону глаголюще: прислаша убо нас к тебе Свяйшие Вселенстии Патриархи и весь освященный Собор, яко клобук и панагию, яже вчера от тебе бысть взята, и сущему с тобою стоящу монаху отдано, се паки повелеша взять от тебе и принести пред себе; Святейший же Патриарх обоя повеле отдати без всякаго закоснения и рече: воля Господня да будет; и тако тии вземше отыдоша.

Посем же предпомянутый полковник Аггей вскоре прииде, ведый с собою кони и мски и впрягше с великою скоростью, посадиша блаженнаго Никона в его сани, в них же прежде из обители прииде; народи же Московскаго Государства слышавше сия, начаху собиратися в Кремль, яко да видят пастыря своего неправедное отгнание от овец паствы своея.

Сие же вниде во уши Царевы, яко рече, народи собираются в Кремль, тогда умыслиша сие: приидоша убо мнози от воин не яко с яростию или отгнанием, но с тихостию глаголаху народу, яко рече, Никон Патриарх поедет из Кремля во Спасския ворота и по Сретенской стогне града. Народи же слышавше сия поидоша из Кремля во град Китай, ожидавше тамо его.

Егда же видевше воины, яко народи из Кремля вне изыдоша, тогда абие с великою борзостію повезоша блаженнаго Никона из Кремля на Каменной мост и оттоле в Арбацкия ворота, именуемая Смоленския, даже и за самый земляный град; провождающе же его из града царевым повелением полковников стрелецких четверо, имеющие с собою 200 стрельцов; сущи же со блаженным Никоном от священномонахов и монахов, иже восхотеша с ним итти, також и иныя от мирских мнозии, провождающе его из града со слезами и с воплем велиим; тех убо всех оныя воины окруживше окрест, и уже в средину ту, никому же даяху внити; и тако полковники и воины проводивше его за земляной город и поклоншеся ему возвратишася во град. Со блаженным же Никоном поиде в приставниках преждепомянутый Аггей Шепелев, имея при себе воинов пятьдесят.

Егда же Святейший Патриарх шествіе творяше по земляному граду даже до Дмитровских врат, и до слободы, еже нарицается Сущева; внутри же землянаго града уготовано быше стрельцов тысяща едина, со всяким оружием наготове, и со огнем, иже нарицаются фитили горящія; а внегда убо идяше Святейший Патриарх позади града, они же противу его внутри града идяху со всяким строїством; и егда блаженному Никону пришедшу до Сущевы слободы, и повезоша его от града по пути по Дмитровской дороге, тогда и тии воины шедше внутрь града отступиша; монаси же и мирстїи проводивше Святейшаго Патриарха даже и за Сущеву слободу с великим воплем и рыданием; он же утешая их, изрече много им от Божественнаго писания, и ту бдагослови их, предав всех благодати Божіей.

И тако приставницы повезоша блаженнаго Никона с великою борзостію; тии же во след его умильно взирающе и жалящися, яко лишившеся своего пастыря, возвратишася во град с велиим плачем; уведаша же се и во граде, яко блаженный Никон уже из града увезен бысть, вельми бяху скорбяще по своем отце и пастыре.

Шествующу же блаженному Никону во изгнание по Дмитровскому пути, предупомянутому же оному приставнику Аггею Шепелеву и солдатом предъидущим пред ним, с ним же

Спаса Новаго монастыря архимандритом именем Иосиф, с великим поспешением и со опасным хранением, никому же дающе, или на встречу идущу, или близ подступити, или кому по прилучаю наехати, или кому найти.

И тако Святейшему Никону идущу по пути, с таковым великим трудом и утеснением; в пищи же терпеливый тот Никон, аще и отраду имяше, но обаче сам убо и сущии с ним велию скорбь и тугу имяше, оскорбляеми от зимы, не обретшихся ради одежд зимних ему же и сущим с ним.

Дошедшим же им до реки до Клязьмы от града Москвы 28 поприщ, тамо удержаша, и стояхом на оном месте два дни.

И посем по указу Царскаго Величества прислан бысть во след его в приставники ж на перемену Спасскому архимандриту Иосифу из Нижняго Печерскаго монастыря архимандрит тем же именем Иосиф; Новоспасский же архимандрит Иосиф, егда видя многострадальнаго Никона от зимы согнетаема, умилился и подаде ему от своего имения теплую одежду, глаголемую шубу и треух, такожде и от пищи немало; а сам по указу оному возвратися к Москве. За сие убо его архимандрита Иосифа Святейшему Никону подаяние, яко мню, воздаде ему Господь Бог на сем же свете сторицею, и удостои его по седми летех времени сего бытия Преосвященным митрополитом Рязанским и Муромским, и по скончании Святейшаго Никона, в тоже лето, яко сослужебник его преставися к Богу; и о сем убо до zde, подлежащаго же да имемся словесе.

Прочии же, иже со блаженным Никоном, вельми оскорбляеми быша от зимня стужи и от мразов.

Во едину же от ночей, ехавшим им с великою борзостию, бяху бо у Святейшаго Никона впряжени кони парены конюшни, и от борзости шествия навалиша блаженнаго Никона к некоему древу, и главу его ко оному древу приторгше, и едва особь не отторгше, и от того убо ударения Святейший Патриарх прият немалую язву.

Егда же приближающимся им ко граду Угличу, возжалеся блаженный Никон о сущих с ним, и посла прежде себе во оный град, яко да купят сущим учеником его с ним одеяния теплая. Уведев же сие оный приставник Аггей, возбрани сия сотворити

посланным с великим прещением; и егда убо приближающимся им ко граду, уведавше граждане пришествие Святейшаго Никона, приуготовльшеся и изыдоша во сретение его носяще потребная. Видев же сие оный приставник Аггей, повеле всех немилостивно отгнати, многим же и раны многие наложше; и тако град мимо прогнавше с великою борзостию, никому же дающе близ приити. Пять на десять же поприщ отъехавше от града того в некую весь, в той убо веси во оный день по прилучаю бяше торг; приставник же посла тамо прежде себе, и повелением его всех отгнаша, с великим прещением: и тако дошедшим им до Мологи, и в них же убо селех или деревнях по прилучаю обнощевати, или скот кормити, то убо приставник той посылалше наперед в те дворы, в них же ему стояти, очищаху и всех сущих из дому изгоняху.

Во едину же от ночей в некоей веси, по обычаю стоящим и домашним всем отгнанным бывшим, жена некая престаревшая многими леты, ея же бяше и дом той, в том доме утаившися, от всех скрыся в сокровенное место, сиречь в подполье; егда же заимщики оные отыдоша, блаженному же Никону во двор оный пришедшу, жена же она седяше в сокровенном месте. Всем же убо отшедшим и оставльшуся единому Святейшему Никону с малыми своими ученики, и уразуме она вдовица, яко вси отыдоша, абие изыде из сокровеннаго места, вопрошая прилучавшихся тут: который убо есть блаженный Никон? показавше же оной того, она же со слезами припадше и с великим воплем умильныя гласы испущаше глаголя: камо идеши пастырю словесных овец, остави овцы своя в расхищение? и иныя к нему умильныя глаголы изрече; сказаше и сие, яко вчера пребывшу ми в доме моем, явился ми во сне муж некий благообразен, и рече: жено, се раб Мой Никон Патриарх послан и идет в заточение в великом утеснении и скудости, ты же елико можеш в потребных ему помози; и сия она жена изрече, заклиная себе клятвами, яко воистину тако бысть; и тако вручи Святейшему Никону денег сребренных двадцать рублей, к сему же и одеяний теплых, и егда же заутра рано в путь поидоша, жена же она много плакася, и паки

скрыся в тайное место дондеже отыдоша; и тако дошедшим им до слободы, юже нарицают Молога, и тут убо ночевавше.

Близ же бяше оныя Мологи монастырь Святейшаго Никона Патриарха приписной, иже нарицается Афанасиевской; приставник же оный от зельности лютыя не сотвори того, во еже бы блаженному Никону во онем ему своем монастыре обитати.

Во утрий же паки в путь пошедше, мимо самого онаго монастыря и святых врат; оныя же обители строитель именем Сергей Прокопиев, ученик блаженного Никона, изыде во сретение Святейшему Никону со всеми тамо обитающими. Той же немилостивый приставник всех отгна с великим прещением и яростию, и тако им прогнавшим мимо той монастырь с великою борзостию, и бывшим им близ Шексны реки; в нощи же гнавшим им також с великою скоростью, по некоему ж случаю или нарочно, Бог весть, наехавшим оным повозником на некое древо зело острое против торчащее, и толико скоро нагнавше, яко оныя сани, в них же бяше Святейший Патриарх Никон, пронзе сквозь, також посланья в них войлоки, даже и до тела блаженного Никона; и тако уязви его то древо, яко еле жива его остави, сотвори же ему язву великую; и оно торчащее древо от прытости преломися. Стояй же на ухабе у саней человеколюбие показуяй ко Святейшему Никону, взят то преломившееся древо некоему же ведущу, и положи е в сани оныя сокровенно, и тако путешествующим им даже до уреченнаго места, еже есть Ферапонтова монастыря.

Не дошедшим же им еще места того, оный приставник посла наперед вестника в монастырь ко игумену Афанасию и братии глаголюще, яко по указу Царскаго Величества везем к вам Никона монаха, и да уготовите келии, идеже ему обитати. Они же сия слышавше ужасошася, видяще тех присланных предвестников напрасно во оружии вшедших во обитель.

Прежде же пришествия блаженного Никона во оную обитель не за многое время бяше у них огненное запаление и монастырь оный весь позжен бысть, токмо осташася у них две келии болничныя; и егда привезоша блаженного Никона в монастырь еще до разсветания, и изыде ему во сретение на монастыре токмо един игумен, от братии же и от иных никтоже, тако бо

повелено бысть от приставника онаго; и тако вшедшу ему во оныя уготованныя больничныя келии смрадныя и закоптелыя, еже и изрещи неудобно.

Святейший же Никон видя себя в таком озлоблении, о всем благодаряше Бога, утешая себя святым Писанием, скорбь же велию имеяше от оныя раны, иже ему на пути содеяся.

Во утрий же день приидоша предпомянутый приставник Аггей и архимандрит Печерской Иосиф и тоя обители игумен и келарь, и повелеша о своем приходе возвестити блаженному Никону, яко приидоша, рече, по указу Царскаго Величества, о неких делех сказати.

Святейший же Никон от оныя скорби изнемогая и возвести им яко немощно ему, рече, с ними видитися, и повеле спросити я: коего дела ради пришли суть? Они же воздаша ему наречие, яко да идет в церковь некоего ради царскаго дела. Он же паки отречесе, яко не могу, и повеле взять у них ведомость, чесо ради и с каковым повелением приидосте. Они же рекоша, яко по указу Царскаго Величества, и по благословению Святейших Вселенских Патриархов и всего освященного Собора, велено у него, Никона монаха, взять мантию архиерейскую и посох.

Слышав же блаженный Никон, ни мало о сем усумнися, но абие повеле им просимое отдать; много же изрече от Божественнаго писания приличное сему. Оный же архимандрит Иосиф, присланный с ним, взявше сия и отвезоша обое, глаголю, мантию и посох к Москве.

Пища же блаженного Никона бяше тоя обители, ею же братия питахуся, аще бо и по указу Царскаго Величества велено оному приставнику пищу приуготовляти из царских сокровищ; блаженный же Никон сего никогда же никакоже восхоте; приставник же оный Аггей вельми о сем печашеся и моляше его, яко да примет пищу себе от милости Царскаго Величества, он же нимало восхоте глаголя: аще и умрети, но не сотворю сего, и тако оному приставнику пребывающу месяц или вящше.

Блаженный же Никон изнемогая бяше от такового великаго озлобления и заточения, написа же и писание мало в Воскресенской монастырь строителю старцу Сергию, яко да упросят благочестивейшаго Царя, дабы благочестивый Царь

повелел по смерти его погребстися телу его во своем строении в Воскресенском монастыре в церкви Предтечеве под Святою Голгофою, еже и сбытся последи, по пятнадцати летех по его прошение, о нем же ниже написася.

Посем убо по указу Царскаго Величества прислан бысть с Москвы на перемену оному приставнику дворянин некий Стефан Лаврентьев сын Наумов; от духовнаго же чина бывали Новоспасской архимандрит Иосиф; той убо Стефан зело бысть лют и немилостив во всем ко блаженному Никону; келии бо, в них же пребываше блаженный Никон, абие повеле окна все заклепати железными решетками накрепко; спереди же оставиша токмо двери едины, и тут приставиша стражу тверду: и тако стрежаху у дверей и окрест келии с великою твердостью, и никому же даяху, да кто мимоидет и не токмо мимо келии, но и близ монастыря никаго не пропускаху, и дорога убо большая, яже прежде бяше мимо самыя монастырския ограды, и тую дорогу с того места преложше на ино место.

Блаженному же Никону живущу в таковом озлоблении и утеснении, яко сам дрова ношаше и по воду на озеро хождаше, и потребныя пищи на всех с ним сущих, сам всегда строяше, и труждаяся непрестанно; и о всем о сем никогда же поропта, но все благодаря Бога творяше, в церковь убо хождаше во особую, яже на вратех, и служажу в ней при нем священницы, иже суть с ним приехали из монастыря Воскресенскаго, на ектениях же поминающе его Святейшаго Патриарха Никона; егда же ему или иным учеником его, когда хотящим внити в церковь, тогда все хождаху за караулы крепкими; и тако ему дни своя препровождающе во всяком злострадании благодаря Бога и моля о всех зло ему творящих, глаголя: Господи, не постави им во грех сего.

Приставнику же оному Стефану некогда пришедшу ко блаженному Никону, нача его молити с великим прошением, яко да подаст он прощение и благословение Царскому Величеству и всему его Царскому дому.

Слышав же сия блаженный Никон рече: сие ты глаголеши нам Стефане и молиши нас о сем прилежно, яко дати нам Царскому Величеству и всему дому его с прощением

благословение; повеждь ми, кто ты сему научи и коея ради ты вины твориши сия? Он же с клятвою рече, яко мне с Москвы писано о сем, и повелено мне о сем ты прилежно молити; блаженный же Никон рече: аще убо сия тако суть, аще не лукаво, аще же тако благочестивый Царь престанет гневаться на нас туне и мучити нас, то се просимое тобою исполнится; и восписа Святейший Патриарх к благочестивейшему Царю писание, сиев образ имущее:

Послание Святейшаго Никона Патриарха
к благочестивому Царю:

Великому Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея великия и малыя и белыя России самодержцу, и его благоверной Царице и Великой Княгине Марии Ильиничне и благородным чадом: благородному Царевичу и Великому Князю Алексею Алексиевичу; благородному Царевичу и Великому Князю Феодору Алексиевичу; благородному Царевичу и Великому Князю Симеону Алексиевичу; благородному Царевичу и Великому Князю Иоаану Алексиевичу; благородной Царевне и Великой Княжне Ирине Михайловне; благородной Царевне и Великой Княжне Анне Михайловне; благородной Царевне и Великой Княжне Татиане Михайловне; благородной Царевне и Великой Княжне Евдокии Алексиевне; благородной Царевне и Великой Княжне Марии Алексиевне; благородной Царевне и Великой Княжне Софии Алексиевне; благородной Царевне и Великой Княжне Екатерине Алексиевне; благородной Царевне и Великой Княжне Феодосии Алексиевне

Богомолец ваш смиренный Никон милостию Божиею Патриарх, Бога моля челом бью.

В нынешнем в 176-м (1667 г.) году сентября в 7 день приходил ко мне богомольцу вашему Стефан Наумов и говорил мне вашим государским словом, что поведано ему по вашему государскому указу, с великим прошением молити и просити о умирении, чтобы я, богомолец ваш, тебе, Великому Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея великия и малыя и белыя России самодержцу, подал благословение и прощение; а ты Государь богомольца своего милостию своею по

своему государскому рассмотрению пожалуешь; и я смиренный тебя, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексия Михайловича, и благочестивую Государыню Царицу и Великую Княгиню Марию Ильиничну, и благородных Царевичей и благородных Царевен благословляю и прощаю, а когда я, Богомолец ваш, ваши государския очи увижу, и тогда я вам, Государем, со святым молитвословием наипаче прощу и разрешу, якоже Божественное святое Евангелие показывает о Господе нашем Иисусе Христе, и деяние святых Апостол, всюду с возложением рук прощение и цельбы творили.

Смиренный Никон, милостию Божиею Патриарх, засвидетельствую страхом Божиим и подписал своею рукою.

Я Стефан Наумов, по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексия Михайловича его Великаго Государя милость сказывал, и о умирении и о благословении со упрощением молил и просил и к сему списку руку приложил.

Прием же сие писание оный приставник Стефан, посла с великою борзостию к царствующему граду; Царь же приим оное писание²², по времени же некоем посла ко блаженному Никону стряпчаго Иоанна Образцова и с ним от своего царския казны денег на милостыню 1000 рублей; також повелением царским иже закованныя были у келии окна и двери, то повеле отковать; на сотворшаго же сие на онаго пристава притворством, аки бы гнев возложше, яко самовольством сие он учинил, без повеления Царева; повеле же и келии новыя учинити; сотворив же блаженному Никону не малу²³ ослабу и иже с ним сущим хождение, и в келии к нему приходити с повеления пристава.

И тако блаженному пребывающу во утеснении велицем: пищи же и пития, яже по повелению Цареву присылаху к нему с Москвы, того не принимаше и не вкушая, труждаяся бо сам, употребив орудие свое, чем рыбы ловити, и от того удовольствовавшие не токмо себе, но и сущих обители тоя игумена с братиями, и прочими трудниками, на каждый бо день довольство рыб имейше.

Во времени же некоем приспевшей недели Сырной, присла Царь ко блаженному Никону разных рыб свежих белуг, осетров и иных не мало, також и пития красного рейнского, романей,

церковного вина великия делвы (бочки). Приставник же о сем возвещая и моля о принятии; блаженному же отрицающуся принять сего; виде же блаженный моление прилежное о принятии присланного по многом убо отрицании, повеле принять.

Во утрий же день в Сыропустную неделю соблаговоли Святейший Патриарх Никон трапезовати в общей монастырской трапезе со игуменом и братиею и прочими трудники: присланные же царевы рыбы и питие повеле на тот обед истощити, токмо мало пития оставити повеле; сам же никакоже сему присланному ястию и питию коснуса: неким же сущим его монахом в неведении, пития мало вкусившим, о сем бо запрещение прияша.

Во един же убо от дней Святаго поста бывшу Святейшему Патриарху со своими сущими монахи у утренняго славословия в келии, поведи видение явльшееся ему тоя ноши во сне, яко обретшуся ми, рече, в неких зданиях каменных превеликих зело; и абие обретеса тут Московскаго большого собора протопоп Михаил, аки бы докладывая нас во освящении некоей церкви, и тако нам вкупе из тоя явльшыся полаты идущим в другую и в третью, и елико нам далее идущим, толико являхуса нам полаты краснейшыя.

Вшедшим же нам во внутреннюю, якобы в пятую или вящши, и таково бяше ту здание, яко неудобь сказуемо, и удивляющимся нам о таковом великом и прекрасном здании, и абие внезапно явися юноша благообразен зело, и рече ми: что удивляеши, святче Божий, сему зданию; мне же отвечающе ему: како не имам удивлятися сему таковому величеству и красоте здания сего; он же рече ми: знаеши ли ты, чие суть здание сие? Мне же отвечающе ему: никакоже, Господи мой, не вем; он же рече ми: здание сие, яже ты зриши, твое суть, еже ты создах еси своим терпением; но потщися совершити путь своего течения, еще же ти и се глаголю: яко днесь имаши свой хлеб ясти, и абие невидим бысть юноша и видение преста. Сие бо видение сам блаженный Никон сущим братиям с ним поведи; они же слышавше сие во уме си имуще.

Того ж дня в час благовеста святыя Литургии приидоша ко блаженному Никону по обычаю приставник и архимандрит, и тоя обители игумен и келарь, яко да проводити по обычаю в церковь Святейшаго Патриарха. Седшим же им и слово продолжающу блаженному «о пользе», и абие с гостиницы прииде вестник глаголя: яко приидоша от обители Воскресенской Новаго Иерусалима его строения, Святейшаго Патриарха, иеромонах Мисаил с прочими трудниками; повеле же блаженный им внити; они же вшедше поклонение сотворше от архимандрита и братии со умилением слезне благословение испросиша и сами получиша, и посланное с ними блаженному вручиша денег 200 рублей и 10 хлебов братских трудов, також и от рыб и иных запасов не мало.

Святейший же Патриарх прием сие все с радостию велиею и слезами, благодарив Вседержителя Бога, дающего пищу всякой твари, и рече: яко сбылся днесь видение нощи сея, глаголющее мне, яко днесь имаши свой хлеб ясти. И тако время Святаго поста препроводив в молитве, и посте, и в трудах непрестанно, прочитанием книг святых, якоже бе ему обычай в Воскресенской отхожей пустыни.

В день же Святыя Пасхи, по святей Литургии, благоволи Святейший Патриарх Никон архимандриту Иосифу и приставнику оному, и обители тоя игумену, и келарю хлеба ясти с собою в своих ему келиях; внегда же им ядущим, повеле Святейший Патриарх да внесено будет оное питие царевое, еже прислано ему в неделю Сырную. Прием же сие в руке и возгласи всем сущим прилучившимся ту, глаголя: слышите, яко от дне повеления Царскаго Величества в сие нужднейшее место заточени есмы до днесь; присланным же от него к нам по разным временам пищи и пития, никакоже коснухомся вкусити. Ныне же мы подражая смирению высоты Слова Божия и поминая рекшаго: благословите кленущыя вы, добро творите ненавидящим вас.

Аще благочестивейший Царь и гнев на нас имея заточи мя семо, но мы поминая Спасителя своего слово, егда при распятии моляшеся, глаголя: Отче отпусти им, не ведут бо что творят, и паки инде: да не зайдет солнце во гневѣ вашем, и ина

многая от Писания прирек подобная сим, и благодарив Бога и рече: да не до конца вражда наша со благочестивейшим Царем пребудет, и поздравив, якоже обычай, глаголя: се ныне питание про здравие благочестивейшаго Царя и со всеми вкушаю и впредь присланным от него отрицаться не буду.

Сия же слышавше и видевше прилучившихся тут архимандрит, и приставник, и прочии от Святейшаго, зело рады быша, и воставше поклонишася ему до земли; и абие того ж дня послаша писание к царствующему граду вся сия бывшая благочестивейшему Царю возвещающе; и от того убо времени вся присланная Царева принимаше.

По времени же некоем присла благочестивый Царь ко блаженному Никону Евангелие и церковныя серебряныя сосуды и иных потреб церковных не мало.

Святейший же Патриарх избра себе едину церковь обители тоя, на святых вратах во имя Богоявления Господня, и в ту хождаше на славословие Божие; службу же святую служаху с ним в заточение привезеннии братия обители Воскресенской постриженники и его рукоположенцы; инии же и последи к нему пришедше самовольне терпети (не с повеления Царева) иеромонаси: Памво, Варлаам (иже последи бысть ему духовник), и Палладий; иеродиаконы: Маркелл и Мардарий; крылошане же и простыя монаси: Виссарион и Флавиан, и инии мнозии братия; но много зла прияша в гонении и в заточениях по разным странам и местем поморским. Тии же вышеписанныя имена иманы к Москве, и тамо бо по разных заточениях многа лета в тяжких оковах голодом точима бяху, и в дальния монастыри в заточения разсылаху и горким мучением озлобляеми, инии же и жития сего горне лишахуся, и сея ради вины, хотящии благочестивыя приходити благословения ради, бояхуся.

Обычай же бе ямаше Святейший Патриарх в трудех пребывати, близ же убо озера того Ферапонтовскаго начат лес сещи и землю расчищати; место же то именуемое Лещево, на месте бо том саждаше всякий овощ огородный, и хлеб сеяй, також против того места среди езера того устрои каменный остров; глубина же места того две сажени и вящше: камение же

со берега сам с сущими своими монахи на плотах возяше от берега далее дву поприщ; длина же тому каменному острову дванадесять сажень; ширину же имать пять сажень мерных.

На том же каменном острове водрузи честный и животворящий крест Господень с надписанием сицевым: «Никон, Божиею милостию Патриарх, постави сей крест Господень будучи в заточении за слово Божие и за Святую Церковь, на Беле озере в Ферапонтове монастыре в тюрьме»; бе бо чрез той новопостроенный остров, на нем же крест водружен бысть, в зимнее время ту большая дорога, и мнозии мимохоции надписания сего читаху.

Постави же и ина два креста с сицевым же надписанием на том же езере на иных островах, яже последи в царство благочестиваго Царя Феодора Алексиевича и Святейшаго Иоакима Патриарха повелением, оные кресты от мест тех все взяты и надписания их оная сотроша.

Сие же надписание у блаженнаго Никона бысть и на всех его сосудех келейных серебряных и медных и оловянных, також истребиша и загладиша, а инии сосуды медные и оловянные слиты суть.

Надписание же оно на крестах и на всех сосудех резал обители Воскресенской монах Иона, художество имеяй среброделия; бе бо той Иона страсть имеяй велию невоздержания пьянства, и зело сварлив и языком невоздержателен и клеветлив бе; отай бо от Святейшаго ходя ко приставнику, ложная на него сшиваше; и в некое убо время по обычаю своему, упився у приставника и учини досаждение велие Святейшему Патриарху и братии, овым досадительным и песским своим бреханием; овых же дерзновением рук своих оскорби; вины же ради сея, хоте его Святейший сослати в смирение в пекарню; он же с монастыря бежав к приставнику и клевета на блаженнаго нелепая. Таже иде по пути до царствующаго града по городам, владыкам²⁴ и по монастырям влаstem и всякаго чина людям, яко пес неистовая блядословя и ложная глаголя, яко ни на ум человеческий таковая сквернословия могуща възыти; он же окаянный все якобы делом то творимая произнося; к тому ж имеяй с собою надписание

оно, еже он за повелением Святейшаго на вышереченных крестах и на келейных сосудех резал, везде показуя, и тем Святейшаго порицая, глагола: Патриарх Никон живучи в Ферапонтове монастыре сие надписание на крестах и на сосудех везде пишет, затевая самовольно глаголет, будто он в Ферапонтове монастыре в тюрьме терпит за слово Божие и за Церковь, и инная многая клеветы глаголаше; сии же злоречения писана быша от приставника ко благочестивому Царю и Святейшему Патриарху сия в слух вниде.

Царь же благочестивый сия слышав, ни мало сему внят; той же окаянный монах Иона не дойде до царствующаго града, но во граде Переяславле зайде на винную поварню, и напився пьян впаде в котел великий с водою кипящий и сварися; и тако зле жития сего лишися, прият кончину, якоже второй Иуда предавый Господа.

По времени же некоем бдагочестивейшаго Царя супруга благоверная Царица Мария Ильинична сего света отыде, преставися в вечный покой; тогда благочестивый Царь присла ко Святейшему Патриарху Никону ближняго своего человека окольничаго Иродиона Стрешнева, с сим же присла на поминование души благоверная Царицы Марии Ильиничны милостыни 500 рублей; блаженный же сего не прият глаголя: аз должен по душе благоверная Царицы Марии Ильиничны поминование творити, елико Бог помощь подаст и сила наша может и без сея мзды. Много же молившу Иродион о принятии присланнаго, но ничтоже успе, паки возвратися к царствующему граду.

По отшествии же Иродионове Святейший Патриарх поминование по душе благоверная Царицы творя непрестанно по чину церковному, якоже обычай.

Такожде и по благоверном Царевиче Алексие Алексиевиче поминование творя.

По времени же некоем бдагочестивейший Царь паки совокупися брачным законом второе, и присла ко Святейшему Патриарху Феодора Лопухина, с ним же присла денег 700 рублей, мех соболий, мех лисий, мех беличий, сукно и тафту черныя, 15 штук полотен добрых тонких, 20 полотенец. Прием

же сие присланное Святейший Патриарх благодарив Бога, и пев молебная о царском многолетнем здравии; присланного же упокоив довольно, отпусти с миром и к царствующему граду.

Малое ж поминув время, посла Святейший Патриарх к царствующему граду диакона своего келейного именем Мардария неких ради потреб и ко благочестивому Царю о неких нужнейших потребах, Царь же благочестивый просимое им вся исполни; и паки посылает с Козьмою Лопухиным 40 соболей добрых, да мех соболий же, денег 500 рублей, таже и посуды серебряной не мало; пищи же и пития и иных изобильно; диакона же онаго вскоре отпустить повеле, дав милостыни 40 рублей.

Еще же оному присланному Козьме Лопухину медлящу у Святейшаго Патриарха, прииде от царствующаго града брат его Козьмин Феодор Лопухин, возвещая Святейшему Патриарху, яко благочестивейший Царь Алексей Михайлович преставися от сего света и отыде ко оному блаженству.

Егда же услыша блаженный, яко Царь умре, воздохнув вельми от сердца и прослезися, и рече: воля Господня да будет, аще бо zde с нами прощения не получи, но во страшное пришествие Господне судитися имама; Феодор же Лопухин, моля Святейшаго Патриарха прилежно, да подаст прощение благочестивейшему Царю на письме. Блаженный же рече: мы подражая Учителя своего Христа, реченное во Евангелии святом: оставляйте, оставится и вам; аз же ныне глаголю: Бог его простит, а на письме не учиню; нам бо он при жизни своей из заточения сего свободы не учини.

Онй же присланный привезе блаженному на поминание души благочестиваго Царя в милостыню денег 100 рублей, да мех песцовой черной; блаженный же сия приняв благочестивейшему Царю поминание творя по чину, якоже Святая Церковь содержит.

По смерти же благочестиваго Царя Алексея Михайловича Царский престол и скипетр восприя сын его, благороднейший Царевич Феодор Алексеевич, юн сый и венчан царским венцем, и бысть Царь всея великия и малыя и белыя России самодержец.

На блаженнаго же Никона паки диавол бурю возставляет, чрез свое орудие злых человек, воспоминанием вышереченнаго чернеца Ионы нелепых блядословий, и тем подвижут на гнев Святейшаго Патриарха Иоакима; и паки посылаются прежняя немилостивыя приставницы Князь Самуил Юсупов, Иоанн Ададуров и сотник, и с ним 30 человек стрельцов; приставницы же оныя много туги, и озлобления, и тесноты творяще блаженному; он же терпя вся благодарив Бога, глаголя: не постави Господи им во грех сего.

По времени же мнозем и озлоблении, повелением Самодержца и Патриарха посылаемы суть с Москвы в Ферапонтов монастырь Чудова монастыря архимандрит Павел, да дворянского чину Иоанн Желябовской, дьяк Семен Румянцев, и вдаша им многия лжесоставныя письменныя вины, яже клеветаху на него лжесвидетелие неправеднии, ласкателие, миролюбцы, паче же человекоугодницы, повелеша им, яко да вопросят блаженнаго о всем подробно, и да переведут его оттуда в Кириллов монастырь на Бело же озеро, да тамо пребудет в заточении.

Посланныи же достигше в монастырь Ферапонтов, внезапно входят в монастырь и в церковь; блаженному ж сего неведущу вины пришествия их; они же посылают ко Святейшему Никону, дабы он шел в церковь к ним. Блаженный же ни мало не медля, шед в церковь и обычная сотвори; посланныи же наречие от Самодержца в Патриарха возвестиша, и вину своего пришествия. Он же достойную честь Царскому Величеству и Патриарху отдав, глаголя: воля Господня да будет и Великаго Государя, не убоюсь от тем людей окрест нападающих на мя, аще что и смертно пострадати готов есмь. Присланный же приставник Иоанн рыкнув яко лев свирепо на блаженнаго, и нача песски неистовая блядословия износить.

Блаженный же Никон архимандриту тихо рече: аще убо и ты чрез святыя каноны к нам прислан, но обаче да ты глаголеши нам, сему же повелиши да молчит; и абие наченшим им чести наказ, и писанный на него лжесоставныя вины полны суть всякия неправды: того бо неправеднаго злословия множае

триех сот статей имуще, и вопрошаху его противу всех статей подробно.

Блаженный же ответ творя, якоже Дух Святый разум ему во глаголании подавая: не токмо бо сия, но и от Божественного писания много изрече приличная сему. Егда же вся поведанная совершишася о нем, тогда блаженному в келии его и вход запретиша; и абие послаша его вскоре за крепкими стражи в заточение на Белоозеро в Кириллов монастырь, и предаша его стражам твердо стрещи; келии бо, идеже его заточили, неугожи вельми от необычного же нагревания и угару; прият же блаженный от сего великую болезнь, в мале бо и жития не сконча.

Братию же их блаженный в келии име иеромонаха Варлаама, иеродиакона Мардария, предаша их стражам твердо стрещи; многа же озлобления от стражей претерпеша и по мале времени послаша их в заточение в Крестной монастырь; бе бо той монастырь на море окияне, строения Святейшаго Никона Патриарха, и пребыша тамо они в заточении семь лет.

Келейную же казну в всякия вещи его, яже блаженный име, посланнии все переписавше и отвезоша в Кириллов монастырь, и положиша в палату запечатав, заповедавше твердо стрещи. От вещей же келейных не даша ему и нуждных потреб, и повеленная вся исполнше, абие паки возвратишася к царствующему граду Москве, и вся соделанная ими о блаженном Никоне Самодержцу и Святейшему Патриарху возвестиша, и против их вопросов блаженного ответы писанные принесли.

Архимандрит же Павел, жалея о блаженном Никоне, яко виде при смерти его от келейного угару, возвещая Святейшему Иоакиму Патриарху, дабы поволел устроить блаженному Никону новые келии, да не безвременною скончается смертью, бе бо блаженный Никон главою вельми скорбен. Святейший же Иоаким Патриарх многих ради духовных и мирских правлений, и вседневных доук, положи сия глаголы в забвении.

По времени же некоем паки посылает Святейший Патриарх в Кириллов монастырь ко блаженному Никону ризничего своего диакона Иоакинфа, повеле ему взяти у блаженного панагию юже

име у себя от времени того, внегда взяту ему бывшу из Воскресенского монастыря, и две печати серебряныя, едина велика, на ней же воображен образ Воскресения Христова, другая же меньшая складная Святейшаго Иосифа Патриарха Московского, иже прежде его бе; и той диакон Иоакимф Кириллова монастыря дошед, вся повеленная ему исполни.

Блаженный же Никон вся сия отдаде без всякаго препятствия; той же Иоакимф повеле, тоя обители владущим, и келии новыя ему устроити повелением Святейшаго Патриарха Иоакима. Блаженный же Никон, отдавая панагию и печати, многая изрече ему от Божественнаго писания прилично сему, и тако отпусти его с миром к царствующему граду. Многому же продолжающуся времени, блаженному же Никону во изгнании в том монастыре терпящу всякия нужды и озлобления прежняго не менее, яже терпе в Ферапонтове монастыре, в келии бо пребысть неисходно кроме церковныя службы, но только Бога моля о царском многолетнем здравии, и всего мира состоянии; и труды к трудам прилагая, якоже бе ему обычай, и непрестанное попечение име во вся дни живота своего о обители Воскресенской и о церкви святых, юже сам основа и не соверши, вельми бо жалея о том, и Бога моля непрестанно, яко дабы ему паки во обители Воскресенской быти и навестити каменную великую церковь; обаче сего в жизни своей не получи.

Благочестивому же Царю Феодору Алексиевичу в возраст совершенный приспевающе, нача разсматривати о блаженном Никоне, како изгнан и заточен, и много о сем всячески испытую.

Благородная же и благочестивая Царевна и Великая Княжна Татиана Михайловна, тетка благочестиваго Царя Феодора Алексиевича, из детского своего возраста зело любляше Святейшаго Никона Патриарха и почиташе его яко отца и пастыря, зря же толикое блаженнаго многое время во изгнании страждуща, и многия скорби от немилостивых приставников приемлюща, возжале душею и умилися сердцем, воспоминая блаженнаго добродетеля и труды, яже иногда попечение велие имея о всем доме их Царском во время великаго поветрия мороваго, како преходя с ними от града во

град, и от места до места, спасая и соблюдая их, ища благораствореннаго воздуха от поветрия того.

И видя благочестиваго Царя Феодора Алексиевича анепсия²⁵ своего ревность благу имеюща о Никоне блаженнем, нача воспоминати ему часто, како бывшу ему на престоле и любовь имевшу со отцем его благочестивым Царем Алексием Михайловичем, и како их спасая от поветрия мороваго и всякия его благодеяния, подробно ему сказывая, и како изгнан бысть, и терпение его в заточении.

И о строении монастыря Воскресенскаго, и о наченшейся каменной великой церкви, юже основа блаженный во образ святых Иерусалимских церкви, яже есть во граде святем Иерусалиме Воскресения Христа Бога нашего, идеже гроб Спасителей и Голгофа святая со иными святыми спасительными Его страстьми, яже ныне стоит несовершенна, во всяком великом презрении, и неимуща о сем ни от кого попечения, еже бы ту святую церковь совершити, и яко да улучит свободу от заточения Никон блаженный.

Благочестивый же Царь Феодор Алексиевич слышав сия о блаженнем Никоне, и остроении монастыря Воскресенскаго, и о святой церкви от многих, яко пречудна зело, и стоит в велицем презрении, в несовершении, начат о сем размышляти; возсия бо свыше благодать Пресвятаго Духа в сердце его и отверзошася ему умныя очи его к милости щедрот, и первее убо начат милость свою являти ко обители святых Воскресенской и желая видети то, аще от многих о сем и возбраняем весьма, но положи намерение благое быти тому, еже видети своима очима.

По времени же некоем настоящаго года 187 (1678 г.) декабря 1 дня благоволи Великий Государь Царь и Великий Князь Феодор Алексиевич всеа России самодержец, по благому своему намерению, шествие сотворити во обитель святую Воскресения Христова, еже есть новый Иерусалим, зовется по наречению во благочестии сияющаго, блаженныя и вечнодостойныя памяти благовернаго Государя Царя и Великаго Князя Алексия Михайловича всеа России самодержца, егда бывшу ему в том монастыре Воскресенском на освящении первыя деревяныя церкви Воскресения Христова, и о том

наречении соизволи Царь благочестивый ко Святейшему Патриарху Никону и писание послати своея десницы.

И егда бывшу ему, благочестивейшему Царю Феодору Алексиевичу, во обители Воскресенской, узре своим очима строение святого монастыря и великия каменная церковь здание большое и несовершенное, и обитель стоит на месте прекрасном, возлюбил зело; и о сем вельми удивился, яко здание таковое пречудное оставлено в презрении великом, и воздохнув от сердца, ревностию же возгоревся по Бозе, якоже иногда древние Цари благочестивыя греческия Константин Великий, Иустиниан и Феодосий, положи мысль благу во уме своем и в сердце, яко да совершит тую великую каменную церковь, якоже и бысть; и о сем соизволи Царь благочестивый ближнему своему человеку, именем Михаилу по реклу Лихареву, обитель святую во всяком снабдении ему вруčiti и о строении святыя великия церкви попечение имати.

И тако Господу Богу изволившу свыше милостию своею на обитель святую призрети, якоже на древний Иерусалим, паки царским повелением запустелое здание здати начата. Бысть же в презрении обитель святая и незнаема никем и великая церковь нестроена 14 лет и 3 месяца, от дня взятия из Воскресенскаго монастыря в Ферапонтов Святейшаго Никона Патриарха: и тако по воле великаго Спасителя нашего Бога строящаго всяческая зиждительным Своим словом, и тщательным усердством Царя благочестива словом и делом, начася к совершению приходити.

И бывшу благочестивейшему Царю во обители дни многи, удоволи же и братию милостынею довольно и возвратися к царствующему граду Москве, и тако нача почасти во обитель святую Царь приходити²⁶.

В некое же время бывшу Царю благочестивейшему во святей обители Воскресенской, архимандриту тоя обители Варсонофию жития сего отшедшу, повелевает убо Царь, яко да изберут себе братия архимандрита, и еще к сему сице прирек, возсия бо свыше над него солнце правды Христос Бог наш, положи ему в сердце мысль благу: «аще хотите, да взят будет семо Никон Патриарх наченший обитель сию, иже нача и

великую церковь созидати к совершению, и вы дадите мне прошение за своима руками (сиречь челобитную), а Бог милостивый помощь подаст, а то дело исправится»; и бысть тако.

Обители же тоя строитель Герман и казначей Сергей и многия от братий Царскому лицу его предстояще, слышавше же слово из уст его, возрадовашася радостию велиею от всего сердца, и шедше возвестиша слово сие всей братии; братия же сия слышавше, хвалу и славу воздаша в Троице славимому Богу и Пречистой Богородице, яко таковая Бог творит угодником своим, и абие вси единодушно написаша Великому Государю прошение, сиев образ имущее:

«Царю Государю и Великому Князю Феодору Алексиевичу всея великия и малыя и белыя России самодержцу; бьют челом богомольцы твои Воскресенскаго монастыря строитель старец Герман, казначей старец Сергей с братиею: благоволением Божиим, Великий Государь, в превеличестве милости, не точию человеческими, но и безплотных умов смыслы необъятаго Бога нашего, Твоего благочестивейшаго, нашего же и всех христиан единого Владыки и Царя, присно обносящему тому прелюбимое и любящее, над всех его самага сердце, обращающего во благоугодное изволение, яко же весть сам, по премудрому; и преклонившаго в неизреченное ко всем благоутробие и конечную милость, и ко святей сей обители, и великому сему подобнообразному перваго на месте животодательных Христовых страстей и живоноснаго Его пресветлаго Воскресения созданнаго храма, и к нам нищим твоим Государевым рабом и богомольцем; о них же радуемся превеликою радостию и торжествуем торжествованием премногим, яко и прешедшии море печалей и страстей чермное Моисеом, и вселишася в землю обетования, всегдашняя радости о Христе Воскресшем во Иерусалиме; токмо малое недостает, благий Владыко, яко неуподобихомся древним израильтяном изнесшим кости, от глада их избавльшаго, Иосифа от Египта, и в новых Константинополянном, умолившим благочестиваго Царя Феодосия, о возвращении Иоанна Златоустаго от Коман яко и до сего времени моления

непрострохом, об отце нашем, избавльшем нас от глада не слышания словес Божиих, и удоволившаго нас насыщением тучнаго тельца и Агнца, Им же питающиеся во веки не умирают. Тем ныне молим твоего благочестивейшаго нашего Государя Царя, богоподобное благоутробие, помилуй нас, нищих своих богомольцов: подаждь церкви исполнение, приведи кораблю кормчия, пошли пастыря стаду, пристави главу к телу, христоподражательнаго нашего наставника Святейшаго Никона проведшаго нас море мира, яко Моисея, повели, да и землю обетования, юже наследствуем твоим прещедрым богатодарным подаянием обильно, такожде наследствовати и нам да разделит, яко Иисус и Елеазар ведый всех, по разсмотрительному коемуждо достойному приличеству; изведи из темницы душу его, яко блаженнаго иногда Игнатия Патриарха Цареградскаго из заключения, повели свободити из Кириллова монастыря в монастырь Живоноснаго Христова Воскресения, растущий в высоту повсюднаго прославления, яко древо плодовитое; при исходящих твоего богатодаровитаго и щедролюбнаго излияния, насаждаемый и упоеваемый, да и он с нами купно твоих пребогатых щедрот насладится и в старости возвеселится. Царь Государь смилуйся!»

У подлинной челобитной строителя и казначея и братии приложено рук с 60.

Таково прошение благочестивейшему Царю вручивше и слезно моливше, яко да повелит возвратить от заточения Никона блаженнаго.

Царь же Благочестивый приим молителное от братии прошение, и пребыв во обители дни довольны, и возвратися к царствующему граду Москве; и пришедшу благочестивейшему в царская, и нача мысль свою Святейшему Иоакиму Патриарху Московскому и всея России изъявляти о Никоне Патриархе, яко да получит свободу из заточения, и имать пребывати в своем новопостроенном монастыре Воскресенском и церковь Божию, юже основа, да совершит.

Патриарх же сия слышав, нача отрицатися, глаголя: яко сие дело учинися не нами, но от великаго Собора Святейших

Вселенских Патриархов, и нам того без ведома их учинить ничего невозможно; и о том Царю буди твоя воля.

Видев же Царь благочестивый, яко Патриарх на сие не соблаговоляет, вельми опечалися, и паки почасту Святейшему воспоминаю о блаженном Никоне, яко да получит от заточения свободу; Патриарху же ни мало на сие изволяюще, но паче отрицающеся и возбраняюще о сем.

По времени же малом Царь благочестивый Собор собрав в Патриаршей Крестовой полате, всех Архиепископов и весь освященный Собор, тамо же и самому благочестивейшему Царю бывшу с своим царским сиянием, абие Царь намерение свое всем яве сотвори, вкупе и прошение с молением предложено, да будет освобожден из заточения Никон Патриарх.

Патриарх же Иоаким вельми о сем крепляшеся, яко да пребудет Никон тамо; Архиепископы же еще и бояхуся Патриарха, но обаче мнози от них зело по Царе побораху, единогласне и явно глаголаху: яко да взят будет Никон Патриарх из заточения в свой новопостроенный Воскресенский монастырь, и тамо да пребывает. Святейшему же Иоакиму Патриарху на сие дело несоблаговоляюще: и тако разоидеся Собор той.

И виде убо Царь благочестивый, яко ничтоже бысть; и малу времени минувшу призывает Патриарха во царская и паки молит его с теткою своею благородною Царевною и Великою Княжною Татианою Михайловною с великим прошением о освобождении из заточения Никона Патриарха. Он же ни мало на прошение их царское преклонися и на сие дело благое, дабы ослабу тому учинити, но паче отрицающеся глаголя: яко не мы то учинили, но Собор великий и Вселенския Патриархи, а мы дерзнути на сие о свободе без Вселенских Патриархов не смеем.

Царь же благочестивый опечалися вельми, яко не позволяет Патриарх из заточения свободити Никона Патриарха, возжалесе убо о нем, яко толико лет во изгнании страждет, восписа к нему писание утешительное десницею своею, во еже бы ему молити в Троице славимаго Бога и Пречистую Богородицу и всех святых, о их царском многолетнем здравии и всего мира

состоянии и ожидати к себе его, Царскаго Величества, милости и праведнаго разсмотрения.

Оное же писание посла со иеродиаконом Мардарием, внегда взяту ему бывшу из заточения Крестнаго монастыря со окияна моря со иеромонахом Варлаамом; в тоже время освобожден бысть им из изгнания клирик Иоанн Корнильев из великаго Нова-града, по прошению Государыни благоверныя Царевны и Великия Княжны Татианы Михайловны.

Блаженный же Никон царское писание радостне прият и писанное увидев, яко Царское Величество таковое велие попечение имеет о нем, и из заточения свободну быти желает, и паки быти в строении своем в монастыре Воскресенском, и навершити недовершенное дело, юже сам нача здати великую церковь Воскресения Христова, и видети его желает; зане слышит благочестивейший о нем от многих, яко премудр бе зело и Божественнаго писания снискатель, и истинный рачитель, и поборник по святей непорочней вере, и хранитель святых Божественных догматов.

По прочтении же убо онаго писания возрадовася блаженный душею и сердцем о Господе Боже духовне, и хвалу воздав всех Спасителю нашему Богу, яко призре на смирение раба своего благодатию Своею святою свыше, и Царю благочестивому дарова духовное желание сердца о нем, и о обители Воскресения Христова, и о совершении церкви; малу отраду от всех скорбей и печалей прият.

Царь же благочестивый больша распалашеся любовью ко обители святей и о навершении великия церкви, и о свободе из заточения блаженнаго Никона, зане Царь благочестивый нача по благому намерению своему, яже верою к Богу, церковь великую навершати, царскою своею казною, елико потребно даяти неоскудно.

Блаженный же Никон, аще от Царя и милость обрете, но обаче зело скорбию одержим бе, изнемогая вельми, такожде и Царь скорбию изнемогая, и того ради замедление оному намерению цареву, еже о взятии блаженнаго из Кириллова монастыря в Воскресенской монастырь учинися.

Егда же бе блаженному скорбь люте умножашеся, тогда убо обители тоя архимандрит Никита восписа к царствующему граду Москве Святейшему Патриарху возвещая о Никоне блаженном, яко вельми изнемогает и близ смерти (приял бо уже той и схиму и елеосвящение по седми дней, а имени своего не благоволил переменити), и о сем, как благоволит Святейший, егда Бог преселит его от жизни сея, како и кому над ним чин погребения творити, и о поминовании имени его, и где положить тело его, и о всем прося, како творити. И вскоре оное писание Патриарху дойде, и писанное все уздав, яже о блаженном Никоне, и повеле в Кириллов монастырь вскоре отписать ко архимандриту, повелевая его посхимити, а егда преставится Никон, тогда чин погребения над ним ему, архимандриту, творити монашеский просто, якоже и прочим монахом чин погребения бывает, а тело его положить в паперти; а благочестивому Царю о сем ничего неизвестно.

Уздав же о сем Царь благочестивый, яко тако писано в Кириллов монастырь о блаженном, посла к Патриарху, да повелит оное писание возвратити; он же глагола, яко уже то писание есть тамо.

Блаженный же Никон, видя себя в скорби велицей и уже близ смерти, написа писание кратко своею рукою, и посла в монастырь Воскресения Христова в строение свое, к сыновом и учеником своим и всей братии образ сицев имущее:

«Благословение Никона Патриарха сыном нашим архимандриту Герману, иеромонаху Варлааму, монаху Сергию, монаху Ипполиту и вкупе всей братии; ведомо вам буди, яко болен есмь болезнию великою, вставати не могу; на двор выйти не могу ж, лежу в гноищи, исходящее из мя под себя; а милость Великаго Государя была, что хотел меня взяти по вашему челобитью, и писав жаловал своею рукою, а ныне то время совершилося, а его милостиваго указу несть; умрети мне будет внезапу; пожалуйте, чада моя, не попомните моей грубости, побейте челом о мне еще Великому Государю, не дайте мне напрасною смертью погибнути, уже бо моего жития конец приходит, а каков я, и то вам про меня подробно скажет Иоанн, который от вас живет на приказе в Богословском».

Оное ж писание дойде в монастырь Воскресенский архимандриту и всей братии, и писанное уведавшие, яже писа блаженный о себе, архимандрит же и братия вся, плача и сетования и слезного рыдания исполнишася, уведавшие своего отца и пастыря в толицей скорби велицей и близ смерти.

Писание же оно Воскресенской архимандрит вручи Царю благочестивому, моля его со слезами о возвращении своего отца во обитель, юже он, блаженный Никон, основа.

Царь же благочестивый писание прием и виде писанное блаженным, яко в скорби велицей и близ смерти, зело возжале о блаженном и умилися душевно, паки нача просити Святейшаго Патриарха и всего освященного Собора молити, яко да возмется от заточения Патриарх Никон, глаголя: яко при смерти есть; Патриарх же Иоаким и Собор весь глаголя Царю: буди по воли твоей благочестивый Царю.

Прием же Царь благословение от Патриарха и всего Собора, посылает убо в Кириллов монастырь наскоро Конюшеннаго приказу дьяка Иоанна Чепелева, повелевая ему взяти блаженного Никона, аще жив есть или мертв, и быти ему в строении своем в монастыре Воскресенском.

Посланный же пути ятся и в Кириллов монастырь прииде скоро, блаженный же Никон прежде пришествия онаго дьяка за един день или вящше, аще и скорбен вельми, но яко нача готовитися в путь; сущии же братия с ним зряще его тако творяща, мняху яко в скорби и безпамятстве сие творит; ею же ему творящу не единожды, но многажды.

В день же той, в онь же посланный от царствующаго града прииде, блаженный же Никон нача, яко убиратися, и одеяся во свою одежду, и сяде во своя кресла, яже суть в предсении, или на крыльце, и своим глагола: аз готов есмь, а вы чесо ради не убираетесь: зрите, вскоре бо по нас будут; они же сие слышавше мняху его, яко в скорби своей сие глаголет.

И абие внезапу к келии прииде оный посланный с повелением царевым, возвещая блаженному Никону царскую милость, яко благоволит Царь благочестивый итти тебе в свое строение в Воскресенской монастырь.

Блаженный же едва с великою нуждою востав честь подобающую царскому лицу творя, понеже немощен вельми.

И начаша уготавлиати на путь струги, путь бо предлежит вниз по реке Шексне, и вся уготовляше ко плаванию ручному, и всадивше блаженного в сани до реки, до уготованных стругов довезоша, и с великим трудом всадиша в оный струг, бе бо труден вельми от немощи, и тако пути яшася вниз по реке.

Воскресенского же монастыря архамандрит с братиею послаша во сретение блаженному Никону иеромонаха Варлаама, иже прежде бе жительствуя у блаженного Никона в Ферапонтове монастыре многая лета, о нем же и выше речено бысть, и иеродиакона Серафима и с Мологи приписнаго Афанасьевского монастыря строителя иеромонаха Тихона.

Посланные же оныя встретиша его еще недостигша реки Волги за двадцать поприщ, и тут благословение от него прияша и Архимандриту и всей братии Воскресенского монастыря испросиша.

Блаженный всем подал мир и благословение, и паки яшася пути тою же рекою; и егда им приспевшим к реке Волге, тогда оный посланный восхоте итти Волгою вверх.

Блаженный же Никон не восхоте, но повеле плыти Волгою вниз до града Ярославля; и егда им плывшим реками Шексною и Волгою до Ярославля обретающиеся же грады и села (минующа), в них же живущии людие исхождаху во сретение и приношаху потребная, и провождаху со слезами далече.

И августа 16 дня порану достигшим им монастыря Пресвятыя Богородицы, иже есть на Толге шесть поприщ имуще от града Ярославля, за полпоприща же монастыря того и тут блаженный повеле пристати ко берегу, понеже бо от скорби вельми изнемогая, и причастися тут Святых и Пречистых Тела в Крови Христовы запасных Великаго четвертка Таин от руки своего духовнаго отца архимандрита Никиты Кириллова монастыря.

И потом приставшим им близ ко берегу Толгского монастыря, игумен же монастыря того с братиею изыде во сретение, с ними же тут прииде преждепомянутый Сергей, бывший архимандрит Спасского монастыря, что в Ярославле; той бо Сергей во время

изгнания блаженного Никона, егда при Вселенских Патриархах на соборех и на дворе, на нем же блаженный за стражею бысть, много ему досады творяй паче иных, о нем же и прежде изъявися.

Той бо Сергей видевоу блаженного, яко уже в смерти суща, припаде к ногам его со слезами умильных глаголы вещая и рече: прости мя, Святче Божий, яко всех сих поношений на тя, их же ты понесл еси, повинен аз досаждению и всякую злобу святыни твоей во время изгнания твоего творя Собору угождаю.

К сему же и ино нечто поведает, и рече: яко днесъ по святей и Божественней литургии и по вкушении братския трапезы возлегшу ми мало уснути, и абие во сне явился мне Святейший Патриарх Никон глаголя: брате Сергие, возстани, сотворим прощение, и абие нача у келии моей страж монастырской тукати глаголя: яко шествует Волгою Святейший Никон Патриарх и близ монастыря. Игумен и братия пошли в сретение ему, аз же сия видевоу и от стража слышав, трепетен бых, ужасохся, возста и едва в себя пришед, текох скоро во след братии и приидох семо ко твоей, владыко, святыни прощение прося; и абие прощение от блаженного оный Сергей ту получи и виденное сам пред всеми поведает.

Блаженному же Никону вельми скорбию одержиму, уже к смерти варит; и тако яко ко граду Ярославлю приставшим, граждане же града того слышавше пришествия его текоша вси радуящеся ко блаженному благословения ради, видяще своего пастыря восвояси и ко своим возвращающася, и абие зряще его на одре смертном лежаща и близ смерти с плачем велиим и рыданием приходяще, припадающе к нему, просяще благословения и прощения, целующе руце его и нозе.

И тако им от всенароднаго собрания с трудом велиим вшедшим в реку Которосль; народи же струг со блаженным влекуще, овии по берегу, иние же в воде бродяще даже до чресл, и приставльшим близ обители Всемиловитоваго Спаса, в тут прииде града того воевода со множеством народа, такожде и архимандрит Спасской со священным собором обители своя; и всего града вси носяще потребная и благословения просяще.

Блаженному же Никону уже изнемогшу вельми, и ничтоже вещающе, токмо десницу свою дая целовати; народа же множество собирахуся и стужаху ему вельми своим прихождением. Архимандрит же Кириллова монастыря Никита, иже бе духовник блаженному Никону, и посланный дьяк, видя народ умножающийся, повелеша оный струг, в нем же блаженный, на другую страну реки превести.

Вечернему убо часу приспевшу, егда же во граде начаша к вечернему пению благовестити, нача блаженный Никон конечно изнемогати и озиратися, яко бы видя неких пришедших к нему, також своим руками лице, и власы, и браду, и одежду со опасением опрятovati, яко бы в путь готовитися; архимандрит же Никита, и братия, и присланный дьяк, видя блаженного конечно дышаща, начаша исходное последование над ними пети.

Блаженный же возлег на уготованном одре, дав благословение своим учеником, руце к персем пригнув, со всяким благоговением и в добром исповедании, благодаря Бога о всем, яко во страдании течение свое соверши, с миром успе, душу свою в руце Богу предаде, Его же возлюби.

От жития сего отыде в вечное блаженство в настоящее лето от создания мира 7189 (1681 г.), месяца августа в 17 день.

Града же того Архимандрит со всем освященным собором певше токмо литию; прииде же тут воевода града того со множеством народа плачущеся и рыдающе со слезами о лишении своего пастыря и учителя; присланный же дьяк поеха наскоро к царствующему граду Москве Царю благочестивому учинити весть о преставлении блаженного Никона, яко преставися в вечный покой.

Благочестивый же Царь еще не ведая преставления блаженного Никона, посла во сретение ему царскую свою карету со множеством коней добрейших; по преставлении же во второй день посланная приидоша со оною каретою и обретоша блаженного преставльшагося, и устроивше возило со всяким опасением твердо, и возложше гроб с телом блаженного, и тако в путь шествующе к царствующему граду Москве; во градах же

и в селех сретающе тело блаженного со псалмы литии поюще, со слезами провождаху.

Егда же достигшим им близ слободы Александровой, Девичья монастыря игумения со всеми черноризицами числом не менее двою сот изыде во сретение вне монастыря со звоном и со славословием, поюще литию слезы точаще, с великим воплем восклицающе, плачуще о лишении своего пастыря и учителя, и проводивше поприще едино, целовавше тело блаженного возвратишася во обитель с рыданием велиим.

Егда же приближающимся им ко обители живоначальная Троицы Сергиева монастыря, тогда убо тоя обители архимандрит Викентий, изыде во сретение вне монастыря с причтом церковным и со всею братиею и тут пред святыми вратами певше литию над гробом соборне, и целовавше тело блаженного вси со слезами возвратишася паки во обитель.

Еще же им от обители не отшедшим, прииде с Москвы преждепомянутый диак возвещая повеление Царево архимандриту Кириллова монастыря Никите к царствующему граду итти прежде; тело же блаженного да проводит Троицкого монастыря архимандрит Викентий; и тако в путь поидоша.

Егда же бывшу оному диаку пред Государевым лицом, вопроси его о блаженном Никоне: како его виде жива, и о смерти его, и о духовной; он же вся подробно поведа, и о духовней рече диак: Царю благочестивый, и аз о сем воспоминах блаженному Никону, яко написати духовную; он же глагола ми: яко писати духовныя не хочу, но токмо едино глаголю: вместо моя духовныя да будет мир и благословение благочестивейшему Государю Царю и Великому Князю Феодору Алексиевичу всея России самодержцу и всему их Царскому дому, а о душе моей и о грешном моем теле, о погребении, и о поименовании, о всем да будет он, благочестивейший Царь, душе моей духовная и строитель, и елико благоволит, тако и сотворит.

Царь же благочестивый слыша сия возжале и зело умилися о блаженном Никоне, и рече: аще тако Святейший Патриарх Никон надежду на мя положи, воля Господня да будет, и елико

Бог помощи подаст, в забвении аз его не положу; и повеле тело его, блаженного, везти в Воскресенской монастырь.

Благочестивый же Царь посла ко Святейшему Иоакиму Патриарху звати его повеле со всем освященным собором в Воскресенской монастырь на погребение блаженного Никона; Патриарх же звавшему рече: буди по его воли государственной готов есмь аз, иду на погребение, а в погребении во всяком прощении Патриархом Никона именовать не буду, но просто монахом, якоже Собор повеле, аще ли же восхощет благочестивый Царь Никона Патриархом помянуть, то не буду.

Царь же много о сем моли Патриарха, дабы шел на погребение и именовах бы его Патриархом; Патриарх же много отрицаяся сего, глаголя: аще аз и пойду, но токмо именовать Патриархом не буду, понеже не аз его нареку тако, но Вселенстии Патриархи Никона монахом и Собор присуди.

Царь же благочестивый рече: аще и Вселенстии Патриархи что возглаголют на тя, то буди на мне, и аз Святейших Патриархов буду молить, и пришлют нам о сем благословение и Никону Патриарху прощение и молитвы разрешенныя.

Патриарх же на погребение не поволи идти, но благоволи великаго Нова-града Корнилию митрополиту быти; на погребении же на всяком прощении и поминовении митрополиту повеле: како благочестивый Царь повелит Никона помянуть, тако и твори.

Царь же благочестивый прииде в Воскресенской монастырь со всем Царским домом и сиклитом, такожде и Митрополит со освященным собором, прииде ту прежде блаженного тела в монастырь и управляше вся к погребению потребная по уставу; вечернее возследование и всенощное бдение пето бе за упокой по уставу, якоже писано в требнике кевская печати Петра Могила.

Во утрий же день рано приидоша с телом блаженного Троицкой архимандрит Викентий и поставиша гроб прямо монастыря у честнаго Креста, иже водружен с подписанием, благоволением благочестиваго Царя Алексия Михайловича и благословением Святейшаго Никона Патриарха во знамение их общия любви и совета к начинанию обители святых и

именованию, еже есть новый Иерусалим; о сем бо свидетельствует самое то писание, еже на том каменнем Кресте высечено литерами по славянски; и возвестиша Царю, яко привезоша тело блаженного Никона августа в 26 день 189 года; в тот бо день, в онъ же приидоша с телом блаженного, первого часа дня, начаша благовест творити, яко входное время обычай, колокола пременяя, един по единому.

Егда же приспе время шествия ко гробу блаженного, тогда собравшася вси в каменную великую церковь на святую Голгофу, идеже есть Крест, понеже бо великая церковь еще бе не в совершенстве и не освящена, Царь со всем сигклитом, Митрополит со освященным собором, и облекошася во священныя одежды по чину вси прилучившаяся на погребении в Воскресенском монастыре блаженного Никона священнаго чину: Корнилий митрополит великаго Нова-града, архимандрит Викентий Живоначальная Троицы Сергиева монастыря, архимандрит Сильвестр Саввина монастыря, архимандрит Герман ученик блаженного Никона обители тоя Воскресенския, архимандрит Никита Кириллова монастыря Белоезерскаго, иже бе духовник блаженному Никону, и прочии иеромонаси, и иеродиакони, и братия того ж Воскресенскаго монастыря, и прочих архимандритов, и иных священниц, и диаконов приходских церквей, и множество народа вельми; и взяша хоругви, крест честный и святые иконы и тако поидоша вси вкупе вне монастыря по чину ко святому Кресту, идеже блаженного гроб стояше.

Царь же благочестивый идяше, сам поя с клирицы своими стихиру 6-го гласа киевским согласиём: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра...» и вси обретшиися тут пояху, и абие дошедше честнаго Креста, идеже гроб блаженного, и пришедше возжгоша свечи великия яко по сажени длиною, иные же по шести четвертей и в поларшина для погребения того устроены разными образцы и малеваны черными вапы, из царския казны.

Митрополит же по чину свечи раздая, первее Царю, архимандритом, бояром и всему царскому сигклиту; архимандрит же Троицкой Викентий свечи раздая священному и монашескому чину и всенародному множеству,

прилучившимся тут; и абие священныма рукама взявше гроб с телом блаженного и несше в монастырь священницы на главах; около же онаго одра идяше двенадцать юных отроков, царских певаков, во одеждех на то устроенных, яко рясы на подобие стихарей от драгих камок китайских, ладанов разных цветов смиренных с великими свечами предъидущим же по чину с хоругви, с честным крестом и со святыми иконами, таже митрополиту со освященным собором, потом и Царь со всем сигклитом; по них же священницы одр с телом блаженного Никона несяше, всенародному же множеству со свечами последующу одру со слезами и воплем велиим, плачуще своего отца и пастыря с рыданием велиим.

Царь же благочестивый паки поя сам со своими певцы той же вышереченный стих: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра...», с жалостию велиею и зело умильными гласы, яко от пения умиленна всем слезы точити; и тако принесше в монастырь, звону же бывшу велику во вся колокола и внесше в каменную великую церковь, идеже есть церковь Пресвятыя Богородицы, зовомая «темница», и тут поставиша одр с телом блаженного, и начаша пети святую Литургию, и по службе святыя Литургии начаша и чин погребения совершати по чину, якоже бе и прочим архиереом чин погребения бывает.

Царь же благочестивый Корнилию митрополиту и всему собору сослужащему тут повеле во всяком прошении блаженного Никона поминати Патриархом, яко же и прочих Московских Патриархов поминают, тако и бысть по повелению его.

Благочестивый же Царь от начала возследования надгробнаго пения сам соизволи трудиться и до отпуста: кафизму читати и Апостол, и во всем погребении с певцы своими пояше; егда же приспе целованию время, тогда Царь благочестивый десницу Патриаршу взят из под схимы целова любезно со слезами, такожде и дом его весь Государский и сигклит и собор весь освященный, и братия вся, и все прилучавшиися тут множество народа мужие и жены даже и до последних.

И скончавше тут надгробная по чину, и абие взявше священницы одр с телом блаженного Никона, несоша на южную страну в той же велицей церкви, в церковь Иоанна Предтечи под самую Голгофу, иже во Иерусалиме та церковь из камене издолблена на месте, идеже есть во Иерусалиме гора в страсть Христову разседся и скважнею изыде из ребра Христова Спасительная кровь на главу Адамлю, идеже тамо есть и первого архиереа Иерусалимского Мелхиседека гроб устроен, и видится тамо даже и до днесь. Зде же в церкви на месте сем сам пастырь наш и отец Святейший Патриарх Никон завещает нам, егда жив бе, по умертвии своем о положении телесе своего в церкви сей, и по желанию сердца его Бог тако и сотвори, и певше тут над ним подобающая.

И по скончании пения того Царь благочестивый, аще его жива и не виде, но любовию от всего своего сердца к нему по Бозе присвоися, понеже при кончине жизни своей блаженный Никон душу свою в руке Божии предавая, тако же и Царю благочестивому о погребении своего телесе и о помяновении души своей предася воли его, яко же писано о сем выше, и возжале душею, сам соизволи своими царскими руками с Митрополитом тело блаженного со слезами гроб земле предати плача и рыдая, поя «Святыи Боже...»

И сему бывшу, зря сие Митрополит и весь собор освященный, бояре и весь сигклит царский, и всему тут бывшему множеству народа, дивится сему и слезы точити, видя тако творяща Царя благочестиваго и толика сердечная любви ко Святейшему Никону Патриарху показуяща, яко не слышано в нынешних родех тако творяща Царя, и в память предыдущему роду во удивление сие сотвори.

И тако благочестивейший Царь и Великий Князь Феодор Алексеевич всея великия и малыя и белыя России самодержец толикую любовь и сердечную правость по смерти Никона Святейшаго Патриарха показа и погребение честно сотвори, яко во удивление всем видящим сие и слышавшим.

И бысть того всего действия в той день над телом Святейшаго Никона Патриарха: хождения ко Кресту по телу его и служения святыя Литургии, и чина погребения и всего

продолжения времени 10 часов и две четверти. Толико Царь благочестивый душевною любовью своею трудися всеми чувствами своими душевными и телесными.

И по скончании всего действия того Царь благочестивый вниде в ризницу соглядати священных служащих одежд его Архиерейских; и Корнилию митрополиту великаго Нова-града дарова лучший саккос, алтабас белый серебряный и омофор алтабас золотой, и иныя одеяния Архиерейския драгия, и сто рублев денег; прочим же архимандритом, и всему освященному собору, и причту церковному, прилучившимся тут на погребении, всем дая казны своея царския неоскудно, такожде и братию удоволив, и милостыни дав довольно и нищим.

Братии же, иже суть жили при Святейшем Патриархе в монастыре Воскресенском и с ним во изгнании в Ферапонтове и в Кириллове монастырях его постриженцы, всех Царь одари: рясы, кафтаны теплыя под сукнами и капками, також и холодныя всякия одежды и иныя келейныя его вещи, раздал коемуждо противу чину его и трудов; а сие розданное братии, всякия вещи келейныя казны Святейшаго Никона Патриарха, привезено за ним из Кириллова монастыря. А посуды всякия серебряныя, медныя, оловянныя и всякая рухлядь отдано в монастырскую казну, а денег тысячу рублев на церковное строение в казну же отдано. И почтив Митрополита и собор весь, отпусти их с миром восвояси.

Сам же благочестивый Царь пребыв дни довольныя во обители и братию удоволив, паки возвратися к царствующему граду Москве; и имея попечение велие о блаженном Никоне, яко Святейший Патриарх Иоаким, блаженнаго Никона Патриарха именовати не повеле, и о сем положи на сердце своем мысль благу, еже писати о сем ко Вселенским Патриархом; еже и бысть.

Оставшия же блаженнаго Никона архиерейския его одежды: митру, саккосы, мантии со источники драгими и клобуки, и прочия одежды взя к Москве; в монастыре же остави для воспоминания впредбудущая лета братии и прочих жителей един саккос, и омофор, и прочее архиерейское одеяние, яже

приличествует ко служению архиерейскому; мантию и патерицу вся сия повеле в ризнице хранить твердо.

Митру и саккосы, еже взяты к Москве, посла Царь Святейшему Иоакиму Патриарху митру поминоения ради блаженного Никона; Патриарх же не прия; и та митра дана бысть Смоленскому митрополиту Симеону.

Саккосы же, и клобуки, и мантии, и иныя Архиерейския его одежды по царскому рассмотрению розданы архиереом поминоения ради Святейшаго Никона Патриарха.

Ведомо же буди и о сем, како погребен бысть Святейший Никон Патриарх; по преставлении бо его, егда привезоша тело его и не дошедше монастыря за едино поприще, идеже монастырской мельничной двор зовомый Воскресенской на речке Песочне, и тут по повелению цареву привезше стаща, и гроб блаженного внесше в келию, и пришедше из монастыря архимандрит Герман со священницы, принесоша вся одеяния новая: свиту белого сукна от влас вельбужих греческую, юже сам блаженный себе от давних лет уготова во время своего бытия до изгнания в Воскресенском монастыре, и та свита блюдома бе в казне в монастыре Воскресенском до преставления его, рясу бархата таусинного, мантию архиерейскую со источники и скрижальми, панагию и схиму.

Архимандрит же со священницы облекше во вся блаженного Никона; тело же его неврединю отнюд от вонн злосмрадных, аще и десятидневно пребысть; в толикое бо теплое время нимало повредися, но яко того часа преставися; лице же и плоть его ничем не изменися, но все тело его цело и тлению не причастно бе.

И паки положиша во гроб, в немже привезоша в монастырь; по отпети надгробнаго возследования, поставиша гроб дубовой с телом блаженного в новосеченный каменной гроб; камень же той, в нем же гроб изсечен во дни Святейшаго Патриарха Никона, егда бывшу ему в Воскресенском монастыре до изгнания, повелением его привезен той камень со окияна моря церковныя ради потребы, драгою ценою куплен.

Егда же благоволи Бог преставитися ему от жизни сея, тогда убо Царь благочестивый в камени том гроб истесати повеле; и

тому бывшу; егда каменосечцы той камень секуще первое пилами отпиловаше доску толстотою в два вершка, таже во глубину секуще, елико вместится деревянному гробу, и издолбиша той камень с великим трудом, бе бо зело тверд, зовомый алебастр драгоценный, другаго такового не обретается нигде; и в церкви Иоанна Предтечи под Голгофою свитою, в двери входа на правой стране во углу ископавше ров, елико вместится тому каменному гробу, и по отпетии надгробнаго последования принешие гроб с телом блаженнаго во оную церковь Предтечеву.

Царь же благочестивый с Преосвященным митрополитом соблаговоли сам своима царскими руками оный гроб деревянный с телом блаженнаго Никона Патриарха в новосеченный алебастровый каменной гроб положить; полагая же, поя с Митрополитом и прочими всеми стихиры приличныя тому, и покрыв оною доскою каменною, юже отпиловаше с того же камня большего, а деревяннаго гроба крышку положиша верху тоя каменные доски, и вверху гроба сведоша кирпичной свод в земли не глубоко, и поровняша с помостом равно тоя церкви.

Царь же благочестивый непрестанно жалея о Никоне блаженном яко не поминается Патриархом, но обаче о сем соизволи восписати в Палестину ко всем четырем Вселенским Патриархом, и послаша своего посла с царскими своима грамотами диака Прокопия Возницына разрешения прося блаженному Никону, иже Собор отлучи Патриархом именовати и писати запрети.

Моли о сем Святейших Вселенских Патриархов дабы о разрешении, и прощении преставльшагося во изгнании блаженнаго Никона, и о поминовении в велицей Соборнай Церкви и во всей Росси во всяком священнослужении поминати Патриархом яко же и прочих первопрестольных Святейших Московских преставльшихся Патриархов; и царское писание оно Вселенским Патриархом скоро дойде.

И паки вера сердца благочестиваго Царя ко обители святей приложися и любовь разжегся ко блаженному Никону, и возжале от всея души своея совершити великую церковь, и повеле делающим к навершению не медля поспешати.

Сокровища же из своея царския казны повеле даяти неоскудно на всякия потребности к церковному делу: злата, и сребра, и денег, и церковных утварей: риз, стихарей, поручей, епитрахилей, драгоценных сосудов златых и серебряных и иных вещей множество, яже прилична суть церкви святей и олтареву, монастырей и пустынь со крестьяны и со всеми угодыми и село Троицкое с деревнями, яже суть близ монастыря, иже бе прежде Романа Бабарыкина, даде Царь монастырю в вечное владение; но обаче желая сердце его паче всего и попечение велие имея непрестанно во вся дни жизни своея о совершении великия церкви.

Но Содетеля нашего изволение великаго Бога бысть тако: общий долг человеческого естества смерть; жизнь благочестиваго Царя Феодора Алексиевича всея России самодержца прекрати, святая же душа его ко Господу отыде в вечное блаженство, тело же его гробу и земле предадеша лета 7190 (1682) года месяца апреля в 27 день; желаемого же не получи, яже душа его и сердце желало во вся дни жизни своея видети великую церковь в совершенстве и освященну.

Вселенстии же Патриархи грамоты царския от посла прияша, и писанное моление и прошение видевшие, и толикое тщательное произволение царево и любовь от всея души и сердца о блаженном Никоне, и яко велие попечение имея о разрешении и о причтении в лик и о поминовении во всяцем священнослужении с прочими Святейшими Московскими Патриархи яко бе достоин, понеже добродетельно в житии сем поживе, и мужественне вся напасти во изгнании претерпе, и ко Господу отыде в покаянии; видевшие же сие Вселенстии Патриархи царское писание удивившася зело и благодаривше Спасителя всех Бога, даровавшего Царю благочестивому тщание таковое и велие попечение о душе его, яко приснороднаго сына во Святем Дусе.

Божественным Духом наставляеми, Святейшия Патриархи Вселенския царское желание и прошение исполнивше. Написаша грамоты своя о прощении и о разрешении блаженнаго Никона, и о причтении в лик с первопрестольными Святейшими Московскими Патриархи, и о поминовении во Святей велицей

Соборней Церкви, и повсюду в России во всяком священнослужении поминати Святейшим Патриархом, якоже и прочих Московских Патриархов, и подписаша своима рукама архиерейскими и запечатав своима печатями, и прислаша те грамоты к Москве в лето 7191 (1682) месяца септемврия с тем же послом²⁷.

Благочестивейшему Царю Феодору Алексиевичу всея России самодержцу преставльшуся от жизни сея ко оному блаженству в вечный покой; грамоты же Вселенских Патриархов посол принесе по смерти Царя в царство братий его благочестивых Царей и Великих Князей Иоанна Алексиевича и Петра Алексиевича всея России самодержцев.

Благочестивыя же Государи Цари грамоты прияша Вселенских Патриархов и перевести повелеша на российский язык зане писаны греческим языком, и переведше их, послаша перевод Святейшему Иоакиму Патриарху глаголюще, яко таковыя суть грамоты брату нашему блаженныя памяти Царю Феодору Алексиевичу всея России присланы от Вселенских Патриархов о прощении, и о разрешении, и о причтении в лик с первопрестольными Патриархи, и о поминовении во всяцем священнослужении якоже и прочих Московских Патриархов, Никона Патриарха.

Патриарх же слышав сия глаголы и переводныя грамоты виде и рече: аще не принесете подлинных грамот, присланных от Святейших Вселенских Патриархов за подписанием рук их и печатями их, сему не иму веры; посланный же шед поведа Царям яже рече Патриарх, и абие послаша Цари оныя грамоты к нему яже прислаша Вселенстии Патриархи.

Патриарх же виде сущия грамоты Вселенских Патриархов за подписанием рук их и печатями, повеле переводчикам оныя грамоты прочитати и уведав, яже писано в них о Никоне Патриархе, и рече: се вижду сии сущия грамоты Вселенских Патриархов православных за приписанием рук их и печатями; и писанное уведа, глаголя: сужду бо и аз праведно быти сему тако.

И абие от времени того начаша в велицей Церкви соборней и повсюду во всяком священнослужении поминати блаженнаго

Никона Святейшим Патриархом якоже и прочих Московских Патриархов, и в Соборный синодик написати повеле Патриарх, а грамотам сим суди быти в ризнице Патриаршей ради достоверного свидетельства; такожде и сам Святейший Иоаким Патриарх, когда бывает в Воскресенском монастыре, поя панихиды поминает блаженного Никона Святейшим Патриархом.

Церковь же великая в недовершении остася по смерти благочестиваго Царя Феодора Алексиевича всея России.

Но еще милостивый Бог наш Творец всего мира и Содетель молитвами отца нашего великаго архиерея Святейшаго Никона Патриарха не остави обители сея быти в забвении, положи мысль благу в сердце Великим Государем Царем и Великим Князем Иоанну Алексиевичу и Петру Алексиевичу всея великия и малыя и белыя России самодержцем, и Государыням благоверным Царицам и благородным Царевнам и Великим Княжнам Татиане Михайловне, Софии Алексиевне и прочим Государыням Царевнам, якоже и Великому Государю Царю и Великому Князю Феодору Алексиевичу попечение о навершении великия церкви и верою ко Господу Спасителю нашему Богу и любвию ко обители святых, тщанием своего Царскаго Величества каменную великую церковь вскоре совершиша, юже Святейший Никон Патриарх основа во славу и честь Христу Богу нашему и в похвалу Российскому государству, понеже в та лета таковыя преизрядныя церкви величеством и подобием и изрядныма многима вещами наподобие Иерусалимския церкви не обреташеся нигде.

И тако за благоволением великаго Спасителя нашего Бога и молитвами начальнаго фундатора, основателя святыя обители Святейшаго Никона Патриарха, пособием и благоволением Великих Государей Царей и Великих Князей и благородных Царевен Татианы Михайловны и Софии Алексиевны та святая великая церковь достроися.

Ко освящению же тоя великия церкви вся потребная приуготова Государыня благородная Царевна Татиана Михайловна из своея государския комнаты: сосуды златыя и серебряныя, украси Евангелие святое драгоценное и воздуси

драгия своима рукама труждаяся²⁸, устрои и иконостас великий драгия и мудрыя работы флемованный весь позлащенный, местныя же святыя иконы и аналойныя письма драгоценнаго златом и жемчугом и камнями драгоценныма украси, ризы и стихари, епитрахили, поручи и поясы из материй драгоценных, книгами и всякими утварями, яже суть церкви и олтаревы прилично, всем удоволи неоскудно, и денежныя казны к совершению Божия церкви довольно дая.

И тако всех Творец и Зиждитель всех Бог устрои по желанию и благому намерению Государыни благоверныя Царевны и Великия Княжны Татианы Михайловны, якоже душа ея святая непрестанно желая видети в совершении церковь святую, тако Бог и сотвори: соверши и освяти Пресвятым Своим и Животворящим Духом силою и действием чрез Архипастыря всея России великаго архиерея Святейшаго Патриарха Иоакима Московскаго и всея России.

Бысть же тут на освящении и от освященного чина архиереи: Варсонофий митрополит Сарской и Подонской, Гавриил архиепископ Вологоцкой, Афанасий архиепископ Холмогорской и архимандриты, священницы и диаконы, и всякаго священнаго чину множество.

Соизволи же тут быти на освящении и Царское Величество благочестивейший Великий Государь Царь и Великий Князь Иоанн Алексиевич всея великия и малыя и белыя России самодержец, благоверныя Царевны и Великия Княжны Татиана Михайловна, София Алексиевна, благоверныя Царицы и благородныя Царевны и от сикклита Царскаго Величества не мало, и множество всякаго чина людей от народа.

Бысть же сие освящение святыя и великия церкви, яже создана бысть на подобие Иерусалимския церкви, в Воскресенском Живоначальнаго Христова Воскресения монастыре Новаго Иерусалима в строении Святейшаго Никона Патриарха Московскаго и всея России в лето от создания мира 7193, по воплощении же Божия Слова 1687 месяца иануариа в 18 день на память иже во святых отец наших Афанасия и Кирилла архиепископов Александрийских чудотворцев.

При державе благочестивейших Великих Государей Царей и Великих Князей Иоанна Алексиевича и Петра Алексиевича всея великия и малыя и белыя России самодержцев и при настоящих начальствуемых и паствующих обители святыя Воскресенския архимандрите Никифоре, строителе старце Сергие Турчанинове, иже в сем деле в навершеннии святыя великия церкви и во всех иных монастырских исправлениях зело трудися со тцанием прилежным никто же тако ин; якоже он художество же имеяй, он лияние колокольное лияше бо рук трудов его все колокола во обители Воскресенской, кроме единого великаго колокола, и тут он с мастером трудися при казначее иеромонахе Варлааме иже был во изгнании в Ферапонтове монастыре со Святейшим Никоном Патриархом, о немже писано выше; и братии было не менее двоя сот, а с приписными монастыри и пустыни не менее четырех сот было братии.

Еще же по милостивому призрению Великих Государей благочестивых Царей всея России самодержцев ко обители святей в приписании с монастыри и пустыни и с домовыми монастырскими вотчины крестьянских дворов по переписным книгам 186 (1678) года две тысячи девяносто семь дворов, соляного промысла в великой Перми на Каме реке в государском промыслу на верхней Веретии наших монастырских четыре варницы, рыбного промысла семужьяго на море окияне на Терской стороне²⁹ в море, а в реках Поное с товарищи рыбныя ловли, и в тундре лопари промышляют елени, песцы, волки, лисицы и прочия звери.

И тако убо от времени того, в не же призре Господь Бог милосердием своим паки на обитель святую и озари мысленныя очи сердечныя сияющаго во благочестии благочестиваго Царя Феодора Алексиевича всея России, и по отшествии убо его от сего жития царствующих по нем братий его благочестивых Государей Царей и Великих Князей Иоанна Алексиевича, Петра Алексиевича всея великия и малыя и белыя России самодержцев и благоверных Цариц и благородных Царевен и Великих Княжен Татианы Михайловны и Софии Алексиевны по благому намерению их и верою ко Господу Богу, обитель святая строится и до ныне их Государским милостивым призрением

всякою казною изобильно и пришествием своим, Государским, часто посещают обитель святую.

А о сей истории тщательно потрудися муж благочестивый ревность благу имея по Бозе и по духовнем пастыре своем и отце Святейшем Никоне Патриархе Московском и всея России. Имя же того писавшаго историю сию, аще кто имать разум да разумеет: пять бо литер имать, три самогласных, согласная же едина и припряжно гласная ж едина, едина же и дебелая, суть же 4 сложно во приобщении, число же 131; отчество же имать литер 11: от нихже согласных 8, самогласных 4, припряжно гласных 2, в них же едина тонкая и едина дебелая, суть же 4 сложно во общении, число ж 297.

В другой книге об отечестве доказывается литер 13: от них же согласных 6, самогласных 4, припряжно гласных 3, в них же 2 тонких, едина же дебелая, суть же 4 сложно во общении, число ж имать 393.

В прозвании же литер имать 8: согласных 4, самогласных 3, припряжно гласная одна и дебелая, суть же три сложно в приобщении, число имать 563; имя же того и отчество с прозванием имать убо вкупе великое число 991.

Чином же клирик, иже бе знаем вельми Святейшему Никону Патриарху, понеже бо воспитан из детска возраста и возмужа при бедре его; и во время изгнания Святейшаго Никона Патриарха во дни соборов, много зла претерпе в заточении сидя в Москве за разными стражи три лета; потом же во изгнание послан в великий Нов-град³⁰ и бе тамо во изгнании десять лет и абие по прошению Великия Государыни Царевны и Великия Княжны Татианы Михайловны освобожден бысть из Нова-града и взят к Москве в царство благочестиваго Царя Феодора Алексиевича всея России; той же муж благочестивый веру имея велию ко Господу Богу и ко святей обители Воскресенской, и о наведении великия церкви велие тщание показа ходатайством своим ко благородней Царевне и Великой Княжне Татiane Михайловне о всяких нужных потребах, яже суть прилично к наведению церкви и освящению, понеже той муж бе при милости государской и в чину бысть благородной Государыни Царевны и Великой Княжны Татианы Михайловны и

милость государскую имея к себе неизреченную, паче инех сверстник своих чина того же, и о всех монастырских нуждах пекийся непрестанно, занеже и намерение свое имея по отшествии жизни сея желая во обители святей Воскресенской и тело свое предати погребению близ его учителя.

Той же муж благочестивый и историю сию написа о известии рождения и воспитания и всего бытия его в жизни сей Святейшаго Никона Патриарха, и о начатии обители святой Воскресенской, и о велицей церкви, како начася и совершися, и о преставлении, и о погребении его вся от начала подробно написа, ово сам видя творимая и от уст слыша самага Святейшаго, ово же слыша от братии живущих со Святейшим во изгнании бываемая терпения и нужды, даже и до самая кончины.

Написа же сие во славу и честь Божию Имени святому и в сладость послушающим и прочитающим, на увещение будущим и впредь обитающим во обители той Воскресенской Новаго Иерусалима, братиям и всякому роду христианскому, дабы память его основателя фундатора начального Святейшаго Никона Патриарха Московскаго и всея России незабвенно в поминовении вечно была, дондеже мир во вселенней³¹ стоит. Аминь³².

Иоанн Корнилиев Рипатов

Примечания

¹ - В П.И. – Вельдеманове

² - В П.И. – наваждение.

³ - Заключительного вывода сего рассказа об освобождении вдовицы и ея семейства от податей нет, нет и в других списках, ни в печатном издании.

⁴ - В П.И.: братия же написаше заручную челобитную о иеромонахе Никоне и вдаша ему. Он же прием челобитную, пойде...

⁵ - В П.И.: и превелие ими прилежание до пения и на славу прибав крилосы предивными певчими и гласы преизбранными, пение одушевленное паче органа бездушного и такового пения, якоже у митрополита Никона, ни у кого не было.

⁶ - Т.е. чтение.

⁷ - Пение наречное, в противоположность разноречному, так называемому «хомовому» пению, в котором трудно бывает слуху уловить речь, по причине без нужднаго повторения одних и тех же слогов.

⁸ - В П.И. здесь прибавлено: начало де его поучения бысть сие: вопию к вам с пророком Давидом, возгорется огонь в сонме их и како пламень попали грешники, и нача от сего слова ... скончав сим последним словом: молитесь да невидите в напасть, да не когда прогневается Господь и погибнете от пути праведнаго, егда возгорится вскоре ярость Его; блажени вси надеющиися на нь.

⁹ - В П.И. прибавлено: глаголя сие: благодать Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа буди со всеми вами.

¹⁰ - В П.И. списке следует прибавление, относящееся собственно до устройства Иверской обители, заимствованное сокращение из вышеупомянутой книги «Рай мысленный».

¹¹ - В П.И. это место читается так: мале что не вси изомроша, и за великое удивление, аще в которой улице человека четыре или пять осталось.

¹² - Последующей за сим и важной по содержанию своему главы: «об исправлении книг» в П.И. списке нет, но в Р. и С. списках она находится.

¹³ - Разумеются Предстоятели автокефальных Славянских Церквей – Сербской, Ипекской и Охридской, Болгарской, упраздненных в 1760-х годах.

¹⁴ - В П.И. прибавлено: в 165 (1657) году.

¹⁵ - Влазня – баня.

¹⁶ - Надгробная плита с надписью в стене и поныне указывает место его погребения.

¹⁷ - То есть запретил принимать в свои монастыри за вклад с выдачею при сем «вкладных записей», в коих обозначались условия, на коих принимались такие вкладные, что нередко подавало повод к неудовольствиям и тяжбам.

¹⁸ - В П.И. прибавлено: юже устрои и в ней две церкви Богоявления Господня и свв. первоверховных апостол Петра и Павла: в ней же устроено келий (довольно); восход же нань вельми тесный, тамо же едина верхняя келия мала совсем сажени, в ней же пребываше.

¹⁹ - По П.И. списку прибавлено: 162 и 163, т.е. в 1654 и 1655 годах.

²⁰ - В П.И.: но сего не сотворю.

²¹ - В П.И.: якоже древний фараон.

²² - По П.И. прибавлено: и прочел вельми возрадовася.

²³ - По П.И.: малу.

²⁴ - В П.И.: воеводам.

²⁵ - Анепсия – племянника.

²⁶ - Сего периода нет в списке П.И.

²⁷ - Подлинные грамоты хранятся в Московской Синодальной (б. Патриаршей) ризнице.

²⁸ - В П.И. прибавлено: такожде и кресты златыя и серебряныя драгоценныя.

²⁹ - В П.И.: на Колской стороне.

³⁰ - В П.И. прибавлено: во свое отечество, бе бо рождение он имея той город.

³¹ - В П.И.: дóндеже мир вселенской стоит.

³² - В.Ш.: Святейший Патриарх Никон замышлял написать свою биографию (жизнеописание), но, как принято считать, этого не осуществил. При сравнении характера и стиля, способов аргументации и изложения материала «Писем Святейшего к Восточным Патриархам», «Возражения, или Разорения...», «Духовного завещания», «Наставлений...», писем к Царю, различных «Слов...» появляется стойкая уверенность, что автором этого «Жизнеописания...» является сам Патриарх Никон. Иоанн Шушерин, скорее всего, сохранив авторский текст, завершил его, дополнив страницами «после блаженной кончины великого Святителя Божия...».